

Конфликт с рабством, Часть 1, из произведений Джона Гринлифа Уиттиера, Том VII

Джон Гринлиф Уиттиер

The Conflict with Slavery

John Greenleaf Whittier

Электронная книга проекта "Гутенберг" о конфликте с рабством

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Конфликт с рабством

Автор: Джон Гринлиф Уиттиер

Дата выхода: 1 декабря 2005 г. [Электронная книга №9595]

Последнее обновление: 2 января 2021 г.

Язык: Английский

Титры: Эта электронная книга была спродюсирована Дэвидом Уиджером

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "КОНФЛИКТ С РАБСТВОМ" ***

Эта электронная книга была подготовлена Дэвидом Уиджером

КОНФЛИКТ С РАБСТВОМ

ПОЛИТИКА И РЕФОРМЫ

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ КРИТИКА

АВТОР ДЖОН ГРИНЛИФ УИТТИЕР

СОДЕРЖАНИЕ:

КОНФЛИКТ С РАБСТВОМ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ, АБОЛИЦИОНИСТЫ; ИХ ЧУВСТВА И ВОЗРАЖЕНИЯ ПИСЬМО СЭМЮЭЛЮ Э. СЬЮЭЛЛУ, ДЖОН КУИНСИ АДАМС, БИБЛИЯ И РАБСТВО, ЧТО ТАКОЕ РАБСТВО, ДЕМОКРАТ И РАБСТВО, ДВЕ ПРОЦЕССИИ, ГЛАВА ИСТОРИИ, ТОМАС КАРЛАЙЛ ПО ВОПРОСУ О РАБСТВЕ, ФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО БОРЬБЕ С РАБСТВОМ, УРОК И НАШ ДОЛГ, ЧАРЛЬЗ САМНЕР И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ, ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1872 ГОДА, ПОРИЦАНИЕ САМНЕРА, КОНВЕНЦИЯ ПО БОРЬБЕ С РАБСТВОМ 1833 ГОДА, КАНЗАС, УИЛЬЯМ ЛЛОЙД ГАРРИСОН, ГОДОВЩИНА БОРЬБЫ С РАБСТВОМ, ОТВЕТ НА ПРАЗДНОВАНИЕ МОЕГО ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЯ

РЕФОРМЫ И ПОЛИТИКА. УТОПИЧЕСКИЕ СХЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРЕТИКИ, СВОЕОБРАЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ МАССАЧУСЕТСА, ЛОРД ЭШЛИ И ВОРЫ, ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ЖЕНЩИН, ИТАЛЬЯНСКОЕ ЕДИНСТВО, ИНДИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЛЕПЫХ, ИНДИЙСКИЙ ВОПРОС, РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ПАРТИЯ, НАШИ НЕМЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРБИТРАЖ, ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ДЛЯ ЖЕНЩИН

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ. ОРУДИЕ ЗЛА "ГАМЛЕТ Среди МОГИЛ" СВЕДЕНБОРГ "ЛУЧШАЯ ЗЕМЛЯ" ДОРА ГРИНВЕЛЛ "ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ" ДНЕВНИК ДЖОНА ВУЛМАНА "СТАРЫЙ ПУТЬ" ХАВЕРФОРДСКИЙ КОЛЛЕДЖ

КРИТИКА. ЭВАНДЖЕЛИН МИРТ И МЕДИЦИНА, СЛАВА И ФАНАТИЗМ СЛАВЫ, ПОЭЗИЯ СЕВЕРА

КОНФЛИКТ С РАБСТВОМ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ, ИЛИ РАБСТВО, РАССМАТРИВАЕМОЕ С ЦЕЛЬЮ ЕГО ЗАКОННОГО И ЭФФЕКТИВНОГО УСТРАНЕНИЯ, ОТМЕНЫ.

[1833.]

"Есть закон, стоящий выше всех постановлений человеческих кодексов, один и тот же во всем мире, один и тот же во все времена, — такой, каким он был до того, как отважный гений Колумба пронзил ночь веков и открыл одному миру источники богатства, власти и знаний, а другому — всех невыразимых бед; такой, каков он и по сей день: это закон, начертанный перстом Божиим на сердце человека; и по этому закону, неизменному и вечному, в то время как люди презирают мошенничество, и ненавидят грабеж, и ненавидят кровь, они должны отвергнуть с благоговением. негодование - дикая и преступная фантазия о том, что человек может владеть собственностью на человека". - ЛОРД БРОЭМ.

Меня могут спросить, почему я пытаюсь поднять тему рабства в Новой Англии, где мы все признаем его злом. Потому что такого признания с нашей стороны недостаточно. Это делает не больше, чем рабовладелец и работороговец. "Мы обнаружили, - говорит Джеймс Монро в своей речи по этому вопросу перед Конвентом Вирджинии, - что это зло затронуло самые жизненно важные органы Союза и нанесло ущерб всем штатам, в которых оно существовало". Все штаты в

своих Конституциях и декларациях прав сделали подобное заявление. И что стало следствием этой общей веры в зло человеческого порабощения? Подорвало ли это основы печально известной системы? Нет. Уменьшило ли это число своих жертв? Совсем наоборот. Не сопровождаемая филантропической деятельностью, она была с моральной точки зрения никчемной, вещью, лишенной жизненной силы, незрячей, бездушной, мертвой.

Но можно сказать, что мы сочувствуем несчастным жертвам системы. Сочувствие - сочувствие священника и левита, наблюдающих и признающих, но держащихся в стороне от смертных страданий. Может ли такое пустое сочувствие достичь сокрушенного сердца, и отвечает ли на него благословение тех, кто готов погибнуть? Удерживает ли оно раба от удара плетью или подслащивает его горький хлеб? Сердце и душа человека устают от этого сочувствия, от этой бессердечной насмешки над чувствами; его тошнит от банального ханжества лицемерия, прикрывающего искусственными цветами чувства невыразимую грязь и невообразимую несправедливость. Это побелка гробницы, чтобы заставить нас забыть о ее ужасном отложении. Это разбрасывание цветов вокруг склепа и над все еще гноящейся могилой, чтобы отвлечь наши мысли "от костей мертвецов и всякой нечистоты", от скверны и омерзения внизу.

Нет! пусть правда по этому вопросу, неприкрытая, обнаженная, ужасная, какой бы она ни была, откроется нам. Давайте больше не будем пытаться скрыть это; давайте больше не будем стремиться забыть это; давайте больше не будем осмеливаться смягчать это. Лучше встретить это здесь с покаянием, чем на суде Божьем. Крик угнетенных, миллионов тех, кто погиб среди нас, как погибает животное, лишенное благой вести о спасении, донесся до нас, до Того, Кто, как отец, жалеет всех Своих детей. Их кровь на нас как нация; горе нам, если мы, как нация, не покаемся в прахе и пепле. Горе нам, если мы скажем в наших сердцах: "Господь не увидит, и Бог Иакова не обратит на это внимания. Тот, кто приложил ухо, неужели Он не услышит? Тот, кто создал око, неужели Он не увидит?"

Но можно настаивать на том, что Новая Англия не имеет отношения к рабству и не несет ответственности за его порочность.

Почему мы так охотно верим лжи? Новая Англия не несет ответственности! Конституция Соединенных Штатов обязывает нас защищать рабовладельца в его грехах, и все же мы не несем ответственности! Объединившись с преступностью, заключив ковенант с угнетением, объединившись с загрязнением окружающей среды, и все же не несете ответственности! Смягчая зло, скрывая зло, голосуя за зло, разве мы не участвуем в этом?

[Господа. Харви из Нью-Гэмпшира, Маллари из Вермонта и Рипли из Штат Мэн, проголосовал в Конгрессе 1829 года против рассмотрения Резолюции о расследовании целесообразности отмены рабства в округе Колумбия.]

Члены одной конфедерации, дети одной семьи, проклятие и позор, грех против нашего брата и грех против нашего Бога, все беззакония рабства, которые открываются человеку, и все, что кричит в ухо или предстает взору Иеговы, несомненно, падут на весь наш народ. Почему же тогда мы должны протягивать руки к нашим южным братьям и, подобно фарисеям, благодарить Бога за то, что мы не такие, как они? До тех пор, пока мы практически признаем адский принцип, гласящий, что "человек может владеть собственностью в человеке", Бог не будет

считать насневиновными. До тех пор, пока мы руководствуемся политикой мира, а не справедливостью небес, до тех пор, пока мы следуем ошибочной политической целесообразности в противовес прямым повелениям Бога, до тех пор ошибки рабов будут подниматься подобно туче свидетелей против нас на неизбежном суде.

Рабство защищено конституционным договором, постоянной армией, ополчением свободных штатов.

[Дж. К. Адамс - единственный член Конгресса, который осмелился прямо заявить об этой защите. Смотрите также его очень компетентный доклад меньшинства в Комитете по промышленным предприятиям. В своей речи на последней сессии по законопроекту Комитета путей и средств после обсуждения конституционной защиты рабства он говорит: "Но те же интересы в дальнейшем защищены законами Соединенных Штатов. Он был защищен существованием постоянной армии. Если бы все штаты этого Союза были свободными республиканскими штатами, и ни один из них не обладал ни одним из механизмов, о которых он говорил, и если бы другая часть Союза не подвергалась другой опасности, связанной с их соседством с племенами индейских дикарей, он полагал, что было бы трудно доказать Палате Представителей такую вещь, как необходимость постоянной армии. Чем на самом деле занималась армия? Она защищала те же самые интересы. Она делала это с тех пор, как существовала армия. Какая польза от постоянной армии Соединенных Штатов Плимутскому округу (который он там представлял)? Ни на один доллар толку не было и никогда не было".]

Давайте не будем забывать, что если рабы, подстрекаемые невыносимыми обидами, восстанут в отчаянии и изольют поток своей жестокой мести на прекрасные Каролинские острова или освященную землю Вирджинии, Новая Англия будет призвана остановить развитие восстания — растоптать вооруженной пятой своих солдат тот дух свободы, который не знает различия ни по происхождению, ни по цвету кожи; который зажегся в сердцах черных так же, как и в сердцах белых.

И что же это за система, которую мы таким образом защищаем и поддерживаем? Система, которая держит в рабстве два миллиона Божьих созданий, которая оставляет миллион женщин без какой-либо защиты, кроме их собственной слабой силы, и которая даже применение этой силы в сопротивлении насилию карается смертью! который рассматривает разумных, бессмертных существ как предметы обращения, продаваемые товары, товарную собственность, — который не признает никаких социальных обязательств, никаких естественных отношений, — который без зазрения совести отрывает младенца от матери, жену от мужа, родителя от ребенка. Выражаясь сильным, но справедливым языком другого: "Это полная мера чистого, незамешанного, бесхитростного зла; и, презирая всякое соперничество или сравнение, оно не имеет себе равных в надежном, бесспорном обладании своим отвратительным превосходством".

У столь страшного зла должны быть свои средства защиты. Следующие из многих, которые время от времени предлагались:—

1. Помещение рабов в положение крепостных в Польше и России, прикованных к земле, и без права со стороны хозяина продавать или вывозить их. Это было задумано как предварительное условие для полной эмансипации в какой-то отдаленный период, но невозможно понять ни ее справедливость, ни целесообразность.

2. Постепенное упразднение, термин неопределенный, но понимаемый как осушение капля за каплей великого океана зла; выщипывание с большими интервалами некоторых разрозненных ветвей моральных устоев; сохранение для нерожденных поколений тени надежды, которую нынешние, возможно, никогда не почувствуют, постепенное прекращение творить зло; постепенное воздержание от грабежей, похоти и убийств: короче говоря, подчинение неведомой и преступной политике, а не повелениям Бога.

3. Воздержание населения свободных штатов от использования известных продуктов рабского труда с целью сделать этот труд бесполезным. Вне всякого сомнения, пример добросовестных людей может оказать благотворное воздействие на умы некоторых рабовладельцев; I но пока существует наша конфедерация, торговых сношений с рабовладельческими штатами и потребления их продукции избежать невозможно.

[Ниже приводится записанное высказывание уважаемого сэра Уильяма Джонса: "Пусть сахар будет таким дешевым, как только может, лучше его не есть, лучше питаться алоэ и коллоквиной, чем нарушать первичный закон, запечатленный в каждом сердце, не зараженном алчностью; чем лишать одно человеческое существо тех вечных прав, которых ни один закон на земле не может справедливо лишить его".]

4. Колонизация. Искключительной целью Американского общества колонизации, согласно второй статье его конституции, является колонизация свободных цветных людей, проживающих среди нас, в Африке или в любом другом месте по указанию Конгресса. Неуклонно придерживаясь этой цели, оно не имеет ничего общего с рабством; и я упоминаю его как средство правовой защиты только потому, что некоторые из его сторонников имеют в виду конечную отмену или смягчение этого зла.

Пусть говорят факты. Колонизационное общество было организовано в 1817 году. В его состав входят двести восемнадцать вспомогательных обществ. Законодательные органы четырнадцати штатов рекомендовали это. Пожертвования поступали в его казну со всех концов Соединенных Штатов. Обращения в его пользу звучали со всех наших кафедр. Он работает шестнадцать лет. За этот период в рабстве погибло почти миллион человек, а число рабов увеличилось более чем на полмиллиона, или, в круглых цифрах, на 550 000

Все это время Колонизационное общество было усердно занято переправкой рабов в Африку, другими словами, отменой рабства. В этом очень благотворительном занятии он увлек 613 освобожденных рабов

Баланс против общества 549,387!

Но хватит о тенденции к его отмене. Что он сделал для улучшения ситуации? Станьте свидетелем недавно принятых законов некоторых рабовладельческих штатов, законов кровавых, как кодекс Дракона, нарушающих законы Содо и неотъемлемые права Его детей?— [Будет видно, что общество одобряет эти законы.]—Но зачем говорить об улучшении? Улучшении чего? о грехе, о невыразимом преступлении, о системе несправедливости и надругательства, ужасной в глазах Бога, Зачем пытаться провести черту эгоистичной политики, плотской целесообразности между преступностью ада и покаянием и его плодами, предписанными небесами?

Чтобы узнать о принципах и взглядах общества, мы должны обратиться к его собственным заявлениям и признаниям; к его ежегодным отчетам; к отчетам его вспомогательных органов; к речам и трудам его защитников; и к его органу, Африканскому хранилищу.

1. Это оправдывает рабство и приносит извинения рабовладельцам.

Доказательство. "Рабство - это зло, навлекаемое на нынешнее поколение рабовладельцев, от которого они должны страдать, хотя бы они того или нет!" "Существование рабства среди нас, хотя нашим южным братьям это вовсе не является недостатком" и т.д.? "Оно (общество) никого не осуждает за то, что он рабовладелец". "Признавая конституционное и законное существование рабства, оно стремится ни прямо, ни косвенно не вмешиваться в права, которые оно создает. Признавая необходимость, которой оправдано его нынешнее существование, и строгие меры по его поддержанию" и т.д. "Они (аболиционисты) смешивают несчастья одного поколения с преступлениями другого и готовы пожертвовать как индивидуальным, так и общественным благом ради необоснованной теории прав человека".

2. Оно обязуется не выступать против системы рабства.

Доказательство. "Наше общество и друзья колонизации хотят, чтобы их четко поняли по этому вопросу. С самого начала они отрицали и до сих пор отрицают, что их целью является освобождение рабов". — [Речь Джеймса С. Грина, эсквайра, Первый ежегодный отчет Общества колонизации Нью-Джерси.]

"Это учреждение предлагает творить добро с помощью единого конкретного курса мер. Его прямой и специфической целью является не отмена рабства, или избавление от пауперизма, или расширение торговли и цивилизации, или развитие науки, или обращение язычников. Единственная цель, которую предписывает его конституция и на которую обязательно направлены все его усилия, - это африканская колонизация из Америки. Он предлагает лишь создать условия для добровольной эмиграции свободных цветных людей из этой страны в страну их отцов".

"Это не общество отмены рабства; оно пока не обращается с аргументами ни к одному хозяину и с ужасом отвергает идею предлагать искушения любому рабу. Это отрицает замысел попытки эмансипации, как частичной, так и общей".

"Колонизационное общество, как таковое, полностью отказалось от названия и характеристик аболиционистов. По этому поводу они были несправедливо и оскорбительно оклеветаны. В их рассказах тема эмансипации вообще не фигурирует".

"С момента своего возникновения и на протяжении всего периода своего существования оно постоянно отвергало всякое намерение вмешиваться, хотя бы в малейшей степени, в права собственности или в цели эмансипации, постепенной или немедленной". . . . "Общество не представляет американской общественности никакого проекта эмансипации". — [Речь мистера Клея, Там же, т. vi. стр. 13, 17.]

"Освобождение рабов или улучшение их положения, а также моральное, интеллектуальное и политическое улучшение цветных людей в Соединенных Штатах являются предметами, чуждыми силам этого общества".

"Общество как таковое не признает никаких принципов по отношению к рабовладельческому строю. В нем ничего не говорится и предлагается ничего не предпринимать, уважая его". . . .

"Насколько мы можем установить, сторонники политики колонизации в целом считают, что рабство в этой стране является конституционной и законной системой, нарушать которую у них нет ни склонности, ни интереса, ни возможности".

3. Он рассматривает разумные божьи создания как собственность.

Доказательство. "Мы храним их рабов, как и другую их собственность, священо".

"Столь же очевидно и неоспоримо, что общество при осуществлении этой работы никогда не вмешивалось и не проявляло даже намерения каким-либо образом нарушать права владельцев рабов".

"К рабовладельцам, которые обвинили их в злонамеренном намерении вмешаться в права собственности под благовидным предлогом удаления порочного и опасного свободного населения, они обращаются тоном примирения и сочувствия. Мы знаем ваши права, говорят они, и мы их уважаем".

4. Он хвастается, что его меры рассчитаны на увековечение ненавистной системы рабства, устранение страхов рабовладельца и повышение ценности его человеческих существ.

Доказательство. "Они (южные рабовладельцы) внесут более эффективный вклад в сохранение и укрепление этой системы (рабства), устранив тех, кто сейчас свободен, чем любыми другими методами, которые только можно придумать".

"Предлагаемая мера, столь далекая от того, чтобы быть связанной с отменой рабства, была бы одной из величайших гарантий, позволяющих хозяину сохранить во владении свою собственность". — [Речь Джона Рэндольфа на первом собрании Общества колонизации.]

"Тенденция этого плана и одна из его целей - обезопасить рабовладельцев и всю Южную страну от определенных пагубных последствий, вытекающих из нынешнего тройственного состава нашего населения".

"Был только один способ (предотвратить опасность), но, к счастью, его можно было сделать эффективным. Это было сделано для того, чтобы обеспечить и поддерживать открытым канал оттока излишков, выходящий за рамки случаев прибыльной работы. Мистер Арчер излагал дело, предполагая, что после того, как нынешний класс свободных чернокожих будет исчерпан в результате осуществления плана, который он рекомендовал, для его осуществления будут предоставлены другие в пропорции к избытку цветного населения, от которого необходимо будет избавиться в процессе добровольного освобождения или продажи. Этот эффект неизбежно должен быть вызван снижением стоимости рабов, что приводит к их непропорциональному размножению. Процесс одновременно уменьшит и замедлит обесценивание. Эти две операции взаимно помогали бы и поддерживали друг друга, и обе были бы в высшей степени выгодны. Следовательно, именно исходя из интереса, самого бесспорного денежного интереса, он обратился к народу и законодательным органам рабовладельческих штатов".

"Рабовладелец, которому угрожает заражение его рабов их свободными цветными друзьями, не только будет избавлен от этой опасности, но и повысит ценность своего раба".

5. Это отрицает способность христианской любви преодолевать нечестивые предубеждения против части наших ближних.

Доказательство. "Менеджеры считают очевидным, что существуют и действуют причины, препятствующие их (чернокожих) улучшению и возвышению в сколько-нибудь значительной степени как класса в этой стране, которые являются постоянными, неподвластными не только друзьям человечества, но и любой человеческой силе. Христианство не сделает для них здесь того, что оно сделает для них в Африке. Это не вина цветного человека и не христианство; это предопределение Провидения, и его можно изменить не больше, чем законы природы!" — [Последний ежегодный отчет Американского общества колонизации.]

"Привычки, чувства, все предрассудки общества — предрассудки, которые не могут победить ни утонченность, ни аргументы, ни образование, ни сама религия, — отмечают цветных людей, будь то рабов или свободных, как подверженных неизбежной и неизлечимой деградации. Африканец в этой стране по рождению принадлежит к самому низшему положению в обществе, и с этого положения он никогда не сможет подняться, какими бы ни были его таланты, его предприимчивость, его добродетели . . . Они сами по себе составляют класс, из которого ни один индивид не может быть возвышен и ниже которого никто не может быть подавлен".

"Разве не разумно, в таком случае, для свободных цветных людей и их друзей признать то, в чем не может быть разумных сомнений, что цветные люди должны в этой стране оставаться на века, возможно, навсегда, отдельной и низшей кастой, отягощенной причинами, могущественными, универсальными, неизбежными; которые ни законодательство, ни христианство не могут устранить?"

6. Он решительно выступает против образования чернокожих в этой стране как бесполезного, так и опасного.

Доказательство. "Если бы свободных цветных людей вообще учили читать, это могло бы побудить их остаться в этой стране (то есть в их родной стране). Тогда мы не стали бы предлагать такого стимула". — [Southern Religious Telegraph, 19 февраля 1831 г.]

"Общественная безопасность наших братьев на Юге требует, чтобы они (рабы) оставались невежественными и необразованными".

"Дело свободных (этого требует их безопасность) - держать рабов в неведении. Но несколько дней назад в законодательном собрании Джорджии было внесено предложение разрешить им обучение в таком объеме, чтобы они могли читать Библию; которое было немедленно отклонено подавляющим большинством голосов". [Материалы Общества колонизации штата Нью-Йорк по случаю его второй годовщины.]

Э. Б. Колдуэлл, первый секретарь Американского общества колонизации, в своей речи при его создании рекомендовал содержать их "в самом низком состоянии невежества и деградации, ибо (говорит он) чем ближе вы подводите их к состоянию животных, тем больше шансов вы даете им овладеть своей апатией".

Мои пределы не допускают более подробного изучения. К документам, из которых были сделаны приведенные выше выдержки, я хотел бы привлечь внимание каждого настоящего

друга человечества. Я не хочу быть несправедливым к Колонизационному обществу, но я хочу, чтобы общественность в целом поняла его характер.

Стремление общества покончить с работорговлей посредством своей африканской колонии было усиленно поддержано его друзьями. Но ошибочность этого теперь признана всеми: из отчетов самого общества следует следующее: —

"Некоторые ужасающие факты, касающиеся работорговли, стали известны Совету управляющих в течение последнего года. С неослабевающей жестокостью и активностью эта отвратительная торговля в настоящее время осуществляется по всему африканскому побережью. Фабрики по производству рабов созданы в непосредственной близости от колонии; и в Галлинас (между Либерией и Сьерра-Леоне) прошлым летом в течение трех недель было отправлено не менее девятисот рабов".

6 апреля 1832 года Палата общин Англии распорядилась напечатать документ, озаглавленный "Работорговля, Сьерра-Леоне", содержащий официальные доказательства того факта, что пираты, занимающиеся африканской работорговлей, снабжаются со складов Сьерра-Леоне и Либерии такими товарами, каких требует адская торговля! Способный английский писатель, пишущий на тему колонизации, таким образом, отмечает этот поразительный факт:

И здесь нелишне заметить, что до тех пор, пока длится рабство негров, все колонии на африканском побережье, какого бы вида они ни были, должны стремиться поддерживать его, потому что во всей торговле предложение более или менее пропорционально спросу. Спрос существует в негритянском рабстве; предложение возникает за счет африканской работорговли. И чего большего удобства могли желать африканские работорговцы, чем магазинов, хорошо укомплектованных вдоль побережья теми самыми предметами, которые требуются для их торговли. То, что африканские работорговцы действительно получают такое снабжение в Сьерра-Леоне и Либерии, является предметом официальных свидетельств; и мы знаем, исходя из природы человеческих поступков, что они будут получать такое снабжение вопреки всем законам или предосторожностям, пока спрос требует поставок, и есть бесплатные магазины, где под рукой есть все, что они хотят. Лавочник, каким бы честным он ни был, не всегда сможет отличить африканского работорговца или его агентов от других торговцев. И много ли где-нибудь найдется владельцев магазинов, которые были бы чересчур щепетильны в расспросах покупателя с полным кошельком?"

Но нам говорят, что Общество колонизации призвано цивилизовать и благовествовать Африку.

"Каждый эмигрант, - говорит Генри Клей, самый способный защитник, которого когда-либо нашло общество, - является миссионером, несущим с собой верительные грамоты в святом деле цивилизации, религии и свободных институтов".

Прекрасная и воодушевляющая идея! Но постойте, кто эти эмигранты, эти миссионеры?

Свободные цветные люди. "Они, и только они, - говорится в Африканском хранилище, органе общества, - имеют право колонизировать Африку".

Какова их квалификация? Пусть общество ответит своими словами: —

Свободные чернокожие доставляют больше хлопот, чем даже сами рабы ".—

[Африканское хранилище, том ii. стр. 328.]

"Орда несчастных людей — объекты всеобщего подозрения — живущих грабежом".

"Аномальная раса существ, наиболее униженных на земле". —[Африканское хранилище, том vii. стр. 230.]

"Из всех классов нашего населения наиболее порочным является класс свободных цветных". — [Десятый ежегодный отчет Общества колонизации.]

Я мог бы продолжить цитату из "верительных грамот", которые свободные цветные люди должны иметь при себе в Либерии. Но я воздерживаюсь.

Теперь я перехожу к единственно осуществимому, единственно справедливому плану освобождения: немедленная отмена рабства; немедленное признание великой истины, что человек не может владеть собственностью в человеке; немедленная сдача пагубных предрассудков христианской любви; немедленное практическое послушание заповеди Иисуса Христа: "Во всем, что вы хотите, чтобы люди делали с вами, поступайте и вы с ними так же".

Правильное понимание того, что подразумевается под немедленной отменой, должно убедить каждый непредвзятый разум в том, что это не призрачно и не опасно; что это не влечет за собой катастрофических последствий кровопролития и разрухи; но, напротив, что это безопасное, практически осуществимое, эффективное средство от пороков рабовладельческой системы.

Термин "немедленный" используется в отличие от термина "постепенный". Как бы искренне я этого ни желал, я не ожидаю, да и никто не ожидает, что чудовищная система угнетения может быть мгновенно свергнута. Ужасное и неудержимое негодование свободного народа еще недостаточно сконцентрировано против этого. Сторонники отмены смертной казни не забыли об особой организации нашей конфедерации, о тонком разделении власти между штатами и правительством в целом. Они видят множество препятствий на своем пути; но они знают, что общественное мнение может преодолеть их все. Они не просят помощи физического принуждения. Они стремятся достичь своей цели не оружием насилия и крови, а разумом и истиной, молитвой к Богу и мольбой к человеку.

Они стремятся неизгладимо запечатлеть в сердце каждого человека истинные доктрины прав человека; утвердить сейчас и навсегда эту великую и фундаментальную истину о свободе человека, что человек не может владеть собственностью своего брата; ибо они верят, что всеобщее признание этой истины полностью разрушит систему рабства, поскольку эта система основана на отрицании или игнорировании ее. Используя ясное изложение выдающегося сторонника немедленной отмены смертной казни, наш план освобождения просто таков: "Распространять истинную доктрину прав человека на высоких и низких постах, и везде, где есть люди; шептать ее в уголках у камина и провозглашать ее с крыш домов, да, с горных вершин; изливать ее, как воду, с кафедры и из прессы; возвеличивать ее всей пищей внутреннего человека, от младенчества до седых волос; давать "строку за строкой" и наставление за наставлением". заповедь" до тех пор, пока она не станет одним из основополагающих принципов и нерушимых частей общественной души. Пусть те, кто презирает этот план, откажутся, если они еще не сделали этого, от евангельского плана

обращения мира; пусть они откажутся от любого плана морального преобразования и от любого плана вообще, который не заканчивается удовлетворением их собственной животной природы".

"Друзья освобождения" в первую очередь будут настаивать на немедленной отмене рабства в округе Колумбия, а также на территориях Флориды и Арканзаса.

Количество рабов в этих частях страны, находящихся под прямой юрисдикцией правительства общей юрисдикции, выглядит следующим образом:—

Округ Колумбия 6,119

Территория Арканзаса 4,576

Территория Флориды 15,501

Всего 26 196

Итак, здесь находятся двадцать шесть тысяч человеческих существ, созданных по образу Божьему, приспособленных храмов Его Святого Духа, удерживаемых правительством в отвратительных цепях рабства. Власть освободить их очевидна. Она неоспорима. Она не зависит от двадцати пяти голосов рабов в Конгрессе. Она принадлежит свободным штатам. Их долг перед ними: пусть они исполняют его в страхе перед Богом, а не перед человеком.

Пусть они немедленно сбросят с себя тяжкие оковы. Пусть они заявят, что человек больше не должен держать своих собратьев в рабстве, как вьючное животное, предмет торговли, в пределах государственной собственности. Этого требуют Бог, истина и вечная справедливость. Сама репутация наших отцов, честь нашей страны, все принципы свободы, гуманности, целесообразности требуют этого. Священное уважение к свободным принципам породило нашу независимость, а не жалкое количество практического зла, на которое жаловались. И хотя наши отцы оставили свою великую работу незавершенной, наш долг - следовать их принципам. Без свободы и равенства мы не можем остановиться, не причинив несправедливости их памяти. Если наши отцы хотели, чтобы рабство было вечным, чтобы наша практика навсегда изобличала наши профессии, почему великий конституционный договор так осторожно умалчивает о человеческом рабстве? Если государственная необходимость требовала этого постоянного нарушения законов Божьих и прав человека, этого постоянного солицизма в свободном правительстве, почему это не воспринимается как необходимость, неизлечимая и неизбежная, и формально и отчетливо не признается устоявшейся частью нашей социальной системы? Государственная необходимость, этот имперский тиран, не ищет маскировки. Говоря языком Шеридана, "Он осмеливается признавать то, что он делает, а признаваясь, презирает любое другое оправдание, кроме великих мотивов, которые дали ему в руки железный скипетр".

Возможно ли, чтобы наши отцы чувствовали эту государственную необходимость? Нет; ибо они оставили открытой дверь для эмансипации, они оставили нам свет своих чистых принципов свободы, они сформулировали великую хартию американских прав, не употребив в ее структуре ни одного термина, на который после обретения всеобщей свободы враги нашей страны могли бы указать с обвинением.

В чем же тогда заключается наш долг?

Претворить в жизнь дух нашей Конституции; опираться на великую декларацию и заявить перед лицом всего мира, что политическое, религиозное и правовое лицемерие больше не должно покрывать, подобно отвратительной проказе, черты американской свободы; немедленно сбросить путы зла; снять тяжкое бремя и позволить угнетенным выйти на свободу.

Нам действительно авторитетно заявили в Конгрессе и в других местах, что наши братья на Юге и Западе не потерпят дальнейшей агитации на тему рабства. Что тогда? должны ли мы прислушаться к несправедливому запрету? Нет; по нашему долгу как христиан, как политиков, по нашему долгу перед самими собой, перед нашим ближним и перед Богом, мы призваны поднимать эту тему; не давать рабству покоя под священной эгидой правительства свободы; вырвать его с корнем и ветвями, со всеми его мерзкими плодами, по крайней мере, с почвы национального достояния. Рабовладелец может насмеяться над нами; представители собственности, товаров, пригодных для продажи, могут угрожать нам; тем не менее наш долг непреложен; дух Конституции должен поддерживаться в пределах исключительной юрисдикции правительства. Если мы не можем "обеспечить всеобщее благосостояние", если мы не можем "гарантировать каждому из штатов республиканскую форму правления", давайте, по крайней мере, больше не будем издавать законы для свободной нации перед лицом падающего кнута, слыша проклятия надсмотрщика и молитвы его раба!

Я отрицаю право рабовладельца заставлять своего северного брата молчать по поводу рабства. Что? вынужденный поддерживать систему, содержать постоянную армию, которая ее защищает, и все же лишенный жалкой привилегии возражать! Готовые по зову хозяина подавить восстания своих рабов, разразиться той местью, которая сейчас является и была во всех нациях и во все времена неизбежным следствием угнетения и несправедливости, и все же, как автоматы, действовать, но не говорить! Неужели нам будет отказано даже в праве раба, в праве роптать?

Я отдаю себе отчет в том, что мои замечания могут быть расценены многими как опасные и заслуживающие исключения; что меня могут счесть фанатиком за то, что я цитирую язык вечной истины, и осудить как подстрекателя к поддержанию, как по духу, так и по букве, доктрины независимости Америки. Но если таковы последствия простого исполнения долга, я не буду обращать на них внимания. Если мой слабый призыв достигнет сердец тех, кто сейчас дремлет в беззаконии; если ему будет дана сила сбросить хотя бы один камень с этого грязного храма, где кровь человеческих жертв приносится Молоху рабства; если по воле Провидения это сможет сорвать хоть одну окову с образа Божьего и дать возможность одному страждущему африканцу

"Чтобы меньше чувствовать
тяжесть человеческих страданий и без ропота скользить к могиле",

.

Я не напрасно написал; моя совесть будет удовлетворена.

Я далек от мысли добавлять новую горечь в желчные и полынные воды секционных предрассудков. Нет; я желаю мира, мира всеобщей любви, католического сочувствия, мира общих интересов, общего чувства, общей человечности. Но пока терпимо относятся к рабству, такой мир существовать не может. Свобода и рабство не могут сосуществовать в гармонии. В

политическом Мезенциусе будет вечная "война внутри членов" между живыми и мертвыми. Бог и человек воздвигли между собой непреодолимый барьер, вечное разделение. Не имеет значения, под каким именем, законом или договором предпринимается попытка их союза, предопределение Провидения запретило это, и это не может продолжаться. Мир! не может быть мира между справедливостью и угнетением, между грабежом и праведностью, правдой и ложью, свободой и рабством.

Рабовладельческие государства несвободны. Имя свободы есть, но отсутствует дух. Они не пользуются ее бесценными благословениями. Везде, где рабство существует в сколь-нибудь значительной степени, за исключением некоторых недавно заселенных районов страны, и которые еще не ощутили в значительной степени пагубного и разлагающего влияния рабского труда, мы слышим в этот момент крик страдания. Нам рассказывают о заросших травой улицах, о разрушающихся особняках, о нищих плантаторах и бесплодных плантациях, о страхе извне, о внутреннем ужасе. Некогда плодородные поля опустошены, и на них нет арендаторов, ибо проклятие рабства, расточительность тех рабочих, чья оплата была удержана мошенничеством, побывало там, отравляя саму землю вне оживляющего влияния раннего и позднего дождя. Нравственная плесень смешивается с природной экономией и разрушает ее. Это похоже на то, как если бы перст вечного Бога начертал на земле рабовладельца язык Своего недовольства.

Тогда пусть рабовладельческие государства руководствуются своими нынешними интересами, без промедления начав работу по освобождению. Если они не боятся и насмехаются над пламенным негодованием Того, кому принадлежит месть, пусть мирские интересы убедят их. Они знают, они должны знать, что нынешнее положение вещей долго продолжаться не может. Разум везде одинаков, независимо от того, какого цвета структура, которую он оживляет: есть любовь к свободе, которую не может искоренить бич, ненависть к угнетению, которую не могут погасить столетия деградации. Рано или поздно раб осознает свою грубую силу, свое физическое превосходство и проявит его. Его факел будет у порога, а нож - у горла плантатора. Ужасной и неразборчивой будет его месть. Где же тогда будут гордость, красота и рыцарство Юга? Дым ее мучений поднимется вверх, как густое облако, видимое над всей землей.

"Опровергните способности негра: в безудержной воле,
Христианин, брат твой, ты еще найдешь его.
Отвергай его добродетели: с тех пор, как начались его злодеяния,
Его безумства и преступления сделали его человеком".

Тогда пусть причина восстания будет устранена как можно скорее. Прекратите угнетать. "Пусть тот, кто украл, больше не крадет". Позволь работнику получить свою плату. Свяжи его больше не узами рабства, а узами доброты и братской любви. Следи за ним ради его блага. Молитесь за него, наставляйте его, проливайте свет во тьму его разума.

Пусть это будет сделано, и ужасные страхи, которые сейчас преследуют во сне рабовладельца, уйдут. Совесть уберет свои дыбы и виселицы, и его душа обретет покой. Его земли больше не обманут его надежд. Свободный труд обновит их.

Исторические факты; природа человеческого разума; доказанные истины политической экономии; анализ причины и следствия - все сходятся в установлении:

1. Что немедленная отмена является безопасным, справедливым и мирным средством от пороков рабовладельческой системы.

2. Что свободный труд, его необходимое следствие, является более производительным и более выгодным для плантатора, чем труд рабов.

В доказательство первого положения необходимо лишь констатировать неоспоримый факт, что немедленная эмансипация, будь то отдельного человека или сообщества, ни в коем случае не сопровождалась насилием и беспорядками со стороны освобожденных; напротив, она способствовала развитию жизнерадостности, трудолюбия и похвальных амбиций вместо угрюмого недовольства, лености и отчаяния.

Показателен случай с Сан-Доминго. Кровь действительно пролилась на этом острове, как вода, но это было не из-за эмансипации. Она была утрачена во время предшествовавшей ей гражданской войны и в ходе незаконной попытки восстановить рабовладельческий строй в 1801 году. Она текла на сангвинический алтарь рабства, а не на чистый и мирный алтарь освобождения. Нет; здесь, как и во всем мире и во все времена, насилие угнетения порождало насилие со стороны угнетенных, и месть следовала только по железной поступи зла. Когда и где справедливость по отношению к пострадавшим пробудила в них ненависть и жажду мести? Когда и где любовь, доброта и сочувствие раздражали и сводили с ума преследуемых, с разбитым сердцем, с жестоко обиженными?

В сентябре 1793 года комиссар Национального собрания Франции издал прокламацию, предоставляющую немедленную свободу всем рабам Сан-Доминго. Крестили ли рабы свою свободу кровью? Сражались ли они как сорвавшиеся с цепи головорезы, потому что их сделали свободными? Убивали ли они своих освободителей? Нет; они действовали так, как и должны действовать люди в подобных обстоятельствах, по закону столь же непреодолимому, как законы вселенной: доброта обезоруживала их, справедливость примиряла, свобода облагораживала. За этим широким и мгновенным освобождением не последовало никаких волнений. Оно не стоило ни капли крови; оно ни на йоту не уменьшило богатство или промышленность острова. Полковник Мейленфант, рабовладелец, проживавший в то время на острове, утверждает, что после публичного акта об отмене рабства негры вели себя совершенно спокойно; они получили все, о чем просили, свободу, и продолжали работать на всех плантациях.—[Маленфант в мемуарах генерала Лекруа "История Сан-Доминго", 1819 год.]

"Были поместья, - говорит он, - в которых не проживало ни владельцев, ни управляющих, но в этих поместьях, хотя и заброшенных, негры продолжали свой труд там, где были какие-либо, даже низшие, агенты, которые могли бы направлять их; а в тех поместьях, где не осталось белых людей, которые могли бы направлять их, они занимались заготовкой провизии; но на всех плантациях, где жили белые, черные продолжали трудиться так же спокойно, как и раньше". Полковник Мейленфант говорит, что, когда многие его соседи, владельцы или управляющие, сидели в тюрьме, негры с их плантаций приходили к нему умолять направлять их в работе. "Если вы позаботитесь о том, чтобы говорить с ними не о восстановлении рабства, а о свободе, вы можете этим словом приковать их к труду. Как Туссен преуспел? Как я добился успеха раньше него на равнине Тупик на плантации Гуро, в течение более чем восьми месяцев после того, как рабам была предоставлена свобода? Пусть те, кто знал меня в то время, пусть спросят самих чернокожих. Все они ответят, что ни один негр на этой плантации, насчитывающей более четырехсот пятидесяти рабочих, не отказался работать; и все же считалось, что на этой

плантации соблюдается наихудшая дисциплина, а рабы - самые ленивые на равнине. Я вдохновил на ту же деятельность три другие плантации, которыми я руководил. Если бы все негры прибыли из Африки в течение шести месяцев, если бы у них была такая же любовь к независимости, как у индийцев, я бы признал, что пришлось применить силу; но девяносто девять из ста чернокожих осознают, что без труда они не могут добыть то, что им необходимо; что нет другого способа удовлетворить свои потребности и вкусы. Они знают, что должны работать, они хотят это делать и будут это делать".

Это убедительное свидетельство. В 1796 году, через три года после акта об освобождении, нам сообщили, что при Туссене колония процветала, что белые жили счастливо и мирно в своих поместьях, а черные продолжали на них работать. Вплоть до 1801 года продолжалось то же счастливое положение вещей. Колония жила как по волшебству; культивация день ото дня делала заметный прогресс благодаря восстанавливающей энергии бесплатного труда.

В 1801 году генерал Винсент, владелец поместий на острове, был послан Туссеном в Париж с целью представить Директории новую Конституцию, которая была принята в Сан-Доминго. Он прибыл во Францию сразу после заключения Амьенского мира, когда Наполеон снаряжал свое злополучное вооружение для безумной цели восстановления рабства на острове. Генерал Винсент торжественно и серьезно протестовал против экспедиции, столь нелепой, жестокой и ненужной; предпринятой в тот момент, когда в колонии царили мир и безмятежность, когда владельцы мирно владели своими поместьями, когда земледелие шло быстрыми темпами, а чернокожие были трудолюбивы и счастливы, чему не было примера. Он умолял, чтобы это прекрасное положение вещей не было изменено. Протест оставлен без внимания, и экспедиция продолжилась. Ее результат хорошо известен. Вновь столкнувшись с ужасами рабства, мирный и безмятежный труженик превратился в свирепого демона. Сошник и секатор уступили место пике и кинжалу. Белые захватчики были отброшены мечом и эпидемией; и тогда, но не раньше, собственность плантаторов была захвачена возбужденными и разъяренными черными.

В 1804 году Дессалин был провозглашен императором Хайти. Черные войска были в значительной степени распущены, и они немедленно вернулись к возделыванию плантаций. С того периода и по настоящее время среди жителей не было недостатка в трудолюбии.

М-р Харви, который во время правления Кристофа проживал на мысе Франсуа, описывая характер и положение жителей, говорит: "Было интересным зрелищем наблюдать за этим классом хайтьенов, которые теперь обрели свободу, группами приходили на ближайший рынок, где они проживали, приносили туда продукты своей промышленности для продажи; а затем возвращались, неся необходимые предметы для жизни, которые им позволило приобрести наличие у них товаров; все они явно были веселыми и счастливыми. Также не могло не прийти в голову, что их нынешнее состояние дает наиболее удовлетворительный ответ на это возражение против общей эмансипации рабов, основанное на их предполагаемой неспособности ценить и улучшать преимущества свободы. ... Поскольку они не пострадали бы, поэтому они не требуют присутствия лица, действующего в качестве водителя, с орудием наказания в руке. Насколько я имел возможность убедиться из того, что попало под мои собственные наблюдения, и из того, что я почерпнул у других жителей Европы, я убежден в одном общем факте, который по причине его важности я изложу в самых ясных выражениях, а именно, что хайтьены, занятые на обработке плантаций, так же как и остальное население,

выполняют за данное время столько работы, сколько они привыкли выполнять во время своего подчинения французам. И если мы можем судить об их будущем улучшении по тем изменениям, которые уже произошли, то можно разумно предположить, что в Хайти вскоре будет проживать население, не уступающее в своей трудолюбии населению любой цивилизованной нации в мире У каждого человека было какое-то занятие, которым он мог бы занять свое внимание; случаи праздности или невождержанности были редкостью; преобладало самое совершенное подчинение, и все казались довольными и счастливыми. Иностранцу, впервые попавшему сюда, было бы трудно убедить себя, что люди, которых он сейчас видит такими покорными, трудолюбивыми и довольными, были теми же самыми людьми, которые несколько лет назад сбежали из оков рабства ".

О нынешнем состоянии Хайти можно судить по следующим достоверным фактам: его население составляет более 700 000 человек, его ресурсы достаточны, его процветание и счастье в целом, его преступления немногочисленны, его труд увенчан изобилием, в нем нет нищих, кроме дряхлых и престарелых, его народ гостеприимный, уважительный, упорядоченный и довольный.

Освобожденные рабы, которых британское правительство в количестве двух тысяч поселило в Новой Шотландии по окончании войны за независимость, "вели безвредный образ жизни и приобрели у своих белых соседей репутацию честных, трудолюбивых людей". О свободных рабочих Тринидада у нас есть такой же отчет. На мысе Доброй Надежды три тысяченигров получили свободу и, почти за единственным исключением, занялись тяжелой работой.

Но у нас есть еще более веские доказательства. Полная отмена рабства в южных республиках неоспоримо доказала безопасность и полезность немедленной отмены. Покойный Боливар действительно заслуживает своего славного звания Освободителя, ибо он начал свой путь свободы с того, что снял оковы со своих собственных рабов, которых было семьсот.

В официальном письме мексиканского посланника британского правительства, датированном мартом 1826 года и адресованном "достопочтенному Дж. Джордж Каннинг, превосходство свободного труда над рабским ясно демонстрируется следующими фактами:

2. Теперь это осуществляется исключительно трудом свободных чернокожих.
3. Раньше он полностью содержался за счет принудительного труда рабов, купленных в Вера-Крус по 300-400 долларов за штуку.
4. Отмена в этом разделе была произведена не в результате вмешательства правительства, даже не из соображений гуманности, а из-за непреодолимой убежденности плантаторов в том, что этого требовали их денежные интересы.
5. Результат доказал всю правильность этого убеждения; и плантаторы теперь так же не желали бы, как и сами чернокожие, возвращаться к старой системе.

Пусть наши южные братья последуют этому примеру. Напрасно перед лицом подобных фактов говорить о необходимости сохранения отвратительной системы, действующей подобно двойному проклятию для плантаторов и рабов. Небо и земля отрицают ее необходимость. Это так же необходимо, как и другие грабежи, и не более.

Да, полностью отбрасывая праведный закон живого Бога — тот же самый вчера, сегодня и вовеки - и отвергая самые ясные политические истины, когда—либо проповедуемые человеком, тем не менее, в человеческой политике эгоистичная целесообразность потребовала бы от плантатора немедленного освобождения своих рабов.

Потому что рабский труд - это труд простых машин; механический импульс тела и конечностей, к которому разум рабочего не испытывает симпатии и от которого он постоянно и с отвращением восстает.

Потому что рабский труд полностью лишает хозяина неисчислимой выгоды от воли негра. Это не сочетается с принудительным физическим трудом. Это всего лишь необходимое следствие всякого труда, которое не приносит пользы работнику. Это справедливое замечание глубокого политического экономиста Адама Смита о том, что "у раба не может быть другого интереса, кроме как есть и тратить как можно больше и работать как можно меньше".

На мой взгляд, в расточительном и разрушительном влиянии рабского труда заключена торжественная и предостерегающая мораль.

Они кажутся свидетельством недовольства Того, Кто создал человека по Своему образу и подобию, неестественной попыткой управлять костями и сухожилиями, телами и душами одной части Своих детей из-за прихоти, алчности, вожделений другой; из-за этого полного нарушения замысла Его милосердного Провидения, посредством которого вся зависимость миллионов Его разумных созданий сосредоточена на воле, существовании, способностях их собратьев-смертных, вместо того, чтобы покоиться в тени Его собственной Бесконечной Силы и всепоглощающей любви.

Я приведу еще несколько фактов и наблюдений по этому поводу.

1. Выдающийся ученый мистер Куломб, руководитель нескольких военных объектов во Французской Вест-Индии, высказывает свое мнение, что рабы выполняют не более трети той работы, которую они выполняли бы, при условии, что их побуждают их собственные интересы и склонности, а не грубая сила.

2. На плантации на Барбадосе в 1780 году работали двести восемьдесят восемь рабов, девяносто мужчин, восемьдесят две женщины, пятьдесят шесть мальчиков и шестьдесят девочек. За три года и три месяца на этой плантации погибло пятьдесят семь человек и только пятнадцать родилось. Затем в управлении рабами произошли изменения. Было запрещено пользоваться кнутом; все суровые и произвольные наказания были отменены; рабочие получали заработную плату, и все их проступки рассматривались чем-то вроде негритянского суда, учрежденного ими самими; короче говоря, они были практически свободны. При такой системе за четыре года и три месяца родилось сорок четыре человека и только сорок один умер; а годовой чистый продукт плантации был более чем в три раза больше, чем раньше. - [Английский ежеквартальный журнал и обозрение, апрель 1832 г.]

3. Питт привел следующие доказательства в британском парламенте в апреле 1792 года. Ассамблея Гренады сама заявила, "что, хотя неграм разрешалось работать только во второй половине дня в неделю, они будут выполнять столько же работы во второй половине дня, когда будут заняты в своих интересах, сколько и в течение всего дня, когда будут заняты на службе у своего хозяина". "Теперь, после этого признания, - сказал мистер Питт, - палата представителей

может сжечь все свои расчеты относительно негритянского населения. Негр, если бы он работал на себя, несомненно, мог бы выполнять двойную работу. Таким образом, за счет улучшения способа труда объем работы на островах можно было бы удвоить".

4. "В кофейных кварталах хозяин обычно нанимает своих людей после того, как они выполнили обычную работу за день, по ставке, варьирующейся от 10 до 15,8 д. за каждый лишний бушель, который они срывают с деревьев; и многие, почти все, стремятся отработать свое жалованье".

5. В отчете, составленном комендантом Кастри для правительства Сент-Люсии в 1822 году, в доказательство близости между рабами и свободными неграми, утверждается, что "многие небольшие плантации последних, занятые только одним мужчиной и его женой, лучше возделываются и имеют больше обрабатываемой земли, чем у владельцев многих рабов, и что труд на них выполняют беглые рабы"; таким образом, ясно доказывается, что даже беглые рабы, несмотря на всепоглощающие страхи разоблачения и притеснения, работают хорошо, потому что плоды их труда приносят больше пользы. их труд сразу же становится их собственным.

Давайте посмотрим на этот предмет с другой точки зрения. Крупная сумма денег, необходимая для обеспечения плантации рабами, неизбежно приводит к тому, что сельское хозяйство рабовладельческого сообщества оказывается исключительно в руках богатых, что противоречит практическому республиканству и лучшим принципам политической экономии.

Двести рабов по 200 долларов за голову обойдутся на начальном этапе в 40 000 долларов. Сравните эти огромные затраты на содержание одной плантации с прекрасной системой бесплатного труда, представленной в Новой Англии, где каждый молодой работник, обладающий здоровьем и обычной осмотрительностью, может приобрести своим трудом на чужих фермах за несколько лет собственную ферму и скот, необходимый для ее надлежащего выращивания; где на твердой и неблагодарной почве независимости и компетентности могут достичь все.

Свободный труд полностью соответствует духу наших институтов; рабский труд - пережиток варварской, деспотической эпохи. Первое, подобно небесному своду, представляет собой равное распространение сходных огней, явное, гармоничное, регулярное; другое - это огненное преобладание какой-нибудь губительной звезды, скрывающей все меньшие светила вокруг себя в одном всепоглощающем сиянии.

Эмансипация исправила бы это зло. Плантатору больше не пришлось бы тратить большие средства на содержание рабов. Он заплатил бы за свой труд лишь очень умеренную цену; цена, действительно, намного меньшая, чем расходы на содержание разношерстной банды рабов, которых требует нынешняя система.

На старой плантации с тремя сотнями рабов найдется не более сотни эффективных работников. Дети, старики и престарелые, больные и дряхлые, праздные и неисправимо порочные, как окажется, составляют две трети от общего числа. Оставшаяся треть выполняет лишь примерно на треть больше работы, чем такое же количество свободных рабочих.

Теперь возложите на хозяина это тяжелое бремя содержания; пусть он нанимает только свободных, способных, трудолюбивых работников, тех, кто осознает личную заинтересованность в плодах своего труда, и кто не видит, что такая система была бы гораздо более безопасной и экономичной, чем нынешняя?

Рабовладельческие штаты познают эту истину на роковом опыте. Большинство из них молча корчатся под великим проклятием. Вирджиния высказала свои жалобы вслух. Однако до сих пор даже там ничего не было сделано, за исключением небольших ежегодных ассигнований на колонизацию свободных цветных жителей штата. Является ли это средством правовой защиты?

Но можно сказать, что Вирджиния в конечном итоге освободит своих рабов при условии их колонизации в Африке, мирно, если возможно, и насильственно, если необходимо.

Что ж, допуская, что Вирджиния, возможно, сможет и захочет в какой-то отдаленный период избавиться от зла, заменив наказание своих незаконных цветных людей рабством на изгнание, будет ли ее страшное средство применяться к некоторым другим рабовладельческим штатам?

Это факт, на котором наши южные братья настойчиво настаивают как на причине сохранения рабства, что их климат и своеобразное сельское хозяйство не допускают тяжелого труда со стороны белых; что среди смертельной малярии на рисовых плантациях белого человека почти ежегодно посещает деревенская лихорадка; что лишь немногие из белых надсмотрщиков на этих плантациях достигают среднего периода обычной жизни; что владельцы вынуждены покидать свои поместья с приближением жаркого сезона, не имея возможности вернуться до наступления первых заморозков. Но нам говорят, что рабы остаются там, за своей работой, по пояс в гнилой воде, вдыхая зловонный воздух, насыщенный заразой, и под палящими лучами ужасного солнца; что они действительно страдают; но что их привычки, конституция и долгая практика позволяют им работать в окружении таких разрушительных воздействий в сравнительной безопасности.

Таким образом, окончательный ответ тем, кто на самом деле лелеет призрачную надежду колонизировать все цветное население Соединенных Штатов в Африке или где-либо еще, заключается в следующем единственном, чрезвычайно важном факте: плантаторы Юга не захотят и не могут отказаться от труда черных.

К какому же средству, в таком случае, могут прибегнуть друзья человечества, как не к освобождению?

И для приведения в действие этого средства правовой защиты, насколько это касается правительства в целом, не требуется ничего, кроме сильного и недвусмысленного выражения общественных настроений.

И когда по этому вопросу будет услышан голос всех штатов, не являющихся рабовладельческими, голос обличения, мольбы, когда полный свет истины пробьется сквозь тьму предрассудков и раскроет все отвратительные проявления рабства, будет ли Делавэр по-прежнему цепляться за проклятие, которое истощает ее моральные силы, и по-прежнему будет заковычивать в кандалы свои три или четыре тысячи рабов? Пусть Делавэр начнет работу, а Мэриленд и Вирджиния должны последовать за ним; пример будет заразительным, и великая цель всеобщей эмансипации будет достигнута. Свободные люди, христиане, любители истины и справедливости, почему вы бездействуете? Наше правительство основано на мнении, и рабство переплетено с ним. Измените течение мнений, и рабство будет сметено. Пусть ужасный суверенитет народа, сила, которая ограничена только суверенитетом Небес, восстанет и вынесет приговор вопиющему беззаконию. Пусть каждый индивид помнит, что на нем самом лежит часть этого суверенитета; часть огромной ответственности за его осуществление. Жгучая, иссушающая концентрация общественного мнения на рабовладельческой системе

необходима только для ее полного уничтожения. Бог дал нам силу свергнуть его; силу мирную, но могущественную, доброжелательную, но действенную, "ужасную без суровости", моральную силу, равную чрезвычайной ситуации.

"Как же так получается, - вопрошает способный писатель, - что всякий раз, когда речь заходит о долге, мы начинаем слышать о слабости человеческой природы? Та же самая природа, которая обгоняет вихрь в погоне за наживой, которая неистовствует, как маньяк, при звуке трубы славы, которая презирает опасность и смерть, когда пробуждается ее малейшая страсть, становится слабой, как детство, когда ей напоминают о требованиях долга ". Но пусть никто не надеется найти оправдание в лицемерии. Самый скромный индивидуум сообщества тем или иным образом обладает влиянием; и на нем, так же как и на самом гордом, лежит ответственность за его законное осуществление и надлежащее руководство. Свержение такого великого национального зла, как рабство, может быть осуществлено только объединенными усилиями всего народа. Плечо должно быть прижато к плечу и рука сцеплена с рукой, вся масса должна быть приведена в движение и приложена вся ее сила, пока ткань угнетения не сотрясется до самой своей темной основы и камня на камне не останется от другой.

Пусть христианин помнит, что Бог, которому он поклоняется, ненавидит угнетение; что тайну веры может постичь только чистая совесть; и что напрасна десятина мяты, аниса и тмина, если забыты более важные вопросы закона, суда, милосердия и истины. Пусть он помнит, что повсюду в затуманенной области рабства не произносятся истины вечного Евангелия, что ухо беззакония усыплено, что те, кто служит между "притвором и алтарем", не осмеливаются говорить языком вечной справедливости: "Разве это не тот пост, который Я избрал? чтобы сбросить пути зла, сбросить тяжкое бремя и позволить угнетенным выйти на свободу?" (Isa. viii. 6.) "Тот, кто украдет человека и продаст его; или если он будет найден в его руках, он непременно будет предан смерти". (Исход. xxi. 16.1) Еще немного, и голосбеспристрастной молитвы за человечество больше не будет услышан в месте постоянного рабства. Истины Евангелия, его голос предупреждения и увещевания, будут осуждены как подстрекательские? Ночь этого неверия, которое отрицает Бога в злоупотреблениях и деградации человека, опустится на землю, чтобы быть разрушенной только мощным землетрясением вечного возмездия.

Я хотел бы искренне обратиться к членам религиозного общества друзей. Они уже многое сделали для искоренения зла рабства в этой стране и Великобритании. Благословения многих, кто был готов погибнуть, почтили на них. Но их верное свидетельство все еще должно неуклонно поддерживаться, ибо великая работа только началась. Пусть они не ослабляют своих усилий и не довольствуются безжизненным свидетельством, формальным протестом против зла. Для его низвержения необходимы активные, молитвенные, неутомимые усилия. Но, прежде всего, пусть они не помогают оправдывать и смягчать его. У рабства нет никаких искупительных качеств, никакой черты доброжелательности, ничего чистого, ничего мирного, ничего справедливого. Пусть они тщательно держатся в стороне от всех обществ и всех схем, которые имеют тенденцию оправдывать или не замечать его вопиющее беззаконие. Верные доктрине, основанной на любви и милосердии, "мире на земле и доброй воле к людям", они должны относиться к страдающему рабу как к своему брату и стараться "заменить его душу своей душой". Они могут искренне желать цивилизации Африки, но они не могут помочь в создании колонии Либерия, пока эта колония опирается в поисках поддержки на руку военной мощи; пока она обращается в христианство под дулами своих пушек; и проповедует учения Христа,

практикуя учения Магомета. Когда в Англии была сформирована Компания Сьерра-Леоне, ни одного члена Общества друзей нельзя было убедить участвовать в ней, потому что колония должна была снабжаться пушками и другими военными припасами. Тем не менее, Иностранный агент Общества колоний Либерии, против которого существует такое же непреодолимое возражение, является членом Общества друзей, и, как я понимаю, недавно был нанят для обеспечения колонии порохом и т.д. Должно произойти пробуждение по этому вопросу; другие Вулманы и другие Бенезе должны подняться и говорить правду с кроткой любовью Иакова и пылкой искренностью Павла.

К женщинам Америки, чьи симпатии не знают различия ни по клайну, ни по секте, ни по цвету кожи, "страдающая рабыня" обращается с сильным призывом. О, пусть это не останется незамеченным! ибо от тех, кому многое дано, многое потребуется на последнем страшном суде; и никогда в самых сильных выражениях человеческого восхваления влияние женщины не переоценивалось. Сестры, дочери, жены и матери, ваше влияние ощущается повсюду, у камина и в залах законодательного собрания, окружая, подобно всеохватывающей атмосфере, брата и отца, мужа и сына! И благодаря вашей любви к ним, каждому святому сочувствию в ваших сердцах, каждому скорбному призыву, исходящему к вам из сердец, святилище чувств которых было опустошено, вы призваны приложить все усилия для искупления от несправедливости и поругания.

Пусть патриот, друг свободы и Союза Штатов, больше не закрывает глаза на великую опасность, главное зло, перед которым все остальные становятся ничтожными. Наш союз шатается у основания, и рабство является причиной. Устраните зло. Осушите горькие воды в их источнике. Напрасно вы вводите в действие и отменяете свои тарифы; напрасны индивидуальные жертвы или коллективные уступки. Проклятое дело с нами, камень преткновения и скала обиды остаются. Вытащите же Ахана на свет божий, и пусть национальное покаяние искупит национальный грех.

Противоречащие интересы свободного и рабского труда дают единственное основание для опасений по поводу постоянства Профсоюза. Линия разделения между ними день ото дня становится все шире и глубже; географически и политически объединенные, мы уже являемся, с моральной точки зрения, разделенным народом. Но несколько месяцев назад мы были на самом пороге гражданской войны, войны братьев, войны между Севером и Югом, между рабовладельцем и свободным рабочим. Опасность была отсрочена на некоторое время; этот удар молнии не нанес смертельного вреда Союзу, но облако, из которого он исходил, все еще висит над нами, багровея от элементов разрушения.

Недавние события предоставили достаточное доказательство того, что интересы рабовладельцев готовы противостоять любому законодательству со стороны правительства общей юрисдикции, которое, как предполагается, имеет тенденцию, прямо или косвенно, поощрять свободный труд; и что оно намерено возложить на свои противоположные интересы причинение всех тех зол, которые неизбежно сопровождают его собственное действие, "изначальное проклятие Всемогущества на рабство".

Мы уже слишком часто ощущали крайнюю трудность учета в одном общем русле национального законодательства противоположных интересов республиканского равенства, феодальной аристократии и рабства. Правда в том, что мы предприняли морально невозможное. Эти интересы по своей природе непримиримы. Первый основан на чистых

принципах рациональной свободы; другой, под названием свободы, возрождает древнюю европейскую систему баронов и злодеев, дворян и крепостных. Действительно, состояние общества, существовавшее у наших англосаксонских предков, было гораздо более сносным, чем во многих частях нашей республиканской конфедерации. Ибо англосаксонские рабы могли купить свою свободу, и законы королевства признавали их освобождение и предоставляли им юридическую защиту.

[Кроме того, за распространением христианства в Великобритании последовало всеобщее освобождение; ибо, по-видимому, священники и религиозные миссионеры в ту раннюю и темную эпоху были более добросовестны в исполнении своих обязанностей, чем нынешние. "Святые отцы, монахи и монахини, - говорит сэр Т. Смит, - в своих исповедях, и особенно в своих крайних и смертельных болезнях, убеждали мирян, насколько опасно для одного христианина держать другого в рабстве; так что мирские люди, из-за страха перед своей совестью, были рады освободить всех своих злодеев". — Эфес. Содружество, Блэкстоун, стр. 52.]

Противодействие опасностям, проистекающим из состояния общества, столь сильно расходящегося с великой Декларацией американской свободы, должно быть серьезным стремлением каждого патриотически настроенного государственного деятеля. Не следует предпринимать ничего неконституционного, ничего насильственного; но следует неуклонно придерживаться истинной доктрины прав человека; а противодействие рабству должно быть непреклонным и постоянно поддерживаться. Следует принять меры против почти ежедневных нарушений Конституции в результате действия законов некоторых рабовладельческих штатов, подвергающих свободных цветных граждан Новой Англии и других стран, которые могут случайно оказаться на борту наших каботажных судов, тюремному заключению сразу по прибытии в Южный порт. Нельзя больше терпеть и заключение в тюрьму свободных цветных граждан Северных и Средних штатов по подозрению в бегстве, подвергая их, даже после объявления свободными, издержкам, связанным с их заключением и судебным разбирательством; ибо, если мы продолжим поддаваться подобным нововведениям в Конституции наших отцов, от нас вскоре останется только название свободного правительства.

Как бы мы ни лукавили, после всестороннего рассмотрения природы рабства мы не можем поверить, что оно может гораздо дольше поддерживать мирное существование среди нас. День революции должен наступить, и наш долг подготовиться к нему. Угрожающее зло может быть превращено в национальное благо. Учреждение школ для обучения детей-рабов, повсеместное распространение света христианства и введение священного уважения к социальным обязательствам брака и отношениям между родителями и детьми среди нашего черного населения сделало бы эмансипацию не только совершенно безопасной, но и принесло бы величайшую пользу стране. К нашему населению добавились бы два миллиона свободных людей, на которых в час опасности мы могли бы безопасно положиться; "внутренний враг" превратился бы в надежного друга, верного, великодушного и готового встретить все опасности ради нашей защиты. Хорошо известно, что во время последней войны с Великобританией, где бы враг ни появлялся на нашем Южном побережье, рабы во множестве спешили присоединиться к ним. С другой стороны, свободные чернокожие были в высшей степени полезны в отражении их ударов. Рвение последних было столь велико, они так проявили свое мужество при защите Луизианы, что нынешний верховный судья Соединенных Штатов публично воздал им одну из самых высоких похвал, когда-либо произносимых командиром своим солдатам.

Пусть никто не ищет извинений за замалчивание темы рабства, потому что законы страны терпят и санкционируют его. Но совсем недавно работорговля была защищена законами и международными договорами и санкционировалась примером людей, пользующихся репутацией набожных и неподкупных. И все же общественное мнение преодолело эти барьеры; оно приподняло занавес и показало ужасы этой самой отвратительной торговли; и несправедливый закон, и древние обычаи, и алчность, и роскошь отступили перед его непреодолимой властью. Никогда не следует забывать, что человеческий закон не может изменить природу человеческих действий в чистом поле зрения бесконечной справедливости; и что постановления человека не могут отменить постановления Бога. Рабовладельческий строй, существующий в этой стране, не может рассматриваться ни в каком ином свете, кроме как как причина, законным следствием которой является грязная торговля человеческим мясом. Это родитель, воспитатель, единственный сторонник работорговли. Это создает спрос на рабов, и предложение из-за рубежа всегда будет равно потребительскому спросу. Это сохраняет рынок открытым. Это создает для работорговца стимулы, которые не могут преодолеть никакие строгости закона, направленные против его торговли. По нашим законам его ремесло - пиратство; в то время как рабство, которому только оно и обязано своим существованием, защищено и лелеется, а те, кто им занимается, вознаграждаются увеличением политической власти пропорционально увеличению численности их человеческих существ! Похищать туземцев Африки - преступление, достойное позорной смерти; но похищать и обращать в рабство ежегодно почти сто тысяч потомков этих похищенных туземцев, родившихся в этой стране, считается вполне простительным и правильным! Что касается меня, то я не вижу разницы между грабежом в Африке и у себя дома. Я мог бы со спокойной совестью заниматься и тем, и другим.

"Нет ни одного общего принципа, - справедливо замечает лорд Ньюджент, - на основании которого следует клеймить работорговлю, который не ставил бы под сомнение само рабство". Родственные по беззаконию, они оба должны быстро пасть, пасть вместе и быть отправлены в одну и ту же позорную могилу. Дух, который пронизывает каждый нерв Англии, пробуждает Америку от ее смертного сна. Кто из наших государственных деятелей не отказался бы от пагубной репутации человека, поддержавшего своим законодательным влиянием работорговлю, торговлю человеческим мясом? Тогда пусть они остерегаются, ибо близко время, когда нынешние защитники рабства погрязнут в той же роковой репутации и оставят потомкам память, которая будет чернеть все будущие времена, наследие позора.

"Давайте не будем прибегать к обычным уловкам народов, но побоимся Бога и отвергнем зло, которое провоцирует Его; и доверьтесь не человеку, а живому Богу; и все будет хорошо для Англии!" Этому совету, данному чистосердечным Уильямом Пенном в прежние времена, скоро последуют и в настоящем. Сильное чувство действует в могущественном сердце Англии; оно говорит устами Броэма, Бакстона и О'Коннелла и требует справедливости во имя человечества и в соответствии с праведным законом Божиим. Немедленного освобождения восьмисот тысяч рабов требуют со всей строгостью, с которой больше нельзя спорить или шутить. Это требование будет выполнено; правосудие восторжествует; тяжелое бремя будет снято; угнетенные будут освобождены. Для Англии все пройдет хорошо.

И когда пятна на нашем гербе больше не будет видно; когда Декларация нашей Независимости и практика нашего народа согласуются; когда истина будет возвышена среди нас; когда любовь займет место зла; когда вся пагубная гордость и предрассудки касты и цвета кожи падут навсегда; когда под одним общим солнцем политической свободы рабовладельческие части нашей республики больше не будут сидеть, подобно древним египтянам, окутанные густой тьмой, в то время как все вокруг них будет озарено благословенным светом свободы и равенства, тогда, и не раньше, чем тогда пусть все сложится хорошо для Америки!

АБОЛИЦИОНИСТЫ.

ИХ ЧУВСТВА И ЦЕЛИ.

Два письма в "Джефферсоновский институт и Таймс", Ричмонд, Вирджиния.

Я.

Один ДРУГ прислал мне последний номер вашей газеты, содержащий краткое сообщение о недавно опубликованной мной брошюре на тему рабства.

Изредка просматривая вашу статью, я составил благоприятное мнение о вашем таланте и независимости. Вынужденный не соглашаться с некоторыми из ваших политических настроений, я все же отдаю вам должное за высокий тон искренности и мужественности, с которыми эти чувства признаются и защищаются.

Я полагаю, что после корректировки вопроса о тарифах новый предмет недовольства и агитации, по-видимому, привлекает ваше внимание.

Не успел "проклятый тариф" перестать быть камнем преткновения и камнем обиды, как "доктрины энтузиастов Севера об отмене пошлин", как вам угодно называть доктрины вашего собственного Джефферсона, дают, по вашему мнению, достаточный повод для того, чтобы поставить "Древний Доминион" под угрозу его суверенитета и побудить каждого рабовладельца к военным приготовлениям, пока весь Юг, от Потомака до Персидского залива, не оцетинится штыками, "как иглы у капризного дикобраза".

В доказательство заговора против ваших "законных прав" вы начали публиковать многочисленные выдержки из брошюр и периодических изданий аболиционистов Новой Англии и Нью-Йорка. Выдержку из моей собственной брошюры вы озаглавили "Фанатики" и, представляя ее своим читателям, сообщаете им, что "в ней яркими красками показан болезненный дух той ложной и фанатичной филантропии, которая действует в Северных штатах и, в некоторой степени, на Юге".

Джентльмены, что касается меня лично, то я не склонен делать исключения из любых эпитетов, которые вы, возможно, сочтете нужным применить ко мне или моим произведениям. Скромный сын Новой Англии— возделывающий ее суровую почву и товарищ в ее скромных рядах йоменов, — при любом личном рассмотрении вопроса не имеет большого значения, доносятся ли до меня голоса похвалы или порицания из-за узких границ моего ближайшего окружения.

Но когда я нахожу, что мои мнения цитируются как настроения Новой Англии, а затем осуждаются как опасные, "ложные и фанатичные", и особенно когда я вижу, что они служат

поводом для серьезных апелляций к предрассудкам и секционной зависти Юга, мне надлежит приложить усилия для установления их истинности и защиты от незаконного влияния и несправедливых подозрений.

Тогда, во-первых, позвольте мне сказать, что если публично выражать убеждение в том, что в силах рабовладельческих штатов освободить своих рабов с выгодой и безопасностью для них самих, преступно и что это их непосредственный долг, то большинство жителей Новой Англии совершенно невиновны. Конечно, номинально все они выступают против рабства; но на маленькую группу аболиционистов должна быть направлена анафема рабовладельца, ибо они являются агитаторами, на которых вы жалуетесь, людьми, которые действуют, руководствуясь торжественным убеждением в своем долге, и которые направляют всю энергию своего разума на достижение своей цели.

И эта цель - свержение рабства в Соединенных Штатах только такими средствами, которые разрешены законом, гуманностью и религией.

Я постараюсь, джентльмены, как можно короче изложить вам некоторые из наших причин выступать против рабства и добиваться его отмены; и, во-вторых, объяснить наш метод работы; полностью раскрыть наш план освобождения. Мы не хотим действовать тайно; откровенные республиканцы, мы не признаем двурушничества. В это напряженное время года я не могу не сожалеть, что у меня нет времени для такого тщательного изучения предмета, какого могли бы гарантировать даже мои скудные способности. Мои замечания, записанные в перерывах между работой, обязательно должны быть краткими и лишенными связности.

Мы добиваемся отмены рабства

1. Потому что это противоречит закону Божьему.

В вашей статье от 2-го числа 7-го месяца, той самой, в которой вы осуждаете "ложную и фанатичную филантропию" аболиционистов, вы объявляете себя членами Библейского общества и тепло и заслуженно восхваляете "поистине благочестивое начинание распространения истины среди всех народов".

Поэтому вы, джентльмены, что бы ни делали другие, не обвините меня в "фанатизме", если я попытаюсь обосновать свою первую важную причину противодействия рабству ссылкой на книгу "Вдохновение":

"Поэтому во всем, чего бы вы ни пожелали, чтобы люди поступали с вами, поступайте и вы так же по отношению к ним".

"А потому ныне да пребудет на вас страх Господень, берегитесь и делайте это; ибо нет беззакония у Господа и неуважения к людям".

"Разве это не тот пост, который я выбрал? Ослабить путы нечестия; снять тяжкое бремя и отпустить угнетенных на свободу, и чтобы вы сокрушили всякое ярмо?"

"Если будет обнаружено, что человек крадет кого-либо из своих братьев и делает из него товар или продает его, тот вор должен умереть".

"По правде говоря, я понимаю, что Бог не уважает людей".

"И тот, кто украдет человека и продаст его, или если он будет найден в его руках, непременно будет предан смерти".

2. Потому что это открытое нарушение всякого человеческого равенства, законов Природы и наций.

Фундаментальный принцип всех равных и справедливых законов содержится в следующей выдержке из Комментариев Блэкстоуна, Введение, раздел 2.

"Права, установленные Богом и Природой и поэтому называемые естественными правами, такие как жизнь и свобода, не нуждаются в помощи человеческих законов, чтобы быть более действенными для каждого человека, чем они есть на самом деле; они также не получают никакой дополнительной силы, когда муниципальные законы объявляют их неприкосновенными: напротив, никакое человеческое законодательство не имеет силы ограничить или уничтожить их, если только владелец сам не совершит какое-либо действие, равное конфискации".

Совершил ли негр подобное правонарушение? Прежде всего, утратил ли его малолетний ребенок свое неотъемлемое право?

Конечно, это не может быть поступком невинного ребенка.

Однако вы должны доказать факт конфискации, иначе никакое человеческое законодательство не сможет лишить этого ребенка свободы.

Его черная кожа является конфискацией!

Что? возложите ответственность на Бога! Обвините общего Отца белых и черных, Того, кто не уважает людей, в том, что Он лишает Своих ни в чем не повинных детей всего, что делает благом существование желанным; их личной свободы!

"Мы считаем эти истины самоочевидными: что все люди созданы равными; что они наделены своим Создателем определенными неотъемлемыми правами; что среди них жизнь, свобода и стремление к счастью". - [Декларация независимости, из—под пера Томаса Джефферсона.]

В этой общей и безоговорочной декларации 4 июля 1776 года все жители Соединенных Штатов без различия цвета кожи были провозглашены свободными делегатами народов этих штатов, собранными в их высшем суверенном качестве.

Вот уже более полувека мы открыто нарушаем это торжественное заявление.

3. Потому что это делает пугatory в остальном полезным примером наших свободных институтов и подвергает нас презрению и порицанию либералов и просвещенных представителей других наций.

"Звон цепей и стоны эхом отдаются от стен их безупречного Конгресса". — [Фрэнсис Джеффри.]

"Человек должен принадлежать человеку! Человек должен стать собственностью! Образ Божества должен быть поставлен под ярмо! Пусть эти узурпаторы покажут нам свои документы о праве собственности!" - [Саймон Боливер.]

"Когда я предаюсь своим взглядам на перспективы Америки и американскую свободу, мне унизительно слышать, что в этой самой стране большая часть людей - рабы! Это темное пятно на лице нации. Такое положение вещей не может существовать всегда". —[Лафайет.]

"Я считаю правильным возвысить свой смиренный голос, чтобы убедить граждан Америки в том, что рабовладельческие государства вызывают отвращение у всех тех, чье мнение должно быть ценным. Человек является собственностью человека примерно в половине американских штатов: поэтому пусть они не смеют разглагольствовать о своих институтах или о своей национальной свободе, в то время как они держат своих братьев в рабстве! Из всех живущих людей американский гражданин, который является владельцем рабов, является самым презренным. Он политический лицемер самого худшего сорта. Дружбы человечества и свободы в Европе должны присоединиться к единому всеобщему крику позора американским рабовладельцам! "Низкие негодяи!" - должны ли мы кричать хором; "Низкие негодяи! как вы смеете осквернять храм национальной свободы, священный храм республиканских обрядов присутствием и страданиями людей в цепях и рабстве!" — [Дэниел О'Коннелл.]

4. Потому что это подвергает одну часть наших американских братьев безудержному насилию и нечестивым страстям другой.

Здесь, джентльмены, я мог бы призвать на свою поддержку тучу свидетелей, множество неопровержимых, изобличающих фактов, законных результатов системы, склонной ожесточать и развращать сердца. Но я не буду вдаваться в подробности. Я готов поверить, что большинство хозяев в вашей части страны склонны относиться к своим несчастным рабам с добротой. Но там, где ужасная привилегия рабовладения распространяется на всех, в каждом районе, должны быть индивидуумы, чья алчность не сдерживается никакими принципами человечности, чьим похотям яростно потакают, чья устрашающая власть над телами, нет, я не могу сказать душами, их жертв подвергается ежедневному и ежечасному насилию.

Будут ли приемлемы показания вашего собственного Джефферсона по этому вопросу?

"Вся торговля между господином и рабом - это постоянное проявление самых неистовых страстей; самый неумолимый деспотизм с одной стороны и унизительное подчинение с другой. Наши дети видят это и учатся этому подражать. Родитель бурлит, ребенок наблюдает, улавливает черты гнева, напускает на себя тот же вид в кругу меньших рабов, дает волю худшим страстям; и таким образом вскормленный, образованный и ежедневно упражняемый втирании, он не может не быть отмечен ее отвратительными особенностями. Мужчина должен быть вундеркиндом, который может сохранить свою мораль и манеры, не испорченными подобными обстоятельствами". [Заметки о Вирджинии, стр. 241.]

"Я не существую по-настоящему, потому что я протеже эсклава, я люблю природу мэтра", - говорит Ахилл Мурат, сам флоридский рабовладелец, в своей последней работе о Соединенных Штатах.

Джентльмены, разве это не так? Существует ли даже в Виргинии какой-либо закон, ограничивающий наказание раба? Существуют ли какие-то предписанные границы, за которые

жестокий, мстительный, опьяненный рабовладелец, действующий в двойном качестве судьи и палача, не может перейти?

Возможно, вы скажете мне, что общий закон против убийства одинаково применим как к хозяину, так и к рабу. Верно; но не укажете ли вы на случаи, когда хозяева несли наказание по этому закону за убийство своих рабов? Если вы изучите свои судебные отчеты, вы обнаружите, что умышленное убийство раба было признано всего лишь нарушением границы! — [Отчеты Вирджинии, том v., стр. 481, Харрис против Николса.]

Тот факт, что в последнее время закон, прямо санкционировавший убийство раба, который на языке Джорджии и Северной Каролины "умер от умеренного исправления", был отменен, действительно хорошо свидетельствует в пользу виргинской гордости характера. Но, хотя буква закона изменилась, его практика осталась прежней. В доказательство этого я бы сослался на дела Брокенборо и Холмса в Вирджинии, стр. 258.

В Джорджии и Северной Каролине убийство раба допускается и оправдывается законом при условии, что, по мнению суда, он умер "от умеренного исправления"!

В Южной Каролине до сих пор действует следующий пункт закона, принятого в 1740 году:—

"Если какой-либо раб пострадает в своей жизни, конечностях или членах, когда не будет присутствовать ни один белый человек, или присутствующие пренебрегут или откажутся давать показания относительно того же самого, в каждом таком случае владделец или другое лицо, которое будет заботиться о рабе и управлять им, будет считаться виновным в таком преступлении; если только такой владделец или другое лицо не сможет доказать обратное вескими и достаточными доказательствами или не даст своей собственной клятвы прояснить и оправдать себя, какую клятву каждый суд, где будет рассматриваться такое преступление, настоящим уполномочен применять и оправдать преступника соответствующим образом, при наличии четких доказательств ". о преступлении не должны свидетельствовать, по крайней мере, два свидетеля, несмотря на противоположный закон, обычай".

Разве это не предложение награды за лжесвидетельство? И что мы должны думать об этом неправильно названном суде справедливости, где свидетелям необязательно давать или отказываться в своих показаниях в случае жизни или смерти?

5. Потому что это вызывает опасную секционную зависть, неизбежно порождает борьбу между противоположными интересами свободного и рабского труда и угрожает целостности Профсоюза.

Тон вашей статьи, джентльмены, сам по себе свидетельствует о том, что секционная зависть действительно существует. Моральные чувства свободных штатов направлены против рабства. Свободный человек заявил о своем нежелании, чтобы его труд был сведен к уровню труда рабов. Резкими эпитетами и грубыми угрозами свободно обменивались до тех пор, пока прекрасный Потомак, где бы он ни впадал в океан, не стал разделительной линией не только территории, но и чувств, интересов, национальной гордости, морального разделения.

Что потрясло столпы Профсоюза, когда был поднят вопрос о Миссури? Что всего несколько месяцев назад подняло с оружием в руках штат против Профсоюза, а Профсоюз против штата?

От штата Мэн до Флориды, джентльмены, ответ должен быть один и тот же - рабство.

6. Из-за его пагубного влияния на национальное богатство и процветание.

Политическая экономия была особым предметом изучения Вирджинии. Но с этой наукой связаны некоторые важные истины, которые она до сих пор упускала из виду или намеренно игнорировала.

Увеличение численности населения за счет средств к существованию является справедливым критерием национального богатства.

Обратившись к нескольким переписям населения Соединенных Штатов, можно увидеть, что белое население увеличивается почти вдвое быстрее в штатах, где рабов мало или их вообще нет, чем в рабовладельческих штатах.

Опять же, в последних штатах численность рабов увеличилась в два раза быстрее, чем белых. Возьмем, к примеру, двадцатилетний период с 1790 по 1810 год и сравним увеличение численности двух классов в трех южных штатах.

В процентах. белых. В процентах. черных.

Мэриленд 13 31

Вирджиния 24 38

Северная Каролина 30 70

Причины этого непропорционального увеличения, столь враждебного истинным интересам страны, весьма очевидны.

Средства к существованию значительной части свободных жителей Соединенных Штатов зависят от их труда. Принудительная, неестественная система рабства в некоторых штатах делает спрос на свободных работников менее насущным; они не так легко и в изобилии обеспечиваются средствами к существованию, как представители их собственного класса в свободных штатах, и по мере того, как сокращаются предметы первой необходимости, уменьшается и население.

Есть еще одна причина сокращения белого населения. В свободных штатах рабочая сила пользуется уважением. Государственный деятель, чье красноречие наэлектризовало нацию, не брезгает в перерывах между государственной службой обращаться с топором и мотыгой. И женщина, чья красота, таланты и достижения вызвали всеобщее восхищение, не считает унижением "хорошо ухаживать за своими домочадцами".

Но раб накладывает неизгладимый отпечаток позора на характер занятия. Это позор для высокородного виргинца или благородного каролинца - трудиться бок о бок с низким, презируемым, жалким чернокожим человеком. Жалким должно быть положение беднейших классов белых в рабовладельческом сообществе! Вынужденные выполнять презируемые обязанности раба, они вряд ли могут подняться выше его уровня. Они становятся изгоями общества. Поэтому неудивительно, что волна эмиграции течет от проклятых рабами берегов Атлантики к свободным долинам Запада.

В Новой Англии труд фермера или механика стоит от 150 до 200 долларов в год. Труд женщины - от 50 до 100 долларов. Все наше население, за исключением тех, кто занят коммерческими

делами, профессиональных классов и очень немногих богатых бездельников, - работающие мужчины и женщины. Если бы жители Юга были одинаково заняты (не считая рабства, нет причин, почему бы им этого не делать), насколько велика была бы ежегодная прибавка к богатству страны? Правда в том, что очень значительная часть национального богатства, произведенного трудом северян, облагается налогом для покрытия расходов двадцати пяти представителей собственности Юга в Конгрессе и для содержания армии, главным образом для защиты рабовладельца от опасных тенденций, связанных с этой собственностью.

В ранние и лучшие дни Римской республики древние воины и государственные деятели обрабатывали свои поля собственными руками; но как только их земледелие было передано рабам, оно заметно пришло в упадок, некогда плодородные поля превратились в пастбища, и обитатели этого сада мира оказались в зависимости от иностранных наций в вопросах обеспечения жизнедеятельности. Прекрасные деревни, когда-то населенные свободными, довольными жизнью тружениками, остались без жилья, и над пустошью одиночества мы видим, тут и там, на утомительном расстоянии, дворцы господ, болезненно контрастирующие с убогими хижинами и подземными камерами рабов. Говоря о необычайном плодородии почвы в ранние времена Республики, Плиний спрашивает: "Что было причиной таких обильных урожаев? Именно этим занимались высокопоставленные люди, возделывая поля, тогда как теперь это предоставлено несчастным, закованным в кандалы, на лицах которых написано позорное свидетельство их рабства".

И то, что было правдой во времена римлян, теперь разборчиво написано на земле вашей родной Виргинии. Путешественник в вашем штате, размышляя об упадке сельского хозяйства, справедливо заметил, что "если бы жалкое положение негров отвлекло его от размышлений, он бы смеялся в своих цепях, видя, как рабство поразило страну уродством".

Разве быстрое увеличение численности рабов само по себе не является злом? Во всех рабовладельческих штатах число рабов растет гораздо быстрее, чем число белых или свободных чернокожих. Когда мы вспоминаем, что они не подвергаются никаким естественным или моральным ограничениям, не заботятся о том, чтобы обеспечить едой или одеждой себя или своих детей; когда мы также принимаем во внимание, что они выращиваются как предмет прибыльного оборота, подобно крупному рогатому скоту в Новой Англии и свиньям в Кентукки; что для хозяина в долларах и центах важно, чтобы они размножались как можно быстрее, то, конечно, нет ничего удивительного в увеличении их численности. О, если бы на небесах тоже не было ничего тревожного!

7. Потому что, согласно условиям национального договора, свободные и рабовладельческие государства одинаково виновны в поддержании рабства, и граждане первого могут в любой момент быть призваны на помощь второму в подавлении восстания рабов острием штыка.

Рабство - это, в лучшем случае, неестественное состояние. И Природа, когда нарушаются ее вечные принципы, постоянно борется за то, чтобы вернуть им первоначальное состояние.

Вся история, древняя и современная, полна предупреждений на этот счет. Нужно ли мне упоминать о многочисленных восстаниях римских и греческих рабов, кровавом восстании в Этрурии, ужасных рабских войнах на Сицилии и в Капуе? Или, если вернуться к более поздним временам, к Франции в четырнадцатом веке, к Германии в шестнадцатом, к Мальте в последнем? Нужно ли мне вспоминать невыразимые ужасы Сан-Доминго, когда этот остров,

под проклятием рабской войны, ярко сиял на виду у земли и небес — открытый ад? Неужели наши собственные особые предупреждения остались без внимания — частые восстания рабов на Юге? Одна ужасная трагедия, джентльмены, должно быть, все еще свежа в ваших воспоминаниях, — Саутгемптон с его сгоревшими домами и ужасными мертвецами! Саутгемптон с его ужасными ассоциациями смертельной схватки с повстанцами, стонов замученных негров, стенаний выживших белых по женщине в ее невинности и красоте, детстве и седом возрасте!

"Час освобождения, - сказал Томас Джефферсон, - приближается с течением времени. Он наступит. Если это не будет вызвано щедрой энергией наших собственных умов, то произойдет в результате кровавого процесса в Сан-Доминго!"

К справедливому и пророческому языку вашего собственного великого государственного деятеля я могу добавить лишь несколько слов. Это будут люди истины и трезвости.

Мы рассматриваем рабовладельческую систему в вашей части страны как великое зло, моральное и политическое, — зло, которое, если его предоставить самому себе еще хотя бы на несколько лет, отдаст весь Юг в руки черных.

Условия национального соглашения обязывают нас считать более двух миллионов наших братьев вашей собственностью; не то чтобы морально, реально, де-факто, но все же юридически вашей собственностью! Мы признаем, что у вас есть полномочия, вытекающие из Конституции Соединенных Штатов, владеть этой "собственностью", но мы отрицаем, что у вас есть какое-либо моральное право пользоваться этими полномочиями. Ибо истина не позволит нам признать, что какой-либо человеческий закон или договор может аннулировать или отменить постановления живого Бога и вечные законы Природы.

Поэтому мы считаем долгом народов рабовладельческих штатов начать работу по освобождению сейчас; что любая задержка должна быть опасна для них самих во времени и вечности и полна несправедливости по отношению к их рабам и их братьям из свободных штатов.

Потому что раб никогда не отказывался от своего права на свободу, и продолжение его рабства является продолжением грабежа; и потому что в случае рабской войны народы свободных штатов были бы призваны принять участие в ее невыразимых ужасах.

Новая Англия подчинилась бы этому призыву, ибо она до самой смерти будет соблюдать Конституцию страны. И все же, каковы должны быть чувства ее граждан, занятых охотой, как на диких зверей, на своих братьев - пусть жестоких и черных, но все же угнетенных, страдающих людей, безумно и отчаянно борющихся за свою свободу, если они чувствуют и знают, что необходимость этого стала результатом слепого фатализма со стороны угнетателя, безрассудного игнорирования предупреждений земли и небес, упрямого упорства в системе, основанной и поддерживаемой грабежом и неправдой?

Все войны ужасны, порочны, непростительны, и сам Джефферсон искренне и торжественно сказал, что в состязании такого рода между рабом и хозяином "у Всемогущего нет качеств, которые могли бы встать на нашу сторону".

Поймите нас, джентльмены. Мы лишь просим избавить нас от ужасающей необходимости поддерживать жалкую политику рабства моральным влиянием или физической силой. Мы просим только о том, чтобы нам позволили омыть наши руки от крови миллионов ваших собратьев, крик которых поднимается как быстрое свидетельство Богу против нас.

8. Потому что все факты, связанные с этим предметом, дают нам основание для самой твердой уверенности в том, что быстрая и всеобщая эмансипация может быть осуществлена в полной безопасности и что последствия такой эмансипации были бы в высшей степени благоприятны для плантаторов Юга.

Какой бы ужасной ни была их оценка во времени и вечности, я не буду, джентльмены, подробно останавливаться на бесценных преимуществах спокойной совести, души, искупленной от всепоглощающего влияния рабства, и против которых не возносится крик рабочего, чей наем был удержан обманом. Я также не буду основывать защиту своей позиции на том факте, что повиновение Божьим заповедям никогда не может быть небезопасным. Это старые и распространенные аргументы "фанатиков" и "энтузиастов", которые тают, как иней, под великолепным солнцем целесообразности и полезности. Тогда давайте рассуждать вместе в свете этих современных светил.

Я думаю, что долгое и тщательное изучение предмета полностью оправдывает мое выдвижение этого общего утверждения.

Где бы, будь то в Европе, Ост- и Вест-Индии, Южной Америке или в нашей собственной стране, ни проводился честный эксперимент по сравнительной стоимости свободного и рабского труда, результат неизменно оказывался благоприятным для первого.

[См. Колониальную политику Броэма. Письмо Ходждона Жану Батисту Сэй. Бразилия Уале. Официальное письмо почтенного мистера Уорда из Мексики. Книга доктора Диксона "Смягчение последствий рабства". Франклин о Населении стран. Эссе Рамзи. Ботэм о выращивании сахара в Батавии. Марсден об истории Суматры. Путешествия Кокса. Доктор Наблюдения Андерсона о рабстве. Политическая экономия Сторча. Адам Смит. Эссе Дж. Джереми. Путешествия Гумбольдта и т.д. и т.п.]

Итак, джентльмены, вопрос вынесен на обсуждение. Исходя из вашей собственной целесообразности, я готов отстаивать свою позицию.

Я перехожу от полезности к безопасности эмансипации. И здесь, джентльмены, я, вероятно, с самого начала столкнулся с вашими предполагаемыми последствиями: кровопролитием, грабежом, беспорядочной резней!

Факты, джентльмены! Во имя Бога, изложите свои факты! Если рабство должно бросить на процветание нашей страны густую тень вечного проклятия, потому что освобождения боятся как лекарства, худшего, чем сама болезнь, дайте нам знать истинные причины вашего страха.

Находите ли вы их в освобождении Южноамериканских республик? В Хайти? В частичных экспериментах на некоторых островах Вест-Индии? Оправдывает ли история, древняя или современная, ваши страхи? Можете ли вы найти им какое-либо оправдание в природе

человеческого разума, повсюду обезумевшего от травм и примиренного добротой? Нет, джентльмены; опасности рабства очевидны и реальны, вся история открыта для вашего предупреждения. Но опасности эмансипации, "поступать справедливо и любить милосердие" существуют только в вашем воображении. Вы не можете привести ни одного факта в подтверждение своих страхов. Вы не можете указать на пятно ни единой капли крови любого господина, пролитой освобожденным им рабом.

Теперь я привел некоторые из наших причин выступать против рабства. В моем следующем письме я объясню наш метод противодействия и надеюсь, что смогу показать, что в этом методе нет ничего "фанатичного", ничего "неконституционного" и ничего нехристианского.

Между тем, джентльмены, я ваш друг и доброжелатель.

ХАВЕРХИЛЛ, Массачусетс, 22-е число 7-го месяца 1833 года.

II.

Аболиционисты Севера были грубо искажены. Нападая на систему рабства, они никогда не рекомендовали никаких мер, противоречащих Конституции Соединенных Штатов.

Они никогда не стремились возбуждать или поощрять дух восстания среди рабов: напротив, они отнеслись бы к любой подобной попытке, кем бы она ни была предпринята, с крайним и суровым отвращением.

Все известные мне ведущие аболиционисты принципиально выступают против войны любого рода, полагая, что никакие выгоды от войны не могут компенсировать принесение в жертву одной человеческой жизни в результате насилия.

Следовательно, они были бы первыми, кто осудил бы любое физическое вмешательство в вашу рабовладельческую систему со стороны правительства в целом.

Они, без исключения, выступают против любого политического вмешательства правительства в отношении рабства в том виде, в каком оно существует в штатах. Ибо, хотя они чувствуют и видят, что язва моральной болезни поражает все части конфедерации, они верят, что лекарство зависит только от вас самих. Любое такое вмешательство они сочли бы незаконным и неконституционным; а осуществление неконституционной власти, хотя и санкционированное большинством республиканского правительства, они считают тиранией столь же чудовищной и одиозной, как деспотизм турецкого султана.

Сделав это заявление об отказе от ответственности со стороны меня и моих друзей, позвольте мне поинтересоваться, откуда взялось это обвинение во вмешательстве правительства общей юрисдикции в суверенную юрисдикцию штатов? Не могли бы вы, джентльмены, компетентные редакторы United States Telegraph и Columbian Telescope объяснить? Что касается меня, то я тщетно искал в трудах наших "северных энтузиастов" и в речах северных государственных деятелей и политиков какие-либо основания для обвинения.

Доктрина, такая, как она есть, нам не принадлежит. Я думаю, что это можно проследить на Юге, в Вирджинии, на ее съезде 1829 года, в речи экс-президента Монро по вопросу о положении белых.

"Что касается эмансипации, - сказал этот выдающийся представитель вашего штата, - то, если она когда-нибудь и произойдет, это не может быть сделано государством; это должен сделать Профсоюз".

И снова: "Если эмансипация когда-либо может быть осуществлена, это может быть сделано только с помощью общего правительства".

Джентльмены, добро пожаловать к вашей доктрине. У нее нет сторонников среди аболиционистов Новой Англии.

Мы стремимся свергнуть рабство моральным влиянием просвещенных общественных настроений;

Ясным и бесстрашным изложением вины за владение собственностью у человека;

Анализируя истинную природу рабства и смело обличая грех;

Путем всеобщего распространения истин политической экономии относительно свободного и рабского труда;

Взывая с кафедры к совести людей;

Под мощным влиянием общественной прессы;

Путем формирования обществ, целью которых будет противодействие принципу рабства такими средствами, которые согласуются с нашими обязательствами перед законом, религией и человечеством;

Возвышая посредством образования и сочувствия характер свободных цветных людей среди нас.

Наше свидетельство против рабства - это те же истины божественного откровения, которые единообразно и с таким большим успехом применялись к господствующему беззаконию во все века мира.

Полагая, что в Божьем Провидении не может быть ничего, к чему не был бы строго применим Его святой и вечный закон, мы утверждаем, что никакие обстоятельства не могут оправдать рабовладельца при сохранении его системы.

Тот факт, что эта система возникла не у нынешнего поколения, не является извинением за ее сохранение, поскольку преступление не может быть повлекумо за собой; и никто не обязан грешить из-за того, что другие сделали это до него;

Что внутренняя работорговля столь же противна законам Божиим и должна быть столь же отвратительной в глазах христианского сообщества, как и внешняя;

Что чернокожий ребенок, рожденный на плантации рабов, не является "неотъемлемой собственностью"; и что белый человек, который делает из этого ребенка раба, является вором и разбойником, крадущим ребенка, как морской пират украл его отца!

Мы не говорим о постепенном отказе от греха, потому что, как христиане, мы не находим никаких оснований выступать за постепенный отказ от греха. Мы говорим рабовладельцам:

"Покайтесь сейчас, сегодня, немедленно"; точно так же, как мы говорим невоздержанным: "Немедленно порвите со своим пороком; не прикасайтесь, не пробуйте, не прикасайтесь к нему отныне и навсегда".

Кроме того, план постепенной отмены был опробован в этой стране и Вест-Индии и признан несостоятельным. Он действует в наших рабовладельческих штатах с момента провозглашения независимости, и его результаты видны нации. Давайте посмотрим.

АБОЛИЦИОНИСТЫ 79

В 1790 году в рабовладельческих штатах к югу от Потомака и Огайо насчитывалось 20 415 свободных чернокожих. За последующие десять лет их число увеличилось на шестьдесят процентов. В 1800 году их было 32 604. В 1810 году их было 58 046, что на семьдесят пять процентов больше. Этот сравнительно значительный рост был в значительной степени обусловлен свободными дискуссиями, происходившими в Англии и в этой стране по поводу работорговли и прав человека. Великодушный порыв распространялся и на рабовладельцев, и увольнения были частыми. Но благотворное впечатление угасло; рука угнетения снова сомкнулась над своими жертвами; и прирост за двадцатилетний период, с 1810 по 1830 год, составил всего семьдесят семь процентов, что составляет примерно половину того, что было за десять лет с 1800 по 1810 год. И это практический результат столь хваленного плана постепенной отмены.

В 1790 году в вышеупомянутых штатах насчитывалось всего 550 604 раба, но в 1830 году их было 1 874 098! И это тоже постепенная отмена.

"Что же тогда? - возможно, спросите вы. - вы рассчитываете разом свергнуть всю нашу систему рабовладения? выпустить сегодня на свободу два миллиона негров?"

Нет, джентльмены, мы ничего подобного не ожидаем. Для нас достаточно, если в духе братского долга мы обратим ваше внимание на заповеди Божьи; если мы призываем вас каждым заветным воспоминанием об общих жертвах на общем алтаре, всеми соображениями человечности, справедливости и целесообразности начать сейчас, без промедления, порывать с вашей жалкой системой — начать работу по моральному преобразованию, как Бог повелевает вам начать, а не так, как может случайно продиктовать эгоизм, или мирская политика, или близорукая политическая целесообразность.

Такова наша доктрина немедленного освобождения. Доктрина, основанная на вечной Божьей истине, ясной, незатейливой и совершенной, — доктрина немедленного, необработанного покаяния, применяемая к греху рабства.

Об этой доктрине и о нашем плане претворения ее в жизнь я изложил с самым серьезным уважением к истине. Принимает ли кто-либо из них что-либо ложное, фанатичное или неконституционное? Предоставляют ли они разумную защиту для ваших яростных обвинений в адрес ваших северных братьев? Дают ли они повод для вашего газетного рыцарства, для ваших стереотипных демонстраций южного великодушия и подлости янки? — вещей, позвольте мне сказать, недостойных виргинцев, унижающих вас самих, оскорбляющих нас.

Джентльмены, Вирджинии, со всем ее высоким интеллектом и благородством чувств, уже слишком поздно защищать принцип рабства. Гробовое молчание, почти два столетия

царившее над ее отвратительной системой, было нарушено; свет изливается в умы ее граждан; истина вышла за пределы страны, "выискивая и опровергая ложь века". Нравственная реформация уже пробудилась, и теперь ее нельзя усыпить софизмами обнаруженного греха. Тысячи разумных существ трудятся на ее земле; тысячи ее благороднейших сердец пылают спасительным духом той истинной филантропии, которая движет всем миром. Нет, джентльмены; свет распространяется от холмов Западной Вирджинии к самому дальнему Востоку. Вы не можете остановить его продвижение. Это проверка совести; это упражнение разума; это обращение к самым благородным чертам интеллигентных виргинцев. Это не иностранное влияние. С каждой заброшенной плантации, где под пятой рабства выросли бесполезные папоротник и чертополох; из каждого разрушающегося особняка хозяина, через окна которого может безопасно выглядывать лиса, а над очагом пробивается жидкая травка, предостерегающий голос глубоко проникает во все сердца, не зараженные алчностью, ленью и жаждой власти.

Несмотря на то, что я аболиционист, у интеллектуального характера Вирджинии нет более горячего поклонника, чем я. Я свободно признаю ее великие имена, ее моральные трофеи, славу ее юности, все еще гордые и живые свидетельства ее умственной силы. И, поверьте мне, я прямо говорю о ее великой ошибке, о ее гигантском преступлении, о преступлении, которое явно навлекает на нее проклятие оскорбленного Божества, не испытывая никаких других чувств, кроме сожаления и искренней скорби. Но я не могу забывать, что на некоторых из самых влиятельных и высокооплачиваемых ее сыновей в настоящее время лежит ответственность за поддержание этого ужасного беззакония. Слепые к знамениям времени, безразличные к желаниям тысяч своих белых сограждан и к многочисленным обидам чернокожих, они осмелились оправдывать, защищать, более того, восхвалять черную мерзость рабства.

Против шатающегося ковчега идола эти сильные люди подставили свои плечи. Этот ковчег должен пасть; этот идол должен быть низвергнут; какова же тогда будет судьба их сторонников?

Когда Конвент 1829 года собрал в своей великолепной плеяде талантов великие имена Виргинии, друзья гражданской свободы обратили свои взоры на него в искренней надежде и уверенности, что он примет какие-то меры в отношении рабства, достойные высокого характера его членов и эпохи, в которую они жили. Мне нет нужды говорить, насколько глубоким и горьким было наше разочарование. Западная Вирджиния действительно произнесла по этому поводу через некоторых своих делегатов слова правды и человечности. Но их советы и предостережения были тщетны; большинство отвернулось, чтобы послушать ошеломляющее красноречие Ли, Апшера и Рэндольфа, поскольку они осквернили свой великий интеллект ради защиты той системы угнетения, от которой стонет вся страна. Мемориал граждан округа Огаста, на котором стоят подписи многих рабовладельцев, представил перед съездом зло рабства в ярком свете. Его факты и аргументы могли быть только произвольно отброшены в сторону и бессмысленно проигнорированы; их нельзя было опровергнуть.

"С политической точки зрения, - говорится в мемориале, - мы считаем рабство злом большим, чем совокупность всех других зол, которые окружают нас, и мы совершенно готовы взять на себя нашу долю бремени по его устранению. Далее, мы спрашиваем, в чем зло любой такой тревоги, которую наше предложение может возбудить в умах излишне ревнивых, по сравнению с той фатальной катастрофой, которая в конечном итоге ожидает нашу страну, и общим разложением нравов, которое рабство уже вызвало и продолжает вызывать?"

Я не могу удержаться от того, чтобы привести еще одну выдержку из этого документа. Мемориалисты излагают свою веру

"Что труд рабов гораздо менее продуктивными, чем у рядовых общинников; что он, следовательно, требует большего пространства для отделки прожиточного минимума для заданного числа бывшая, чем последний; то, что трудоустройство бывших обязательно исключает то, что последнего; что, следовательно, наше население, белые и черные, средние семнадцать, когда это необходимо, и при других обстоятельствах, средние, как и в Новой Англии, не менее чем за шестьдесят на квадратную милю; том, что обладание и управление рабами виде источника бесконечной досады и страданиях в доме, и отходов и гибели на ферме; что молодежь страны растут с презрением устойчивого промышленности в качестве низкого и холопское дело, которое вызывает презрение к праздности и всеми вытекающими изнеженности, заместителей, и никчемности; что отходы изделий из земли, да и самой земли, приносящие бедность на всех его жителей; что такое бедность и распыленности населения или препятствуют учреждению школ по всей стране, и держать их в самых томных и неэффективное состояние; и что же вызывает наиболее очевидно парализовать все наши планы и усилия на благоустройство страны".

Джентльмены, вам стоит только оглянуться вокруг, чтобы понять, что эта картина была нарисована карандашом истины. Что сделало пустынным и бесплодным один из прекраснейших регионов всей земли? Что означают окружающие вас признаки расточительного пренебрежения, долгой расточительности: недостроенный особняк, уже приходящий в упадок, разрушенные ограждения, заросший сорняками сад, открытая стихиям хижина раба, изрытые и голые склоны холмов, поля под ними, поросшие шиповником и папоротником? Является ли все это обычным ходом природы? Правильно ли человек распорядился благами дарами Божьими, и тем не менее они уходят от него в результате процесса разложения, над которым он не имеет никакого контроля? Нет, джентльмены. Более двух столетий холодная и каменистая почва Новой Англии приносила свою ежегодную дань, и она все еще зелена и пышна под солнцем нашего короткого лета. Нервная и постоянно тренируемая рука свободного труда превратила пейзаж, дикий и безжалостный, как ночной пейзаж Сальватора Розы, в пейзаж пасторальной красоты — обитель независимости и счастья. При подобной системе экономики и промышленности, как бы Вирджиния, богатая расточительными дарами Природы, носила в это время по всей своей территории улыбки изобилия, очарование вознагражденного трудолюбия! Какая перемена проявилась бы во всем вашем характере! Свободные люди вместо рабов, трудолюбие, уважаемая экономика, добродетель, презираемая распущенность, ненужная эмиграция!

[Покойный член Конгресса от Вирджинии описал рабовладельца из Вирджинии следующим образом: "Он уроженец Восточной Вирджинии, которому посчастливилось родиться богатым и стать глубоким политиком в двадцать один год без учебы или труда. Этот индивид от рождения и по привычке стоит выше всякого труда и напряжения. Он и пальцем не пошевелит ни для какой полезной цели; он живет трудом своих рабов, и даже этим трудом он слишком горд и ленив, чтобы руководить лично. Пока он отдыхает, наемник с кнутом в руке гонит своих рабов в поле. Их ужин, состоящий из нескольких объедков и нежирных костей, съедается под палящим солнцем. У них нет времени отойти в тень и освежиться, такой сервитут зарезервирован для лошадей"! — Речь distinguished П. П. Доддриджа в Палате делегатов, 1829 г.]

Все это, скажете вы, происходит слишком поздно; проклятие лежит на вас, зло в жизненно важных органах вашего государства, опустошение растет день ото дня. Нет, еще не слишком поздно. В характере вирджинца есть элементы, способные встретить опасность, какой бы экстремальной она ни была, и отвести ее в сторону. Если бы вы только могли забыть на время о партийной борьбе и невыгодных политических спекуляциях, вы могли бы успешно противостоять опасным требованиям вашего государства с помощью тех эффективных средств, которые предлагает дух времени; вы могли бы, и это тоже без материальных потерь, отказаться от своих притязаний на людей как на рабов и нанимать их в качестве бесплатных работников под таким ограничением и надзором, какие может сделать необходимым их нынешнее униженное положение. Выражаясь языком одного из ваших сограждан, "для вас бесполезно пытаться задержаться на пороге ушедшей эпохи. Действие существующих причин и принципов устойчиво и прогрессивно. Это нельзя замедлить, если только вы не погасите все моральные огни вокруг себя; и если вы откажетесь идти в ногу с этим, вас будут тащить за собой, хотите вы того или нет". (Речь в законодательном собрании Вирджинии, 1832 г.)

Недавний благородный пример красноречивого государственного деятеля Роанока, освобождение его рабов, о многом говорит его политическим друзьям. В последний час существования, когда его душа вырывалась из своего разрушенного жилища, его последним усилием было подтверждение этого великодушного поступка прежнего периода. Да упокоит его Свет под его родовыми дубами! Молитвы многих сердец, осчастливленных его милосердием, будут звучать над его могилой и благословлять ее.

Джентльмены, завершая эти письма, позвольте мне еще раз заверить вас, что я питаю к вам и вашим политическим друзьям не что иное, как добрые чувства. Если я и высказывался с очевидной резкостью, то скорее о принципах, чем о людях. Но я не призываю к осуждению. Сознавая честные и патриотические мотивы, побудившие их к признанию, я с радостью предоставляю свои чувства их судьбе. Какими бы презираемыми они ни были, я верю, что их нельзя отрицать. Поддерживаемые истиной в том виде, в каком она существует в Природе и Откровении, санкционированные господствующим духом эпохи, им все же суждено осуществить политическое и моральное возрождение нашей страны. Противодействие, с которым они сталкиваются, меня не обескураживает. Я верю в возвышенную уверенность Джона Мильтона в том, что "хотя все ветры учения дуют по земле, и Истина пребывает среди них, нам не нужно бояться. Пусть она сцепится с Ложью; кто бы знал, что она подвергнется худшему в свободном и открытом поединке?"

ХАВЕРХИЛЛ, Массачусетс, 29-е число 7-го месяца 1833 года.

ПИСЬМО СЭМЮЭЛЮ Э. СЬЮОЛЛУ.

ХАВЕРХИЛЛ, 10-е число 1-го месяца 1834 года.

СЭМЮЭЛ Э. СЬЮЭЛЛ, эсквайр,
секретарь Общества А.С. Новой Англии

ДОРОГОЙ ДРУГ, я сожалею, что обстоятельства, находящиеся вне моего контроля, не позволяют мне присутствовать на ежегодном собрании Общества борьбы с рабством Новой Англии.

Мне нет нужды говорить членам этого общества, что я сердцем и душой нахожусь с ними за отмену рабства; отмену не только физического рабства, каким бы отвратительным и чудовищным оно ни было, но и интеллектуального рабства, рабства коррумпированного и ошибочного мнения, которое сковало, как железом, моральную энергию и интеллектуальную мощь Новой Англии.

Ибо, в конце концов, что такое рабство, как не страх, — страх, заставляющий разум и тело совершать неестественные действия? И не имеет большого значения, будет ли это ужас от рабского кнута на теле или от бича общественного мнения, обрушивающегося на внутреннего человека.

Мы все знаем, как часто представители Южного региона страны забавлялись в Конгрессе, применяя оскорбительное название "раб" к свободному рабочему Севера. И насколько привычными стали многозначительные эпитеты "белая рабыня" и "лицо из теста"!

Я боюсь, что эти эпитеты не были полностью использованы неправильно. Разве некоторые из наших ученых судей, богословов и политиков не сказали нам здесь серьезно и авторитетно, что мы, свободные жители Новой Англии, не имеем права обсуждать тему рабства? Свободные люди, и никакого права предлагать долг или политику практического следования доктринам той бессмертной декларации, на которой основаны наши свободы! Христиане, пользующиеся совершенной свободой совести, но не имеющие права произнести ни единого шепота против системы прелюбодеяния и крови, которая наполняет всю землю мерзостью и богохульством! И этому трусливому чувству вторят те самые люди, чей труд облагается налогом, чтобы покрыть расходы двадцати пяти представителей собственности, принадлежащих существам, созданным по ужасному образу своего Создателя; люди, чей тяжелый заработок помогает содержать постоянную армию главным образом для защиты рабовладельческой лени; люди, которых в любой момент могут отозвать с поля и из мастерской, чтобы силой подавить постоянно растущие тенденции угнетенного человечества, помочь заводчикам негров и торговцам неграми в ведении торговли, самой ужасной в глазах Бога, окружить стеной рабовладельцев. их штыки протыкают два миллиона цветных американцев, детей общего Отца и наследников общей вечности, в то время как разорванная цепь склепана заново и сброшенные оковы заменены.

Я за отмену этого вида рабства. Это должно быть сделано до того, как мы сможем надеяться на отмену негритянского рабства в стране. Народы свободных штатов, с совершенным пониманием своих собственных прав и священным уважением прав других, должны приложить свои сильные плечи к работе по моральной реформе, и наши государственные деятели, ораторы и политики последуют за ними, плывя, как им и положено, в соответствии с тенденциями течения, простым индикаторам народных настроений. От них нельзя ожидать лидерства в этом вопросе. Они всего лишь инструменты в руках людей для добра или зла:—

"Дыхание может создать их, как создало дыхание".

Нашей задачей будет задать тон и направление этим инструментам; повернуть волну народных чувств в чистые русла справедливости; нарушить греховное молчание нации; подвергнуть

хваленое христианство нашего века и нашей страны испытанию на истинность; испытать силу и чистоту нашего республиканизма. Если христианство, которое мы исповедуем, не способно разрушить твердыни предрассудков, преодолеть ненависть и растопить сердце угнетенного, то оно не от Бога. Если наш республиканизм основан на другом фундаменте, кроме справедливости и человечности, пусть он рухнет навсегда.

Не нужно лучшего доказательства самоубийственной политики этой страны, чем гробовое молчание по поводу рабства, которое пронизывает ее публичные документы. Кто из тех, кто читает ежегодные послания национальной исполнительной власти, на основании одного их прочтения мог бы предположить, что такое зло, как рабство, существовало среди нас? Задумывались ли люди о причине этого молчания? Зло стало слишком чудовищным, чтобы подвергать его сомнению. Сам его масштаб наложил печать на уста правителей. Беспокойный и обеспокоенный своим сном о вине, народ продолжает спать. Вулкан внизу. Бог над нами.

На каждом этапе нашей мирной и законной агитации по этому вопросу мы сталкиваемся с одним серьезным возражением. Нам говорят, что система, против которой мы сознательно выступаем, признана и защищена Конституцией. За все заслуги патриотизма наших отцов — а их не мало и не пустячно — давайте будем благодарны Богу и их памяти. Но не следует забывать, что тот же конституционный договор, который теперь санкционирует рабство, гарантировал защиту иностранной работоторговли на двадцать лет. Он накинул щит своей "святости" на ныне повсеместно заклеянного пирата. Он узаконил самую отвратительную систему грабежа, которая когда-либо была проклятием для рода человеческого.

В те годы греховного компромисса преступление человека-грабеж - было менее жестоким, чем в настоящее время? Поскольку Конституция допускала в этом единственном преступлении нарушение всех заповедей Божьих, было ли это нарушение менее ужасным для земли или оскорбительным для небес?

Сейчас никто не защищает эту "конституционную" работоторговлю. Обремененный проклятием Бога и человека, он стоит среди мелких беззаконий, подобно сатане в Пандемониуме, выдающийся и чудовищный в преступлении.

И если работоторговля стала настолько отвратительной, какова должна быть дальнейшая судьба ее прародителя - рабства? Если простым следствием этого является очернение под проклятием всего мира, кто измерит ужасное количество позора, которое в конечном итоге должно пасть на саму причину? Титулованный священнослужитель и амбициозный государственный деятель должны быть предупреждены по этому поводу. Они должны знать, что общественное мнение неуклонно обращается к свету истины. Вокруг нас бьют фонтаны, и великая бездна скоро придет в движение. Повсюду царит суровый, бескомпромиссный и торжественный дух исследования. Его невозможно остановить, и его результат можно легко предвидеть. Разговоры о законности убийства души, о конституционности ограбления человека недолго будут популярны.

Одно слово о нашем долге перед нашими южными братьями. Если в наших сердцах мы ненавидим их систему рабства, давайте не будем лицемерить нашими устами. Давайте не будем столь скудно хвалить их понимание, полагая, что мы можем обманом заставить их согласиться с нашими взглядами на справедливость с помощью двусмысленной софистики и преодолеть их греховную практику и устоявшиеся предрассудки с помощью жалкой хитрости. Давайте

сначала не будем насилловать нашу совесть, признавая их моральное право на собственность в человеке, а потом идти работать, как многие бродячие разносчики, чтобы обманом выбить у них это. Они имеют право жаловаться на такое обращение. Это подло, порочно и бесчестно. Давайте лучше относиться к нашим друзьям-южанам как к умным и благородно мыслящим людям, которые, каковы бы ни были их недостатки, презируют недостойное мужчины лицемерие, презируют ханжество и питают отвращение к лицемерию. Связанные с ними не только политическими узами, но и общими жертвами и взаимной выгодой, давайте постараемся обличать их искренне и открыто, чтобы завоевать, по крайней мере, их уверенность в нашей искренности, воззвать к их совести, разуму и интересам; и, не используя никакого другого оружия, кроме моральной правды, бесстрашно бороться с порочной системой, которую они лелеют. И если, в немедленном соответствии со строгими требованиями правосудия, им понадобится наша помощь и сочувствие, давайте откроем им наши сердца и кошельки. Но во имя искренности, а также из любви к миру и гармонии Союза, пусть больше не будет минирования и контрразведки, больше не будет смешивания извинений с осуждением, больше не будет систем реформ, подобных Янусу, с одним лицом для Юга, а другим для Севера.

Если мы неуклонно придерживаемся принципов, на которых действовали до сих пор, если мы выставим свои обнаженные сердца на всеобщее обозрение, если мы встречаем угрозы и насилие наших введенных в заблуждение врагов обнаженной грудью и безоружной рукой невинности, разве мы не можем верить, что рука нашего Небесного Отца будет под нами, чтобы укрепить и поддержать нас? И хотя мы, возможно, не сможем спасти нашу страну от ужасного суда, который она провоцирует, хотя столпы Союза падут и все элементы его величия погибнут, все же пусть нашей частью будет сплотиться вокруг стандарта истины и справедливости, умыть руки от зла, сохранить наши собственные души незапятнанными и, неся наше свидетельство и возвышая наши предостерегающие голоса до последнего, оставить это событие в руках праведного Бога.

ДЖОН КУИНСИ АДАМС.

В 1837 году Исаак Кнапп напечатал Письма Джона Куинси Адамса своим избирателям из Двенадцатого избирательного округа в Массачусетсе, к которым добавлена его речь в Конгрессе, произнесенная 9 февраля 1837 года, и нижеследующее послужило введением к брошюре.

Следующие письма были опубликованы в течение нескольких недель в газете Куинси (Массачусетс). "Патриот". Несмотря на огромную важность тем, которые они обсуждают, на пристальный интерес, который они призваны пробудить во всем содружестве и во всей стране, и на высокую репутацию их автора как глубокого государственного деятеля и влиятельного писателя, они пока еще едва известны за пределами той аудитории, которой они адресованы. Причина этого достаточно очевидна. Джон Куинси Адамс не принадлежит ни к одной из известных политических партий, не ведет партийных баталий, и его нельзя убедить принести правду и принципы в жертву партийной целесообразности и интересам. Следовательно, ни одна из сторон не заинтересована в том, чтобы отстаивать свой курс или давать ему возможность защищаться. Но какими бы систематическими ни были усилия простых пристрастных сми подавить и утаить от глаз общественности мощное и триумфальное отстаивание права на подачу петиций, наглядное описание духа рабства в Конгрессе и

унизительное разоблачение трусости и предательства северян, содержащиеся в этих письмах, им суждено оказать мощное влияние на общественное сознание. Они составят одну из самых ярких страниц в истории нашего времени. Их будут с жадностью читать на Севере, на Юге и по всей Европе. Помимо интереса, вызываемого обсуждаемыми предметами и рассматриваемого только как литературное произведение, они могут быть отнесены к числу высочайших интеллектуальных достижений их автора. Их сарказм подобен Юни — холодный, острый, беспощадный. По смелости, прямоте и красноречивости они выдержат сравнение со знаменитыми "Письмами О'Коннелла к реформаторам Великобритании". Они - порождения интеллекта, не утратившего своей первобытной силы и сочетающего пыл юности с возрастным опытом.

Раскрытие в этих письмах влияния рабства, оказываемого в Конгрессе на представителей свободных штатов, того, как права свободных людей обменивались на голоса южан или подло уступали угрозам людей, воспитанных в деспотизме, и свободного потворства безудержной тирании с "одиозными особенностями" рабства, является болезненным и унизительным в высшей степени. Будет видно, что в великой борьбе за право подачи петиций и против него, отчет о которой приводится на следующих страницах, их автор был в значительной степени одинок и не пользовался поддержкой своих коллег с Севера. На его "седую, лишенную короны голову" была обрушена вся ярость рабовладельческого высокомерия и гнева. Он стоял в одиночестве, отбиваясь своей старой и единственной рукой от волны, которая захлестнула бы и сокрушила менее стойкий и решительный дух.

Нам нет необходимости требовать тщательного прочтения этих писем и сопровождающей их речи. Они заслуживают распространения по всей стране и, мы надеемся, получают его. Они встретят сердечный прием от каждого ценителя человеческой свободы, от каждого друга справедливости и прав человека, независимо от цвета кожи или социального положения. Принципы, которые они защищают, чувства, которые они выражают, являются принципами Массачусетса, как недавно почти единогласно заявили ее законодательные органы. В обеих ветвях этого органа во время обсуждения темы рабства и права на подачу петиций курс экс-президента получил теплую и красноречивую оценку. Массачусетс поддержит своего испытанного и верного представителя; и недалек тот момент, когда лучшие и достойнейшие граждане всего Севера поблагодарят его за благородную защиту их прав как свободных людей и прав раба как мужчины.

БИБЛИЯ И РАБСТВО.

Из рецензии на брошюру "Евангеликус" в защиту рабства в "Бостонском освободителе" за 1843 год.

Вторая часть эссе посвящена доказательству того, что рабство в римском мире во времена нашего Спасителя было похоже по всем существенным чертам на американское рабство в наши дни; а третья и заключительная часть посвящена рассмотрению апостольских указаний рабам и хозяевам, применимых к тем же классам в Соединенных Штатах. Он считает, что приказ давать слугам то, что справедливо и равноправно, просто означает, что хозяева должны относиться к своим рабам справедливо, и что, хотя слуга должен приносить пользу хозяину, последний обязан "справедливым и равноправным образом обеспечивать существование и

счастье раба". Хотя он заявляет, что верит в то, что добросовестное следование предписаниям Священных Писаний по этому вопросу в конечном итоге приведет к освобождению рабов, он считает нет необходимости спрашивать, "допускает или не допускает Новый Завет рабство как постоянный институт"!

Из приведенного выше краткого обзора сразу станет ясно, что какими бы ни были мотивы автора, эффект его публикации, насколько это вообще ощущается, будет заключаться в том, чтобы укрепить угнетателя в его вине и удержать его от выполнения своего непосредственного долга по отношению к своим рабам, а также оградить его совесть от упреков того класса, который, согласно "Евангелику", "не имеет личного представления о действительном внутреннем состоянии или социальных и политических связях своих южных сограждан". Мы рассматриваем это лишь как еще одну тщетную попытку найти баланс между христианским долгом и преступной политикой, примирить Христа и Велиала, святую филантропию Того, Кто продолжал творить добро, с самым отвратительным проявлением человеческого эгоизма, похоти и ненависти, которые когда-либо вызывали божественное неудовольствие. В этом есть надгробная холодность. Автор проявляет так же мало чувств, как если бы решал задачу по алгебре. Ни единого вздоха сочувствия к немым, закованным в цепи миллионам не проносится по ее замерзшим страницам, ни единого признака чувства, подобного тому, которое испытывал Тот, кто у могилы Лазаря

"Плакал и забыл о Своей силе спасти";

стоическое созерцание писателем тирании его "братьев-христиан" на Юге не вызывает вспышки того негодующего упрека, которым Божественный Учитель обличал пожирателей домов вдов и угнетателей бедных.

"Нет необходимости, - говорит Евангеликус, - спрашивать, не допускает ли Новый Завет рабства как постоянного института". И это говорится, когда вся рабовладельческая церковь прикрывает свои мерзости мнимой санкцией Евангелия; когда рабство, включающее в себя нарушение каждой заповеди, произнесенной среди громов Синая, систему, которая наполнила весь Юг египетским гнетом и осквернениями Содомы, объявляется институтом Всевышнего. Со всем должным уважением к автору мы говорим ему и церкви Севера и Юга, что этот вопрос должен быть решен. Мы еще раз повторяем торжественный вопрос, который уже был задан в наших колонках: "Должна ли Библия поработить мир?" Была ли это всего лишь наша тщетная мечта о том, что миссия Автора Евангелия состояла в том, чтобы снять тяжкое бремя, открыть двери тюрьмы и сбросить ярмо пленника? Пусть ответят Эндовер и Принстон. Если Евангелие действительно санкционирует самое ужасное зло, которое человек может причинить своим ближним, если оно действительно сковывает цепи, которые человечество, предоставленное само себе, в противном случае сбросило бы, тогда, во имя человечества, пусть оно навсегда исчезнет с лица земли. Пусть распадутся библейские общества; пусть из их типографий не выйдет ни одного листа. Не разбрасывайте его листья по темным уголкам земли; они не предназначены для исцеления народов. Оставьте лучше персу его Зендавесту, мусульманину - его Коран. Повторяем, на этот вопрос необходимо ответить. Мы уже слышали, как неверующие ликовали по поводу пронизательных открытий профессоров-богословов в очках о том, что великий Глава христианской церкви терпел ужасные зверства римского рабства и что Его наиболее любимый апостол сочетал ловлю рабов со своими миссионерскими трудами. И почему бы ему не ликовать? Более отвратительного богохульства, чем это, никогда не было

произнесено. Более чудовищной клеветы на Божественного Автора христианства никогда не распространяли Пейн или Вольтер, Найленд или Оуэн; и мы вынуждены рассматривать профессора богословия или доктора богословских наук, которые прибегают к своей софистике и учености в попытке показать, что Божественный Разум с самодовольством взирает на рабство движимого имущества как на самого опасного врага, с которым христианству приходится бороться. Друзья чистой и непорочной религии должны осознать эту опасность. Северная церковь должна очиститься от своей нынешней связи с богохульниками и рабовладельцами, или погибнуть вместе с ними.

ЧТО ТАКОЕ РАБСТВО

Обращено к съезду Партии свободы в Нью-Бедфорде в сентябре 1843 года.

Я только что получил ваше любезное приглашение посетить собрание Партии свободы в Нью-Бедфорде 2 числа следующего месяца. Поверьте мне, я испытываю отнюдь не обычное чувство сожаления, что вынужден отказаться от удовольствия встретиться с вами по этому случаю. Но мне нет нужды говорить вам, а через вас и конвенту, что я искренне сочувствую вам.

Я с Партией свободы, потому что это единственная партия в стране, которая открыто и честно стремится претворить в жизнь великие истины, лежащие в основе нашей республики: все люди созданы равными, наделены неотъемлемыми правами; обеспечение этих прав - единственная справедливая цель правительства; право народа изменять правительство до тех пор, пока не будет достигнута эта великая цель. Драгоценные и славные истины! Священные в глазах их Божественного Автора, благодарные и благотворные страдающему человечеству, важнейшие элементы того окончательного и универсального правления, для которого Бог закладывает прочные и широкие основы, переворачивая и ниспровергая, пока не будет править Тот, чье это право. Голос, который призывает нас поддерживать их, - это голос Бога. Красноречивым языком оплакиваемого Майрона Холли, человека, который первым поднял знамя Партии Свободы: "Он призывает нас поддерживать эти истины записанным голосом святого древних времен. Он призывает нас поддерживать их в звуке множества вод и могучих раскатов грома, доносящихся с полей Европы, превратившихся в одну огромную Асельдаму усилиями деспотов по их подавлению; в убедительной истории лучших мыслей и смелейших поступков всех наших отважных, самоотверженных предков; в нежном, проникающем до сердец шепоте наших детей, готовящихся страдать или наслаждаться будущим, которое мы оставляем им; в надломленном и беспорядочном, но трогательном произношении половины нашей расы, все еще бредущей ощупью во тьме и измученной цепями рабства. . Он призывает нас поддерживать их торжественным и вдумчивым использованием всех сил, которыми Он наделил нас". Во времена почти всеобщего политического скептицизма, посреди всепроникающего и растущего неверия в великие принципы, провозглашенные в революционной декларации, Партия Свободы осмелилась заявить о своей вере в эти истины и претворить их в жизнь, насколько это в ее силах. Это протест против политической неверности наших дней, возвращение к основным принципам, еще один призыв к тому заброшенному алтарю, на который наши отцы возлагали свои жертвы.

Можно спросить, почему партия, опирающаяся на такие широкие принципы, направляет свои усилия исключительно против рабства. "Разве нет других крупных интересов?" спросите

всевозможных редакторов и политиков-вигов и демократов. "Рассмотрим, например, - говорят демократы, - важный вопрос, который нас волнует, будет ли президентом "северянин с южными принципами" или южанин с принципами Нерона или Калигулы". "Или посмотрите на нас, - говорят виги, - лишенных нашего неотъемлемого права занимать должности этой администрацией Тайлера-Калхуна. И подумайте, джентльмены, что могло бы быть лучше для вашей Партии свободы, чем проголосовать вместе с нами за человека, который, хотя и содержит около шестидесяти рабов и утверждает, что "двести лет законодательства санкционировали и освящали рабство негров", в то же время является поборником свободы Греции, Польши и Южной Америки и, короче говоря, всех видов свобод, кроме свободы дома".

Да, друзья, мы рассмотрели все это и даже больше, а именно, что одна шестая часть всего нашего населения - рабы, и что вы, с вашими субсидиями и национальными банками, не предлагаете для них никаких послаблений. Более того, именно потому, что вы оба, находясь у власти, использовали свой авторитет для того, чтобы крепче заковать в цепи миллионы несчастных, мы были вынуждены покинуть вас и сформировать партию свободы, ставящую своей первой целью разрыв этих цепей.

Что такое рабство? Ибо от ответа на этот вопрос должно зависеть оправдание Партии Свободы

Рабовладельческие законы Юга говорят нам, что это превращение людей в предметы собственности; превращение разумных бессмертных существ в "личное имущество". Принцип взаимности выгод, который в той или иной степени характеризует все другие отношения, не существует в отношениях господина и раба. Хозяин держит плуг, который вспахивает почву на своей плантации, лошадь, которая его тянет, и раба, который управляет им, в одном и том же владении. Выгода господина - великая цель существования раба. С этой целью его кормят, одевают и прописывают лекарства во время болезни. Он ничему не учится, ничего не приобретает для себя. Он не может использовать свое собственное тело для собственной выгоды. Сама его личность разрушена. Он - всего лишь инструмент, средство в руках другого человека для достижения цели, в которой не учитываются его собственные интересы, машина, приводимая в движение не его собственной волей, а волей другого человека. В нем уничтожается ужасное различие между личностью и вещью: он низвергнут с места, отведенного ему Богом и Природой, с равного общения с рациональным разумом, — человек, загнанный в стадо животных, бессмертная природа, приравненная к товару торговца!

Отношения родителя и ребенка, мастера и ученика, правительства и подданного основаны на принципе благожелательности, взаимной выгоды и желаний человеческого общества; отношения, которые свято уважают права и наследие, которые Бог дал всем Своим разумным созданиям. Но рабство существует только за счет уничтожения или монополизации этих прав и наследия. При любой другой модификации общества личная собственность человека остается безопасной. Он может быть угнетен, лишен привилегий, обременен бременем, ограничен в правах, его свободы ограничены. Но, несмотря ни на что, право на собственное тело и душу остается неприкосновенным. Он сохраняет присущее ему изначальное владение собой. Даже преступление не может лишить его этого, ибо тот закон, который разрушает его личность, аннулирует свои собственные притязания на него как на морального деятеля; и власть наказывать прекращается вместе с привлечением преступника к ответственности. Он может

страдать и умереть под карой закона, но он страдает как человек, он погибает как человек, а не как вещь. До последних мгновений его существования права морального деятеля принадлежат ему; они уходят с ним в могилу; они составляют основу его ответственности перед судом бесконечного правосудия — права незыблемые, вечные, неотделимые; атрибуты всякого рационального разума во времени и вечности; одинаковые по сути и отличающиеся только степенью от прав высшего морального существа, самого Бога.

Одно только рабство накладывает свой отпечаток на право личной собственности, на это основополагающее право, лишение которого не создает человека; право, которое сам Бог не мог бы отнять, не освободив существо, лишенное таким образом всякой моральной ответственности; и поскольку это существо затронуто, превращая грех и святость, преступление и добродетель в слова, не имеющие значения, а обещания и санкции откровения - в мечты. Следовательно, венец ужаса рабства, то, что возвышает его над всеми другими беззакониями, заключается не в том, что оно узурпирует прерогативы Божества, а в том, что оно пытается сделать то, чего даже Тот, кто сказал: "Все души принадлежат мне", не может сделать, не разрушив основы Своего морального правления. Рабство - это, по сути, борьба со Всемогущим за власть над Его разумными созданиями. Оно заключено в союзе с силами тьмы, которые отнимают человека у его Создателя. Это богохульство - поднимать к небесам наглое чело и жестокую руку, пытаясь отменить Божьи законы. Человек, претендующий на право сотворить своего брата; отменить это последнее и самое славное дело, которое сам Бог провозгласил благим, среди ликующего воинства небесного! Человек, присваивающий себе право изменять в своих собственных эгоистичных целях прекрасный порядок сотворенного существования; срывать венец бессмертной природы, едва ли более низкий, чем у ангелов, с чела своего брата; стирать богоподобный образ и надпись, нанесенные на него рукой его Создателя, и писать на оскверненной табличке: "Личное имущество!"

Итак, это и есть рабство. Природа тысячью своих голосов взывает против него. Против него божественное откровение пускает свои громы. Голос Божий осуждает это в глубинах человеческого сердца. Неописуемые беды и обиды, сопровождающие это ужасное нарушение естественной справедливости, побои, пытки, разлучение родственников, опустошение человеческих привязанностей, нецеломудрие и похоть, неоплачиваемый труд, расторгнутый брак, узаконенное язычество, погребение разума, являются лишь второстепенными проявлениями первого великого возмущения, этого захвата всего человека, нервов, сухожилий и духа, который лишает его тела, а Бога - его души. Это всего лишь естественные результаты и внешние проявления рабства, кристаллизации принципа собственности.

Именно против этой системы, в ее активном действии на три миллиона наших соотечественников, Партия Свободы в настоящее время направляет все свои усилия. Имея такую цель, мы вполне можем быть "людьми одной идеи". Мы также не пренебрегаем "другими великими интересами", поскольку все цветные находятся под властью рабства, и устранение этого пагубного влияния принесло бы им наибольшую пользу.

Политическое действие является результатом и непосредственным объектом морального убеждения по этому вопросу. Действие, поступок - это средство прогресса духа, его единственная проверка на праведность, его единственный источник счастья. И разве решительные действия не должны следовать нашим глубоким убеждениям в неправильности рабства? Должны ли мы осудить рабовладельцев штатов, сохраняя при этом наше рабство в

округе Колумбия? Должны ли мы молиться, чтобы Бог угнетенных обратил сердца "правителей" Южной Каролины, в то время как мы, правители Округа, отказываемся открывать тюрьмы и ликвидировать рынки рабов на площади в десять миль? Боже, сохрани нас от подобного лицемерия! Сейчас все заявляют, что выступают против рабства. Лидеры двух великих политических партий серьезно обеспокоены тем, что чистота антирабовладельческого предприятия пострадает в связи с его связью с политикой. В разгар самых грубых действий в защиту рабства они полны антирабовладельческих настроений. Они любят это дело, но, в целом, считают его слишком хорошим для этого мира. Они будут держать его сублимированным, на высоте, вне досягаемости вульгарных людей или вообще в использовании, неосвязаемым, как магеллановы облака. Все присоединятся к нам в абстрактном осуждении рабства; ни один неверующий священник или политик не выступит против нас; откажитесь от действий, и, несомненно, у нас будет тысячелетие отмены рабства; волк ляжет рядом с ягненком, в то время как рабство на практике в насмешку звенит своими тремя миллионами неразрывных цепей. Наши оппоненты не боятся безобидного призрака абстрактной идеи. Они боятся его только тогда, когда оно облекается плотью и сухожилиями практической реальности и поднимает свою правую руку с силой, которую Бог дает не только теоретизировать, но и делать.

Итак, как честные люди, мы должны действовать; давайте поступим так, как подобает людям, участвующим в великом и торжественном деле. Не с помощью процессий, праздных парадов и судорожного энтузиазма, не с помощью пустых трюков, шоу и выдумок можно продвинуть вперед дело, подобное нашему. Оставьте это партиям, борющимся за пост президента, в качестве "трофеев победы". Нам не нужны ни маскировка, ни ложные предлоги, ни увертки; нам достаточно представить нашим соотечественникам святые истины свободы в их неприкрашенной и естественной красоте. Каким бы мрачным ни казалось настоящее, давайте с искренней уверенностью помнить, что истине и праву суждено восторжествовать. Давайте вычеркнем слово "разочарование" из лексикона противников рабства. Пусть враги свободы падут духом; пусть сторонники угнетения придут в отчаяние; но пусть те, кто борется с неправдой во имя Бога и в силе Его истины, наберутся мужества. Рабство должно умереть. Господь изрек это. Сосуды Его горячего гнева, подобные тем, что обрушились на народы в Апокалиптическом видении, дымятся даже сейчас над его "обиталищами жестокости". Небеса больше не могут с этим мириться. Вселенское человечество вопиет против этого. Давайте же работать, чтобы ускорить его падение, делая все, что под силу нашим рукам, "изо всех сил".

Октябрь 1843 года.

ДЕМОКРАТИЯ И РАБСТВО.

[1843.]

Великий лидер американской демократии Томас Джефферсон теоретически был ультрааболиционистом, а на практике с юности оставался рабовладельцем. С рвением, которое никогда не ослабевало, с теплотой, которую не мог остудить мороз лет, он отстаивал великие истины о том, что каждый человек должен быть хранителем своего собственного блага; что один человек никогда не должен иметь абсолютного контроля над другим. Он поддерживал полное равенство рас, неотъемлемое право собственности на себя, равное притязание всех на справедливое участие в принятии законов, которыми они управляются.

Он ясно видел, что рабство в том виде, в каком оно существовало на Юге и на его собственной плантации, несовместимо с этой доктриной. Его первые усилия по освобождению Виргинии не увенчались успехом; но затем он обратил свое внимание на обширную северо-западную территорию и заложил основу указа 1787 года, который, подобно пылающему мечу ангела у врат Рая, эффективно охранял эту территорию от проникновения рабства. И на этом он не остановился. Он был другом и поклонником ультрааболиционистов революционной Франции; он горячо убеждал своего британского друга доктора Прайса разослать свои антирабовладельческие брошюры в Вирджинию; он не упускал возможности протестовать против рабства как антидемократического, несправедливого и опасного для общего благосостояния; и в своем письме губернатору территории Иллинойс, написанном в преклонном возрасте, он искренне и проникновенным языком завещал подрастающему поколению дело эмансипации негров. "Это предприятие, - сказал он, - для молодых, для тех, кто может довести его до конца. Он получит все мои молитвы, а это единственное оружие старика".

Таким был Томас Джефферсон, великий основатель американской демократии, сторонник равенства прав человека, независимо от каких-либо условий рождения, климата или цвета кожи. Как ни странно, его политические доктрины нашли своих первых получателей и самых ревностных поклонников в рабовладельческих штатах Союза. Привилегированный класс рабовладельцев, чей ранг и положение "вытесняют необходимость дворянского сословия", стал ревностным сторонником равенства между собой — демократии аристократии. Когда перед ними всегда стояли страдания и деградация рабства, в положении их собственных рабов, сильная любовь к личной независимости и надменное нетерпение любого контроля над их действиями подготовили их к принятию демократической идеи, насколько это могло быть применено к их собственному порядку. Мы вынуждены полагать, что большая часть рабовладельческих поклонников Томаса Джефферсона не имела адекватного представления об этой расширенной и щедрой демократии, о любви не только к индивидуальной свободе, но и к правам и вольности всех людей, о бескорыстном желании предоставить другим привилегии, которые все люди ценят для себя. Они были такими же демократами, как патриции Рима и аристократия Венеции; хозяевами своих собственных плантаций, своего рода "священным союзом" плантаторов, признающих и защищающих божественное право друг друга на господство.

Тем не менее, в Вирджинии, Мэриленде и в других частях рабовладельческих штатов не было недостатка в более верных выразителях и примерах идеи демократии в том виде, в каком она существовала в сознании Джефферсона. В ходе дебатов по мемориалам, представленным первому Конгрессу Соединенных Штатов, в которых говорилось об отмене рабства, голос делегации Вирджинии в этом органе был единодушен в осуждении рабства как зла социального, морального и политического. На конституционном съезде Вирджинии 1829 года нашлись люди, которым хватило мудрости понять и твердости заявить, что рабство не только несовместимо с честью и процветанием штата, но и совершенно неоправданно ни по каким основаниям, которые могли быть последовательно приняты республиканским народом. В ходе дебатов по тому же вопросу в законодательном органе в 1832 году универсальная и беспристрастная демократия прозвучала из красноречивых уст. То же самое можно сказать и о Кентукки, детище Вирджинии. Но остается верным, что это были исключения из общего правила. С языком всеобщей свободы на устах и движимые самым ревностным духом демократической пропаганды, большинство рабовладельцев Союза, похоже, никогда не понимали истинного значения или не измеряли длину и широту той доктрины, которую они

приняли первыми и особыми и избранными защитниками которой они все это время утверждали.

Северные штаты не спешили принимать демократическое кредо. Олигархия Новой Англии и богатые собственники и землевладельцы Средних Штатов с тревогой и ужасом отвернулись от уравнилельных доктрин, навязываемых им пропагандистами "свободы и равенства" с Юга. Доктрины Виргинии были столь же неприятны Массачусетсу в начале нынешнего столетия, как доктрины Массачусетса сейчас - Старому Доминиону. Демократия вмешивалась в старые обычаи и проверенные временем институты и угрожала подорвать сами основы социальной структуры. Этому рьяно противостояли представители Новой Англии в Конгрессе и в законодательных собраниях страны; и со многих кафедр возносились руки к Богу в смиренной молитве о том, чтобы проклятию и гибели демократии, ответвлению бешеного якобинства революционной Франции, не было позволено пустить корни и омрачить доброе наследие пуританства. Паникеры Юга в своих самых ярких картинах зла, которого следует опасаться из-за распространенности антирабовладельческих доктрин в их среде, не нарисовали ничего более страшного, чем видения таких

"Пророки войны и предвестники беды"

как Фишер Эймс в "Форуме" и Пэриш в "письменном столе", размышляя о вторжении джефферсоновской демократии в политику, религию и собственность Севера.

Но огромное количество свободных рабочих Северных Штатов, механиков и мелких фермеров, придерживались совершенно иного взгляда на этот вопрос. Доктрины Джефферсона были восприняты как их политическое евангелие. Напрасно федерализм с негодованием осуждал дерзкую непоследовательность рабовладельческого вмешательства в защиту свободы в свободных штатах. Исходя из доктрины, от кого бы она ни исходила, люди считали ее истинной. Штат за штат выходили из рядов федерализма и переходили на сторону демократии. Старый порядок вещей был разрушен; было установлено равенство перед законом, религиозные испытания и ограничения избирательного права были отменены. Возьмем, к примеру, Массачусетс. Там сопротивление демократическим принципам было наиболее ожесточенным и продолжалось дольше всего. Тем не менее, в настоящее время в Союзе нет государства, более скрупулезного в их практическом применении. Никакие имущественные цензы или религиозные критерии не имеют преимущественной силы; все различия по признаку секты, рождения или цвета кожи отвергаются, а избирательное право является всеобщим. Демократия, которая на Юге поддерживалась лишь в состоянии газообразной абстракции, затвердела в конкретную реальность в холодном воздухе Севера. Идеал стал практическим, ибо он нашел приют среди людей, которые привыкли действовать в соответствии со своими убеждениями и проверять все свои теории реальным опытом.

Применяя таким образом на практике новую доктрину, жители свободных штатов не могли не осознать несоответствия демократии и рабства.

Селлек Осборн, который чудом избежал звания мученика-демократа в Коннектикуте, осудил рабовладение, как и другие формы угнетения. Барлоу, только что отошедший от общения с Грегуаром, Бриссо и Робеспьером, посвятил негритянскому рабству несколько самых энергичных и правдивых строк своей великой поэмы. Итон, вернувшись после своих романтических свершений в Тунисе по освобождению белых рабов, воспользовался случаем,

чтобы прочитать лекцию своим соотечественникам о непоследовательности и виновности содержания чернокожих в рабстве. В ходе борьбы в Миссури 1819-20 годов жители свободных штатов, за несколькими позорными исключениями, выступили вместе с Югом против распространения рабства. Примерно десять лет спустя началась нынешняя антирабовладельческая агитация. Она возникла, вне всякого сомнения, в демократической среде. Со словами Джефферсона на устах молодые, серьезные и восторженные люди привлекали внимание общества к моральной несправедливости и политическому осуждению рабства. Во имя и в духе демократии моральные и политические силы народа были призваны ограничить, отвергнуть и положить конец системе, столь явно подрывающей ее основополагающие принципы. Это было возрождение языка Джефферсона, Пейджа и Рэндольфа, отголосок голоса того, кто написал Декларацию независимости и инициировал указ 1787 года.

Между тем Юг почти забыл действительное значение учений своих первых политических пророков, и их возрождение в форме аболиционизма было, как и следовало ожидать, странным и нежеланным. Было достаточно приятно время от времени прибегать к этим демократическим абстракциям с целью вызвать восхищение всего мира и дешево приобрести репутацию сторонников свободы и равенства. Фридрих Прусский, обращающийся к теням Катона и Брута, "Vous de la liberte heros que je revere,"

в то время как в полной мере осуществлял свою деспотическую власть, был столь же последователен, как и эти демократические рабовладельцы, чье восхищение свободой возрастало точно пропорционально ее удаленности от их собственных плантаций. Они не рассчитывали на то, что их доктрина облечется жизнью и силой, станет практической реальностью, требующей применения как к их рабам, так и к ним самим. Они не приняли во внимание прекрасное предначертание Провидения, согласно которому ни один человек не может отстоять свои собственные права, прямо или косвенно не включив в это отстаивание права всех других людей. Надменные и деспотичные бароны, которые вырвали у своего сопротивляющегося монарха Великую Хартию в Раннимиде, действуя только в интересах себя и своего класса, и не мечтали о том, что с тех пор гарантии их прав и свобод стали применяться повсеместно. Столь же мало дворяне парижского парламента, укрепляя свои позиции за счет ограничения королевских прерогатив, мечтали об освобождении своих собственных крепостных путем революции, которой они слепо дали первый импульс. Божья истина универсальна; она не может быть монополизирована эгоизмом.

ДВЕ ПРОЦЕССИИ.

[1844.]

"Взгляни на эту картину и на это". ГАМЛЕТ.

УЧИТЫВАЯ, что у нас почти трехмиллионное рабовладельческое население и что в половине штатов Республики более опасно действовать исходя из предположения, что "все люди созданы свободными и равными", чем это было бы в Австрии или России, щедрое выражение сочувствия и экстравагантное ликование, с которыми мы, как народ, привыкли приветствовать движения в защиту свободы за рубежом, не на шутку примечательны. Мы почти пришли в экстаз

от первой французской революции; мы заполнили наши газеты речами оратора Ханта и английских радикалов; мы побратались с Объединенными ирландцами; мы приветствовали как братьев по делу свободы тех самых мексиканцев, которых мы с тех пор истребили огнем и мечом; наши ораторы, северные и южные, стали красноречивыми и классическими во время греческой и польской революций. Короче говоря, задолго до этого, если бы стенам царственности и деспотизма, подобно стенам Иерихона, было суждено быть низвергнутыми звуком, наши пушечные выстрелы Четвертого июля и колокольный звон вместе с нашими яростными, высокопарными речами в Конгрессе и за его пределами по упомянутым поводам не оставили бы камня на камне от других.

Это правда, что в случае с Хайти должно быть сделано исключение. Мы не стреляли из ружей, не произносили тостов, не произносили речей в поддержку создания этой новой республики по соседству с нами. Само упоминание о возможности того, что делегаты от Хайтьена могут попросить о допуске на конгресс свободных республик Нового Света в Панаме, "отпугнуло от приличий" ярых пропагандистов республиканизма в Сенате и нанесло смертельный удар их филантропическим проектам. Но поскольку Хайти - республика чернокожих, которые, взбунтовавшись как против своих хозяев, так и против метрополии, полностью лишили себя англосаксонской симпатии своим дерзким вмешательством в монополию свободы белых, это исключение ни в коем случае не опровергает общий факт, что в том, что касается сжигания пороха, звона колокольчиков, произнесения речей, произнесения тостов, восхищения свободой издали и абстрактно, у нас нет соперников. Карикатура на наших "общих сочувствующих" в книге Мартина Чезлвита ни в коем случае не является причудливым наброском.

Известие о трехдневной революции в Париже и триумфе французского народа над Карлом X и его министрами, как само собой разумеющееся, оказали огромное воздействие на нашу национальную восприимчивость. Мы все приподняли шляпы в безмерной радости при виде короля, сломя голову сброшенного со своего трона и изгнанного из своего королевства своими многострадальными и угнетенными подданными. Мы приписали половину заслуг в этом спектакле себе, поскольку Лафайет был в нем главным действующим лицом. Наши редакторы, от Пассамакводди до "Сабин", напечатали абзацы для тысячи и одной газеты, поздравляя парижских патриотов и пророча всевозможные беды священным союзам, королям и аристократии. "Нэшнл Интеллидженсер" за 27 сентября 1830 года содержит полный отчет о публичных ликованиях добрых людей Вашингтона по этому случаю. На всех шпилях зазвонили колокола, выстрелили из пушек, и образовалась грандиозная процессия, в которую вошли президент Соединенных Штатов, главы департаментов и другие государственные деятели. Украшенные трехцветными лентами, с трехцветными флагами, смешивающимися с полосами и звездами над головами, и под пристальными взглядами ярких глаз из окон и с балконов, "всеобщие сочувствующие" медленно и величественно двинулись по широкому проспекту к Капитолию, чтобы отпраздновать возрождение французской свободы, став избранными правителями свободного народа.

Каким зрелищем это было для представителей европейского королевского ремесла в резиденции нашего правительства! Как, должно быть, трепетали титулованные агенты Меттерниха и Николая перед лицом этой внушительной демонстрации за безопасность своих "особых учреждений"!

К несчастью, однако, моральный эффект этого грандиозного зрелища был несколько омрачен появлением другой процессии, двигавшейся в противоположном направлении. Это была банда рабов! Скованные попарно наручниками, с мрачной грустью отчаяния на лицах, они устало маршировали вперед под музыку кнута кучера и лязг железа на своих конечностях. Подумать только! Крики триумфа, ликующие колокола, яркие знамена и сверкающие кавалькады в честь Свободы, резко контрастирующие с мужчинами и женщинами, закованными в цепи и гонимыми, как скот на рынок! Редактор газеты "Америкэн Спектейтор", издававшейся в то время в Вашингтоне, говоря об этой черной процессии рабов, описывает ее как "ведомую существом, похожим на человека верхом на лошади". Жалкие негодяи, составившие его, несомненно, были отправлены в тюрьму для рабов в ожидании их покупки и транспортировки на Юг или Юго-Запад; и, возможно, составляли часть той толпы людей, которую, по словам того же редактора, он видел в следующую субботу: "мужчины и женщины, скованные парами, отправились из таверны Роби пешком в Александрию, чтобы сесть на невольничий корабль".

Много лет назад на лагерном собрании в Вирджинии один из братьев, пытаясь произнести увещевание, запинаясь, запинаясь и, наконец, остановился как вкопанный. "Сядь, брат, - сказал старый отец Кайл, одноглазый проповедник отмены смертной казни. - бесполезно пытаться; ты не можешь проповедовать, когда у тебя в глотке двадцать негров!" Нас поражает, что наша страна во многом находится в положении бедного сбитого с толку проповедника на лагерном собрании. Рабство застревает у него в горле и портит его лучшие представления, политические и церковные; сбивает с толку языки его евангелических союзов; превращает празднование Четвертого июля в фарс; и, как в случае с грандиозной процессией в Вашингтоне 1830 года, печально портит эффект его ликования ввиду прогресса свободы за рубежом. Во всех наших увещеваниях есть заикание; наши моральные и политические проповеди наверняка наталкиваются на путаницу и противоречия; и реакция, которая приходит к нам от народов, мало чем отличается от реакции отца Кайла на попытку плантатора проповедовать: "Это бесполезно, брат Джонатан; ты не можешь проповедовать свободу, когда у тебя в горле три миллиона рабов!"

ГЛАВА ИСТОРИИ.

[1844.]

Теория, которую серьезный и образованный сенатор-северянин недавно озвучил в Конгрессе, о том, что рабство, подобно хлопчатнику, ограничено законами природы определенными параллелями широты, за пределами которых оно ни в коем случае не может существовать, как бы она ни удовлетворила ее автора и аудиторов, к сожалению, не имеет подтверждения фактами дела. Рабство на редкость космополитично по своим привычкам. Порождение гордыни, похоти и алчности, оно присуще всему миру. Укоренившийся в человеческом сердце, он бросает вызов суровым зимним условиям в степях Татарии и палящему солнцу тропиков. В нем присутствует всеобщая акклиматизация греха.

Первое известие, которое мы имеем о рабах-неграх в Новой Англии, принадлежит перу Джона Джосселина. Через девятнадцать лет после высадки в Плимуте этот интересный путешественник некоторое время был гостем Сэмюэля Маверика, который тогда жил, подобно

феодалному барону, в своей крепости на острове Ноддл, окруженный вассалами и челядью, бросая вызов своим соседям-индейцам за мощными стенами, на которых были установлены "четыре большие пушки", и "бесплатно развлекая всех приезжих".

"2 октября 1639 года, около девяти часов утра, негритянка мистера Маверика, - рассказывает Джосселин, - пришла в мою комнату и на своем родном деревенском языке и на мотив запела очень громко и пронзительно. Когда я вышел к ней, она проявила ко мне большое уважение и охотно выразила бы свое горе по-английски, если бы умела говорить на этом языке; но я понял это по ее выражению лица и манерам держаться. После чего я отправился к моему хозяину, чтобы узнать от него причину, и решил умолять его вступить за нее; ибо я понял, что она была королевой в своей собственной стране, и заметил очень почтительную и скромную одежду, которую носила по отношению к ней другая негритянка, которая была ее служанкой. Мистер Мэверик желал иметь породу негров; и поэтому, видя, что она не поддается уговорам общаться с молодым негром, которого он держал в своем доме, он приказал ему, пожелал, чтобы она легла в свою постель, что и было сделано, как только она снова выставила его вон. Это она восприняла с большим презрением, чем свое рабство; и это было причиной ее горя".

У нас есть достаточно доказательств того, что пуритане того раннего времени не одобряли своеобразный домашний уклад и непритязательную экономию этого поселенца-рабовладельца. Исходя из молчания всех других авторов того времени по отношению к неграм и рабам, справедливо предположить, что этот случай был заметным исключением из общих привычек и обычаев колонистов. В ранний период было налажено транспортное сообщение между колониями Новой Англии и Барбадосом; и не исключено, что с этого острова в Бостон привозили рабов. Законы, однако, препятствовали их внедрению и покупке, предоставляя свободу всем, кто был привлечен к службе по истечении семи лет.

В 1641 году, через два года после приключения Джосселина на острове Ноддл, в Колонии был принят кодекс законов, известный под названием Свод свобод. Она была составлена Натаниэлем Уордом, образованным и остроумным автором "Простого сапожника из Агаварна", самой ранней поэтической сатиры Новой Англии. Одно из его положений гласило следующее:—

"Среди нас никогда не будет рабства, злодейства или пленения, если только это не будут законные пленники, взятые в справедливых войнах, и такие чужеземцы, которые добровольно продадут себя или будут проданы нам. И они должны обладать всеми свободами и христианскими обычаями, которых морально требует закон Божий, установленный в Израиле".

В 1646 году капитан Смит, член бостонской церкви, в связи с неким Кизером привел домой двух негров, которых он заполучил, напав врасплох на негритянскую деревню в Африке и уничтожив многих ее жителей. Сэр Ричард Солтонстолл, один из помощников, подал петицию в суд общей юрисдикции, в которой указал, что совершенное таким образом преступление состоит из трех частей по своей природе, а именно убийства, человекоугодия и нарушения субботы; поскольку преступление, заключающееся в "преследовании негров, как указано выше, в день субботний (являющееся подневольной работой и такое, которое не может рассматриваться ни под каким другим предлогом), прямо карается смертной казнью по закону Божьему"; по этой причине он молится, чтобы правонарушители были привлечены к ответственности, "чтобы совершенный ими грех мог быть наказан". быть на их совести, а не на нашей".

По этому ходатайству Верховный суд вынес следующий приказ, в высшей степени достойный людей, заявляющих, что они правят в страхе и согласно закону Божьему, — устрашение для злодеев и похвала для тех, кто творит добро:-

"Верховный суд, считая себя обязанным при первой же возможности выступить свидетелем против отвратительного и вопиющего греха человекоугодия, а также предписать такое своевременное возмещение за то, что произошло, и такой закон на будущее, который может в достаточной степени удержать всех других принадлежащих к нам от совершения таких мерзких и отвратительных поступков, вызывающих справедливое отвращение у всех добрых и справедливых людей, приказывает, чтобы негритянский переводчик и другие незаконно похищенные лица были при первой возможности отправлены под ответственность страны в настоящее время в его родную страну, Гвинею, и письмо сообщаем ему о возмущении Суда по этому поводу и о его справедливости, желая, чтобы наш уважаемый губернатор, пожалуйста, привел этот приказ в исполнение".

Насколько нам известно, нет никаких исторических свидетельств о фактическом возвращении этих похищенных людей домой. Однако сохранилось письмо, адресованное от имени Суда Общей юрисдикции некоему мистеру Уильямсу с острова Пискатакуа, у которого был куплен один из негров, с просьбой немедленно отправить этого человека в Бостон, чтобы его отправили домой, "что этот Суд решает отправить обратно без промедления".

Три года спустя, в 1649 году, следующий закон был внесен в свод законов Массачусетской колонии:

"Если кто украдет человека или человечество, он непременно будет предан смерти".

Таким образом, будет видно, что этим ранним попыткам ввести рабство в Новой Англии противостояли суровые законы и то сильное общественное мнение в пользу свободы человека, которое характеризовало христианских радикалов, заложивших основы колоний. Не суровая северная зима и не неприветливая почва Массачусетса препятствовали введению рабства в первые полвека его существования как колонии. Именно признание пуританином братства людей во грехе, страдании и искуплении, его оценка ужасной ответственности и вечных судеб человечества, его ненависть к неправде и тирании и его суровое чувство справедливости побудили его наложить на африканского работорговца ужасное наказание по кодексу Моисея.

Но это храброе старое поколение ушло из жизни. Гражданские беспорядки в метрополии погнали за моря множество неугомонных авантюристов и спекулянтов. Войны с индейцами выбили народ из колеи и деморализовали его. Привычка к роскоши и жажда наживы заняли место сурового самоотречения и жестких добродетелей отцов. Поэтому мы не удивляемся, обнаружив, что Джосселин во время своего второго визита в Новую Англию, примерно через двадцать пять лет после первого, говорит о значительном увеличении числа слуг и негров. В 1680 году губернатор Брэдстрит в ответе на запросы Тайного совета его Величества заявляет, что за два года до этого судно с Мадагаскара "доставило в Колонию от сорока до пятидесяти негров, в основном женщин и детей, которые были проданы в убыток владельцу судна". "Время от времени, - продолжает он, - двух-трех негров привозят с Барбадоса и других плантаций его Величества и продают по двадцать фунтов за штуку; так что в правительстве может быть около ста или ста двадцати человек, и столько же шотландцев, привезенных сюда и проданных в качестве слуг во время войны с Шотландией, и примерно вдвое меньше ирландцев".

Владение черным или белым рабом или прислугой в тот период считалось свидетельством достоинства и респектабельности; и поэтому магистраты и священнослужители смотрели сквозь пальцы на нарушение закона наемными торговцами и снабжали себя без зазрения совести. Индийские рабы были обычным явлением и упоминаются в старых завещаниях, актах и описях вместе с лошадьми, коровами и домашней мебелью. Уже в 1649 году мы находим, что Уильям Хилтон из Ньюбери продает Джорджу Карру "за четверть части сосуда Джеймса, моего индейца, при всем моем интересе к нему, в вечные слуги". Некоторые были захвачены во время Наррагансеттской войны и других войн с индейцами; другие были привезены из Южной Каролины и Майна Испании. Поучительным фактом, иллюстрирующим карательные действия Провидения, является то, что самое страшное бедствие в Массачусетской колонии — колдовской террор 1692 года — было вызвано индианкой Титубой, рабыней в семье министра Данверса.

В 1690 году жители Ньюбери были сильно взволнованы арестом джерсийца, который занимался тем, что уговаривал индейцев и негров покинуть своих хозяев. В суде ему было предъявлено обвинение в том, что он сказал, что "англичане должны быть истреблены, а негры освобождены". Джеймс, негритянский раб, и Джозеф, индеец, были арестованы вместе с ним. Сообщалось, что их план состоял в том, чтобы захватить судно в порту и сбежать в Канаду, присоединиться к французам, а затем вернуться, опустошить и разграбить своих хозяев. Они должны были вернуться с пятьюстами индейцами и тремя сотнями канадцев; и, как говорили, было даже определено место переправы через реку Мерримак и первого лагеря на другом берегу. Если учесть, что в поселении не могло быть больше десятка рабов, волнение, в которое жителей повергли эти абсурдные слухи о заговоре, мало чем отличается от волнения собрания мелких плантаторов в захолустном поселении в Южной Каролине, обнаруживших в своей еженедельной почтовой сумке газету против рабства.

В 1709 году у полковника Солтонстолла из Хаверхилла было несколько негров, и среди них бойкая девушка, которая за какой-то предполагаемый проступок была сурово наказана. Рабыня решила отомстить за нанесенный ей вред и вскоре нашла способ добиться этого. У полковника был под рукой значительный запас пороха для участия в бушевавшей тогда войне с индейцами. Ею она подложила под комнату, в которой спали ее хозяин и хозяйка, проложила длинный шлейф и бросила на него уголь. Она едва успела убежать в фермерский дом, как прогремел взрыв, разнесший величественный особняк на куски. Солтонстолла и его жену отнесли на кровати на значительное расстояние, к счастью, они избежали серьезных травм. Несколько солдат, находившихся в доме, были разбросаны во все стороны; но никто не погиб. Полковник, оправившись от последствий своего внезапного переворота, поспешил на ферму и застал всех своих слуг на ногах, за исключением виновника беспорядка, который уютно устроился в постели и, по-видимому, спокойно спал.

В 1701 году в Суде общей юрисдикции Массачусетса была предпринята попытка предотвратить увеличение числа рабов. Судья Сьюэлл вскоре после этого опубликовал брошюру против рабства, но, похоже, она не возымела особого эффекта. Бостонские торговцы и судовладельцы в значительной степени оказались вовлечены в работорговлю. Винокурни, основанные в этом месте и на Род-Айленде, поставляли ром на африканский рынок. Рабов обычно отправляли в Вест-Индию, хотя иногда часть груза попадала в Новую Англию, где полезные старые законы против человекоугодия стали мертвой буквой в своде законов.

В 1767 году в законодательное собрание Массачусетса был внесен законопроект о предотвращении "неоправданного и противоестественного обычая порабощения человечества". Совет губернатора Бернарда отправил его обратно в Палату представителей сильно измененным и урезанным, и он был потерян из-за разногласий двух ветвей власти. Губернатор Бернард перенес свое влияние на сторону рабовладельцев. В 1774 году законопроект, запрещающий торговлю рабами, был принят обеими палатами, но губернатор Хатчинсон не дал своего согласия и распустил законодательный орган. Цветные отправили собственную депутацию к губернатору, чтобы получить его согласие на законопроект, но он сказал им, что его инструкции запрещают ему это. Аналогичный комитет, ожидавший генерала Гейджа, получил тот же ответ.

В 1770 году слуга Ричарда Лечмера из Кембриджа, воодушевленный общим обсуждением вопроса о рабстве и советами некоторых ревностных защитников эмансипации, подал иск против своего хозяина за содержание его в рабстве. Судебный процесс был решен в его пользу за два года до аналогичного решения по делу Сомерсета в Англии. Средства, необходимые для продолжения этого судебного процесса, были собраны среди самих чернокожих. В различных частях провинции последовали другие иски, и результатом в каждом случае была свобода истца. В 1773 году Цезарь Хендрик подал в суд на своего хозяина, некоего Гринлифа из Ньюберипорта, о возмещении ущерба в размере пятидесяти фунтов за то, что тот держал его в качестве раба. Присяжные присудили ему свободу и восемнадцать фунтов стерлингов.

Согласно доктору Белнэпу, чьи ответы на вопросы по этому вопросу, заданные судьей Таккером из Виргинии, предоставили нам многие из изложенных выше фактов, основными основаниями, на которых основывался совет хозяев, было то, что негры были приобретены на открытом рынке и включены в купчие наравне с другим имуществом; что рабство было санкционировано обычаем; и, наконец, что законы провинции признавали его существование, возлагая на хозяев ответственность за содержание своих рабов или прислуги.

Со стороны чернокожих действовали законы и обычаи метрополии, подтвержденные Великой хартией, согласно которым никто не может быть лишен свободы иначе, как по решению равных ему людей. Ранние законы провинции запрещали рабство, и никакое последующее законодательство не санкционировало его; ибо, хотя законы и признавали его существование, они делали это только для того, чтобы смягчить и видоизменить признанное зло.

Нынешняя конституция штата была принята в 1780 году. Первая статья Билля о правах запрещает рабство, подтверждая основополагающую истину нашей республики о том, что "все люди рождаются свободными и равными". В 1783 году Верховный суд постановил, что ни один человек не может владеть другим как собственностью без прямого нарушения этой статьи.

В 1788 году трое свободных чернокожих жителей Бостона были похищены и проданы в рабство на одном из французских островов. Последовало сильное волнение. Губернатор Хэнкок принял эффективные меры для возвращения несчастных мужчин. Духовенство Бостона обратилось в законодательный орган с петицией о полном запрете иностранной работорговли. Общество друзей и чернокожие в целом подали аналогичные петиции; и в том же году был принят закон, запрещающий работорговлю и предоставляющий помощь лицам, похищенным или выманенным за пределы Содружества. Опасение стать бременем для государства из-за притока негров из-за рубежа побудило Законодательный орган в связи с этим законом запретить тем, кто не был гражданами штата или других штатов, получать вид на жительство.

Первый случай ареста беглого раба в Массачусетсе в соответствии с законом 1793 года произошел в Бостоне вскоре после принятия закона. Именно на этот случай ссылается президент Куинси в своем последнем письме против закона о беглых рабах. Население на суде помогло рабу сбежать, и больше ничего с этим сделано не было.

Арест Джорджа Латимера как раба в Бостоне и его незаконное заключение в тюрьму в 1842 году привели к принятию закона 1843 года о "защите личной свободы", запрещающего государственным служащим арестовывать или задерживать лиц, заявленных как рабы, и использовать тюрьмы Содружества для их содержания. Этот закон был принят в строгом соответствии с решением высшей судебной власти по делу "Пригг против Штат Пенсильвания, что возвращение беглецов является делом, принадлежащим исключительно правительству штата; однако официальные лица штата могут, если сочтут нужным, ввести в действие закон Конгресса по этому вопросу, "если это не запрещено законодательством штата".

Из приведенных нами фактов будет видно, что рабство в Массачусетсе никогда не существовало легально. Благородство судебной системы пуританского государства никогда не было запятнано признанием ее отвратительных претензий. Она проникла в Содружество, как и другие пороки, но так и не смогла облечься санкцией и авторитетом закона. Она стояла только на своем собственном отвратительном фундаменте грабежа и неправды.

Оглядываясь назад на подобную историю, не странно ли, что жители Массачусетса в наши дни не желают видеть, как их освященная веками защита личной свободы, старые добрые гарантии саксонской свободы, отменяются и отменяются в соответствии с "Законом о беглых рабах"; что они должны ненавидеть и презирать задачу, которую этот закон возлагает на них, - помогать профессиональным охотникам за рабами хватать, заковывать в кандалы и предавать рабству мужчин и женщин, обвиняемых только в том, что вызывает у них уважение и сочувствие, любовь к свободе и ненависть к рабству; что они не могут сразу приспособиться к "конституционным обязанностям", которые в Южной Каролине и Джорджии возложены на обученных ищущих? Несомненно, принимая во внимание то, чем был Массачусетс, и его сильную предубежденность в пользу свободы человека, унаследованную от его великодушных основателей, следует надеяться, что Исполнительная власть и Кабинет министров в Вашингтоне предоставят ей небольшую передышку, некоторое пространство для изменения, некоторую возможность победить свои предрассудки, прежде чем спустить на нее псов войны. Пусть они дадут ей время и снисходительно отнесутся к ее колебаниям, угрызениям совести и уязвленной гордости. Ее народ, действительно, неуклюж в работе по отлову рабов и, казалось бы, оказал лишь безразличную услугу на поздней охоте в Бостоне. Будут ли они действовать лучше под наблюдением армии и военно-морского флота Соединенных Штатов - это вопрос, который мы оставляем на усмотрение президента и его государственного секретаря. Генерал Патнэм однажды взялся муштровывать роту квакеров и силой оружия обучать их искусству и тайне ведения боя; но ни одна пара темно-коричневых штанов не шелохнулась при его "марше вперед"; ни один бобрик не повернулся по его команде; ни одна рука не разжалась, чтобы принять протянутый мушкет. Патриотические призывы, грубая ругань и уколы штыков не произвели никакого эффекта на этих непрактичных необученных новобранцев, и отважный генерал в отчаянии отказался от них. Мы склонны полагать, что любая попытка со стороны главнокомандующего нашей армией и флотом превратить добрых людей Массачусетса в опытных ловцов рабов под дисциплиной Вест-Пойнта и Норфолка окажется таким же бесполезным экспериментом, как эксперимент генерала Патнэма над квакерами.

ТОМАС КАРЛАЙЛ О ВОПРОСЕ РАБОВ.

[1846.]

В последнем номере журнала Fraser's Magazine опубликована статья, несущая на себе безошибочный отпечаток англо-немецких особенностей Томаса Карлайла, озаглавленная "Случайная беседа о негритянском вопросе", которая была бы интересна как литературный курьез, если бы по духу и тенденции не была столь невыразимо порочной, что вызывает у каждого здравомыслящего читателя чувство изумления и отвращения. С жесткой, жестокой дерзостью, богохульной непочтительностью и глумливой насмешкой, которая сделала бы честь дьяволу Фауста, она противоречит моральному чувству человечества и заповедям христианства. Убедившись, что экспорт сахара и специй из Вест-Индии сократился после эмансипации - и что негры, проработав, как они считали, достаточно долго без заработной платы, теперь отказываются работать на плантаторов без более высокой оплаты, чем те могут себе позволить, поскольку у них все еще сохранились бережливые и порочные привычки рабства, — автор считает себя вправе осуждать эмансипацию негров как один из "обманов", для борьбы с которыми он был специально послан в этот мир. Если бы он ограничился простым оскорблением и карикатурой на самоотверженных христианских аболиционистов Англии — "широкополых филантропов Эксетер-Холла", — у него было бы мало поводов для того, чтобы обратить внимание на его язвительную и дискредитирующую постановку. Несомненно, в самых праведных реформах присутствует налет филантропии — сплава человеческой слабости и безрассудства, что является прекрасным поводом для негодующего сарказма известного ненавистника показухи и лжи. Что бы ни было пустым и лицемерным в политике, морали или религии, вполне уместно попадает в сферу его насмешек, и мы желаем ему Удачи в нанесении по этому поводу сатирического удара. Обман и мошенничество всех видов не заслуживают ничего лучшего, чем выявление и разоблачение. Пусть он раздувает их сколько душе угодно, как Дэниел раздувал изображение Белл и Дракона.

Но наш автор в вопросе о негритянском рабстве попытался применить свою взрывчатую смолу и канифоль не для того, чтобы выставить напоказ человечность, а для самого человечества. Он насмехается над жалостью, издевается над всеми, кто стремится уменьшить количество боли и страданий, глумится над самыми священными правами и отрицает их, и безжалостно обрекает целый класс детей своего Небесного Отца на принудительное рабство. Он поносит бедного чернокожего с грубой жестокостью, которая сделала бы честь миссисипскому работоторговцу или ренегату-янки, торговавшему живым скотом на берегах Потомака. Его риторика отдает рабским загоном и аукционной площадкой, вульгарная, недостойная мужчины, неприличная, скандальное оскорбление хорошего вкуса и утонченных чувств, которое одновременно унижает автора и оскорбляет его читателей.

Он предполагает (ибо он один из тех возвышенных философов, которые отвергают бэконовскую систему индукции и полагаются на интуицию, не прибегая к фактам и цифрам), что эмансипированный класс на островах Вест-Индии повсеместно ленив, расточителен и непригоден для свободы; что Бог создал их слугами своих "прирожденных господ", белых людей, и создал их выращивать сахар, кофе и специи для своих хозяев, вместо того чтобы выращивать тыквы и ямс для себя; и что, если они не будут этого делать, "благодетельный кнут" должен быть применен к ним. снова нанятый, чтобы принудить их. Говоря о черном классе, он использует самый низкий сленг вульгарных предрассудков. "Черный Куаши, — презрительно

усмехается джентльмен-философ, - черный Куаши, если он не поможет добыть специи, снова превратится в раба (это состояние будет немного менее уродливым, чем его нынешнее) и с помощью благотворного кнута, поскольку другие методы не помогают, будет вынужден работать".

Трудно относиться к таким жестоким чувствам, выраженным в таких оскорбительных выражениях, с каким-либо подобием уважения. Здравый смысл и незамутненная совесть инстинктивно восстают против них. Доктрина, которую они проповедуют, лежит в основе любой тирании и несправедливости человека по отношению к человеку. Это то, под влиянием чего "творение стонет и мучается до сего дня". Это старо, как грех; вечный аргумент силы против слабости, власти против права; греческого философа о том, что варвары, будучи низшей расой, были рождены, чтобы быть рабами греков; и неверующего Гоббса о том, что каждый человек, находясь по природе в состоянии войны друг с другом, имеет вечное право обратить его в рабство, если у него есть власть. Это кардинальная доктрина того, что Джон Куинси Адамс очень правильно назвал сатанинской философской школой, — этики древнескандинавского морского разбойника или арабского грабителя караванов. Она так же далека от милой гуманности и бескорыстной благотворительности христианства, как вера и обычаи Головореза из Ост-Индии или новозеландского каннибала.

Однако наш автор не застает нас врасплох. Он и раньше не давал неопределенных намеков на точку, к которой стремилась его философия. Например, в своем блестящем эссе о "Парагвайской Франции" мы находим, как он с явным удовлетворением и восхищением вдается в подробности тирании своего героя. В своих "Письмах и речах Оливера Кромвеля" — на полудюжине страниц дикого и почти дьявольского сарказма, направленного против растущей человечности века, "розово-розового сентиментализма" и брезгливости, которая содрогается при виде крови и причинения боли, — он подготавливает почву для оправдания резни в Дрохеде. Совсем недавно он намекнул, что истребление кельтской расы - лучший способ решения ирландского вопроса; и что порабощение и насильственная транспортировка ее бедняков на работу под началом вооруженных надсмотрщиков в колониях - единственное законное средство от политических и социальных зол Англии. В "Рассуждениях о негритянском рабстве" мы видим эту дьявольскую философию в полном расцвете. Боги, говорит он нам, на стороне сильных. Могущество имеет божественное право править, — блаженны хитрые умом и сильные руками! Слабость - преступление. "Vae victis!" — как сказал Бренн, бросая свой меч на чашу весов, - "Горе побежденным!" Негр слабее интеллектом, чем его "прирожденный господин", белый человек, и не имеет права самостоятельно выбирать свое призвание. Пусть последний сделает это за него и, если понадобится, вернется к "благотворному кнуту". "На стороне угнетателя сила"; пусть он использует ее без пощады и с неумолимой строгостью прижимает плоть и кровь к точильному камню. Человечность - это брезгливость; жалость к страдающим - просто "розово-розовый сентиментализм", сентиментальный и недостойный мужчины. Боги (несомненно, древнескандинавские боги) смеются, презирая жалобы несчастных и слабых, сострадание и "филантропию" тех, кто хотел бы помочь им. В этом суть совета Томаса Карлайла; это зрелый плод его философского земледелия — грандиозный результат, к которому он стремился всю свою жизнь, исследуя непостижимые пропасти или барахтаясь в разреженном воздухе трансцендентализма. Такова замена, которую он предлагает нам вместо Нагорной проповеди.

Он говорит нам, что чернокожие не имеют права использовать острова Вест-Индии для выращивания тыкв и садовых материалов для собственного употребления, потому что, если бы не мудрость и умение белых, на этих островах были бы только "джунгли, дикость и болотная малярия". Негр в одиночку никогда не смог бы благоустроить острова или цивилизоваться сам; и поэтому их и его "прирожденный господин", белый человек, имеет право на преимущества своего собственного улучшения земли и "двуногого скота"! "Черный Куаши" не имеет права распоряжаться собой и своим трудом, потому что он обязан своей частичной цивилизованностью другим! И скажите на милость, как обстоят дела с белой расой, для которой наш философ провозглашает божественную прерогативу порабощения? Около двадцати с лишним веков назад можно было увидеть пару полуголых дикарей, вымазанных краской, бродивших среди холмов и лесов северной части британского острова, питавшихся желудями и мясом диких животных, а иногда и копчеными окороками и маринованными пальчиками какого-нибудь несчастного незнакомца, застигнутого врасплох за Твидом. Эта интересная пара воспитала, как могла, целую семью детей, которые, в свою очередь, стали главами семейств; и некоторое время назад, примерно в начале нынешнего столетия, один из их потомков в городке Экклефехан радовался рождению ребенка мужского пола, ныне известного как "Томас Карлайл, создатель книг". Подобаает ли таковым возмущаться неспособностью вест-индских негров к самоцивилизации? Без помощи искусств, наук и утонченности римлян он мог бы в этот самый день сидеть на корточках на голых задних лапах в лесах Экклефехана, разрисовывая свою огрубевшую от непогоды кожу на солнце, как его предки-пииты. Где, на самом деле, мы можем ожидать самосовершенствования без посторонней помощи испонтанного внутреннего развития, в сколько-нибудь значительной степени, со стороны какой-либо нации или народа? От народа к народу изначальный, данный Богом импульс к цивилизации и совершенству передавался, например, из Египта в Грецию, а оттуда в римский мир.

Но чернокожие, как нам говорят, ленивы и нечувствительны к обязанности выращивать сахар, кофе и специи для белых, в основном заботясь о собственном хозяйстве и обрабатывая собственные сады для обеспечения домашнего комфорта и предметов первой необходимости. Экспорт несколько сократился. И что это доказывает? Только то, что негр теперь является потребителем продуктов, которые под властью кнута он был всего лишь производителем. Что касается лени, то при надлежащем стимулировании в виде справедливой заработной платы у нас есть основания полагать, что обвинение не выдерживает критики. Если неэкономные привычки и недостаток благоразумия со стороны владельцев поместий в сочетании с отменой британским правительством пошлин на иностранный сахар лишили их возможности выплачивать справедливую и разумную заработную плату за труд, кто может винить чернокожих, если они предпочитают возделывать свои собственные садовые участки, а не выращивать сахар и специи для своих бывших хозяев на условиях, немногим лучших, чем те, на которых они жили раньше, за исключением "благотворного кнута"? Депеши губернаторов колоний сходятся в признании того, что у чернокожих были большие основания для жалоб и недовольства из-за задержки или невыплаты им заработной платы. Сэр К. Э. Грей, пишущий с Ямайки, говорит, что "во многих случаях заработанная ими заработная плата выплачивалась либо очень нерегулярно, либо не выплачивалась вообще, вероятно, из-за неспособности работодателей". Более того, он говорит:—

"Негры кажутся мне в целом столь же свободными от бунтарских наклонностей, бурных чувств и злонамеренных мыслей, как любая раса рабочих, которую я когда-либо видел или о которой слышал. У меня действительно сложилось впечатление, что при системе абсолютно честных

отношений и реального правосудия они станут замечательными крестьянами и йомедами; здоровыми, трудолюбивыми и трудолюбиво настроенными, откровенными и доброжелательными".

Действительно, следует признать, что, судя по сокращению экспорта и растущим жалобам владельцев поместий, положение островов с финансовой точки зрения отнюдь не благоприятное. Непосредственную причину этого, однако, следует искать в неудачном Законе о сахаре 1846 года. Более отдаленная, но по большей части мощная причина нынешней депрессии кроется в порочной и неестественной системе рабства, которая постепенно, но верно готовит почву для разорения, банкротства и деморализации. Никогда еще ни обществом, ни отдельным человеком праведные законы Бога не нарушались безнаказанно. Рано или поздно наступает наказание, которое бесконечная справедливость налагает на грех. Частичные и временные бедствия и неудобства, несомненно, явились результатом освобождения рабочих; и должно пройти много лет, прежде чем отношения двух доселе антагонистических классов смогут быть полностью урегулированы и их интересы приведены к полной гармонии. Но то, что свобода не должна быть главным образом ответственна за депрессию в британских колониях, очевидно из того факта, что голландский Суринам, где старая система рабства остается в своей первоначальной строгости, находится в столь же подавленном состоянии. В "Парамарибо Ньюс в рекламе Блэд", цитируемой в Jamaica Gazette, говорится под датой 2 января 1850 года: "Вокруг нас мы не слышим ничего, кроме жалоб. Люди ищут и находят смысл во всем, чтобы представить себе участь места, в котором они живут, более горькой, чем участь любой другой страны. Из большого числа процветающих плантаций осталось лишь несколько, которые сейчас можно назвать таковыми. За последние несколько лет имущество пришло в такой упадок, что многие из этих поместий не в состоянии покрывать свои еженедельные расходы. Колония стоит на краю зияющей пропасти, в которую она неизбежно должна погрузиться, если не будет быстро принята какая-нибудь новая и лучшая система. Невозможно, чтобы наше сельское хозяйство могло дальше существовать на своей старой основе; наша рабочая сила вымирает, и общественное положение, которое они занимали, должно претерпеть революцию".

Газета, которую мы процитировали, "Официальный журнал колонии", считает, что состояние освобожденных британских колоний определенно предпочтительнее положения Суринама, где по-прежнему действует старая рабовладельческая система, и настаивает на том, что голландское правительство должно последовать примеру Великобритании. Действительное состояние британских колоний со времен эмансипации прекрасно известно в Суринаме: три из них, Эссекибо, Демерара и Бербис, являются его непосредственными соседями, и голландские рабовладельцы должны хорошо понимать, какие бы беды и неудобства ни вызвала эмансипация; и все же мы видим, что они смотрят на эмансипацию как на единственную перспективу избавления от большего зла их собственной системы.

Этот факт сам по себе является достаточным ответом на предположение Карлайла и других, что то, что они называют "разорением колоний", было вызвано актами об освобождении 1833 и 1838 годов.

Мы несколько не опасаемся воздействия этого литературного уродства, которое мы рассматривали, на британские колонии. Куаши, каким бы черным и невежественным он ни был, не позволит "снова превратить себя в раба". Миссия "благотворного кнута" там практически завершена; и теперь он, возможно, найдет свое место в музеях и витринах с жуткими

диговинками, вместе с дыбами, позорными столбами, винтами для накручивания пальцев и клеймами старых времен. Чего мы, однако, опасались, так это того, что защитники рабовладения в этой стране могли бы найти в этом дискурсе повод для поощрения и что наши антихристианские предубеждения против цветных людей могли бы укрепиться и подтвердиться из-за его злобной брани и сарказма. В этом вопросе мы разделяем дурные предчувствия красноречивого автора "Лондон Инкуайер":

"Мы не можем представить себе более смертоносного морального яда для американского народа, чем его последнее сочинение [Карлайла]. Каждая жестокая практика социальной изоляции обретет от этого новую остроту и ядовитость. Рабовладелец, конечно, будет ликовать, обнаружив, что за него не извиняются, а с энтузиазмом приветствуют, поддерживают и прославляют писателя с европейской известностью. Но не только раб почувствует руку м-ра Карлайла в истязании своей плоти, в заклепывании своих оков и в лишении света своего разума. Свободный черный тоже почувствует его по более презрительному и отвратительному взгляду своего брата человека, который легко выведет из этого неудачного эссе веру в то, что его нечеловеческие чувства вызваны божественным предопределением. Это настоящая работа дьявола, насаждение тиранических предрассудков. Повсюду в космосе и в далеком будущем разнесутся крылатые слова дурного совета. На рыночной площади, в доме, в театре и в церкви, — на суше и на море, во всех местах обитания людей, — их влияние будет ощущаться в постоянном росте ненависти и презрения, страданий и негодования. Среди страдальцев будет много таких, кому образование привило утонченную восприимчивость, которая делает презрение и отчуждение горькими. Мужчины и женщины, верные и прилежные, любящие и достойные быть любимыми, и, возможно, несущие в себе не более чем почти незаметный след африканского происхождения, будут еще дольше оставаться изгнанными из общественной трапезы белого человека и лишенными его присутствия в доме Божьем, потому что гениальный писатель вложил вес своего авторитета и своей славы, если не своей власти, в увековечение предрассудка, который подрывало христианство".

Более свежее произведение "Памфлеты последних дней", в котором способность человека к самоуправлению более чем ставится под сомнение, демократия несколько презрительно высмеивается, а сама "образцовая республика" клеймится как "нация зануд", может оказать благотворное влияние на сдерживание нашего восхищения и уменьшение нашего уважения к защитнику и восхвалителю рабства. Ошеломляющая беспристрастность, с которой в этом последнем произведении он применяет принцип нашего "особого института" к трудящемуся бедняку, независимо от цвета кожи, признавая его единственным неотъемлемым правом "право быть нанятым работать" на своих "прирожденных лордов", как мы думаем, поможет нейтрализовать пагубность его Рассуждений о негритянском рабстве. Печально обнаруживать, что такая большая интеллектуальная сила, какой на самом деле обладает Карлейль, так мало находится под контролем моральных чувств. В некоторых из его ранних работ — как, например, в его прекрасной дани уважения рифмоплету Corn Law — нам показалось, что мы увидели свидетельство теплого и щедрого сочувствия к бедным и обиженным, желания облегчить человеческие страдания, что сделало бы честь "филантропии Эксетер-Холла" и "Обществу отмены боли". Однако в последнее время, подобно шарлатану Мольера, он "все это изменил"; его сердце встало не на ту сторону; или, скорее, он кажется нам очень похожим на угольщика из немецкой сказки, который променял свое плотское сердце на булыжник.

ФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА БОРЬБЫ С РАБСТВОМ.

Письмо Уильяму Ллойд Гаррисону, президенту Общества.

ЭЙМСБЕРИ, 24-11 ноября 1863 года.

МОЙ ДОРОГОЙ ДРУГ, я получил твое любезное письмо с прилагаемым циркуляром, приглашающим меня посетить празднование тридцатой годовщины образования Американского общества борьбы с рабством в Филадельфии. С глубочайшим сожалением я вынужден из-за слабого состояния моего здоровья отказаться от всякой надежды встретиться с тобой и другими моими старыми и дорогими друзьями по столь интересному случаю. Чего мне стоит смириться с суровой необходимостью, твои собственные чувства скажут тебе лучше, чем любые мои слова.

Я оглядываюсь на тридцать лет назад и вспоминаю все обстоятельства моего путешествия в Филадельфию в компании тебя и превосходного доктора Терстона из Мэна, уже тогда, как мы думали, пожилого человека, но все еще живого и, как всегда, верного правому делу. Я вспоминаю то раннее серое утро, когда вместе с Сэмюэлем Дж. Мэем, нашим коллегой по комитету по подготовке Декларации чувств для съезда, я поднялся в маленькую "верхнюю комнату" моего темнокожего друга, чтобы послушать, как ты читаешь первый вариант документа, который будет жить так же долго, как наша национальная история. Я вижу, как члены конвента, окрыленные ответственностью, встают один за другим и торжественно присоединяют свои имена к этой суровой клятве верности свободе. Многие из подписавших ушли с земли, некоторые дрогнули и повернули назад, но я верю, что большинство все еще живо, чтобы радоваться великому торжеству истины и справедливости и посвятить то, что осталось от времени и сил, делу, которому они посвятили свою молодость и возмужалость тридцать лет назад.

Ибо, хотя мы вполне можем благодарить Бога и поздравлять друг друга с перспективой скорейшего освобождения рабов Соединенных Штатов, мы ни на минуту не должны забывать, что сэтого часа на нас ложатся новые и могущественные обязанности по оказанию помощи, руководству и образованию этим миллионам, оставшимся действительно свободными, но сбитыми с толку, невежественными, голыми и без пищи в диком хаосе гражданской войны. Мы должны исправить накопленные за два столетия ошибки; восстановить мужественность, которую рабство почти уничтожило; позаботиться о том, чтобы у долго угнетаемого цветного человека было прекрасное поле для развития и совершенствования; и растоптать нашими ногами последние остатки того ненавистного предрассудка, который был сильнейшей внешней поддержкой рабства на Юге. Мы должны немедленно подняться на истинно христианскую высоту, где все различия черного и белого игнорируются в искреннем признании братства людей.

Я не должен заканчивать это письмо, не признавшись, что не могу быть в достаточной степени благодарен Божественному Провидению, которое в значительной степени с твоей помощью так рано отвратило меня от того, что Роджер Уильямс называет "великой мировой троицей - удовольствием, выгодой и честью", - и я встал на сторону бедных и угнетенных. Я не безразличен к литературной репутации. Я люблю, возможно, даже слишком сильно, похвалу и

доброжелательность моих собратьев; но я придаю большее значение своему имени, добавленному к Антирабовладельческой декларации 1833 года, чем титульному листу любой книги. Оглядываясь на свою жизнь, отмеченную множеством ошибок и недостатков, я радуюсь, что смог сохранить обещание, данное этой подписью, и что за долгие прошедшие годы

"Мой голос, хотя и не самый громкий, был услышан везде, где Свобода издавала свой крик боли".

Позволь мне через тебя тепло поприветствовать друзей, будь то из нашего собственного или нового поколения, которые могут собраться по случаю празднования. Нам всем еще предстоит проделать работу, которая потребует всех наших усилий. Что касается тебя, то мне нет нужды говорить, что любовь и уважение раннего детства нисколько не пострадали от испытания временем; и

Я от всего сердца твой друг,

ДЖОН Г. УИТТИЕР

УРОК И НАШ ДОЛГ.

От жителя деревни Эймсбери.

[1865.]

В убийстве Авраама Линкольна и неопишимо жестоком нападении на госсекретаря Сьюарда рабство дало о себе знать еще одним откровением. Возможно, это было необходимо. В великодушии гарантированной победы мы, возможно, были склонны не обращать внимания не столько на виновных лидеров и сбитые с толку массы великого восстания, сколько на невыразимый ужас и грех рабства, которые его вызвали.

Как медленно мы, жители Севера, осознали истинный характер этого могущественного зла! Как наши политики согнули свои сильные плечи под его бременем! Как наши церкви почитали это! Как наше духовенство противопоставляло Север, терпимый к ереси, чисто ортодоксальному и основанному на Писании типу рабовладельческого христианства! Как все классы охотились, не только за беглым рабом, но и за теми немногими, кто осмеливался дать ему пищу и кров и пожелать Удачи в его побеге из рабства! Как совершенно игнорировались притязания негра на общечеловеческие ценности! С какой готовностью было принято решение верховного судьи рабовладельческого государства о том, что "у черного человека нет прав, которые белый человек обязан уважать"!

Мы видели, как сенатор Соединенных Штатов, всемирно известный и почитаемый за свою ученость, таланты и безупречную честность, был избит и чуть не убит за своим служебным столом рабовладельцем из Южной Каролины за преступные выступления против распространения рабства; и мы слышали, как подлому поступку аплодировали по всему Югу, в то время как его жестокий исполнитель был вознагражден речами, подарками и прекрасными улыбками рыцарского джентльмена. Мы видели, как рабство вошло в Канзас с охотничьим ножом в руке и проклятиями на устах; мы видели, как жизнь Союза пострадала от раскола и восстания; мы слышали о костях сыновей и братьев, павших при защите свободы и закона,

выкопанных и превращенных в украшения для запястий и груди рабовладельческих женщин; мы смотрели в открытый ад Андерсонвилля, на преднамеренное, систематическое голодание беспомощных заключенных; мы слышали о тюрьме Либби, заложенной порохом с целью уничтожения тысяч заключенных Союза в случае оккупации Ричмонда повстанцами. наша армия; мы видели сотни пленных, хладнокровно убитых в форте Пиллоу, и полуночное разграбление Лоуренса, и убийство его главных граждан. Пламя наших торговых судов, захваченных пиратами, освещало все моря; мы слышали о том, как офицеры повстанческой армии и военно-морского флота пробирались в наши города, поджигали отели, заполненные спящими пассажирами, и устраивали заграждения на путях железнодорожных вагонов с целью убийства и нанесения увечий их пассажирам. И все же, несмотря на эти разоблачения совершенно варварского характера рабства и его ужасающего воздействия на всех, кто с ним связан, мы были на грани того, чтобы доверить его самым преступным защитникам задачу восстановления правительств штатов Юга, оставив настоящих членов Союза, как белых, так и черных, на милость тех, кто превратил ненависть в религию, а убийство - в таинство. Нация нуждалась в еще одном ужасном уроке. Она нашла это в убийстве своего любимого главного судьи и попытке покушения на своего уважаемого премьер-министра - двух людях, готовых пойти дальше всех, чтобы расчистить путь побежденному восстанию к верности.

Даже сейчас урок этих ужасных событий кажется усвоенным лишь наполовину. В публичных выступлениях я часто слышу о наказании и повешении ведущих предателей, яростных требованиях мести и угрозах немедленного наказания сочувствующих внутри страны за измену, но сравнительно мало говорится о проклятом деле, плодотворной матери мерзостей - рабстве. Правительство призывают помнить, что оно не носит меч напрасно, Ветхий Завет перерыт в поисках текстов восточной ненависти и примеров мести полуварварской нации; но что касается четырех миллионов безошибочно лояльных людей Юга, терпеливых, многострадальных, добросердечных жертв угнетения, то лишь кое-где раздается голос за предоставление им тех же прав гражданства, которые должны быть предоставлены рядовым участникам распущенных мятежников. Золотое правило Нагорной проповеди к ним неприменимо. Много говорится о правосудии над мятежниками; мало о правосудии по отношению к лояльным чернокожим мужчинам. По-видимому, предполагается, что повешение нескольких главарей государственной измены - это все, что необходимо для восстановления восставших государств. Негр должен быть оставлен бессильным в руках "белой швали", которая ненавидит его лютой ненавистью, превышающей ненависть крупных рабовладельцев. Короче говоря, четыре года ужасных наказаний, безошибочных Божьих судов не преподали нам, как народу, их урок, который едва ли мог бы быть более ясным, если бы он был написан огненными буквами на небе. Почему мы так медленно учимся, так не желаем признать, что рабство - это проклятая вещь, которая точит нож убийства и превращает людей, внешне похожих на джентльменов и христиан, в дьяволов? Как прискорбно наше ликование по поводу поимки несчастного Бута и его сообщников! Великий преступник, для которого он и все остальные были всего лишь жалкими орудиями, все еще бродит по сосновым лесам Джерси, где штат предоставил ему свою законодательную санкцию и защиту. Он в Пенсильвании, выталкивает чернокожего из общественного транспорта. Везде, где детей Божьих презирают, оскорбляют и над ними издеваются из-за их цвета кожи, настоящий убийца президента все еще на свободе. Я не удивляюсь негодованию, вызванному недавним возмущением, поскольку я с болью разделял его. Но давайте проследим, чтобы оно было направлено правильно. Повешение десятков предателей-южан не восстановит Авраама Линкольна и не искупит огромной потери. Совершая

мечь этим несчастным людям, мы должны позаботиться о том, чтобы не унижить себя и не опозорить священную память погибших. Нам хорошо гневаться; и, если понадобится, пусть наш гнев станет в семь раз горячее, пока то, что "было убийцей с самого начала", не исчезнет с лица земли. Когда люди будут стоять у могилы Линкольна, пусть они поднимут свои правые руки к небу и дадут торжественную клятву своим душам не давать сна своим глазам и сомкнуть веки до тех пор, пока рабство не будет изгнано из его последнего убежища и каждый человек, черный и белый, не станет равным перед законом.

Имея дело с виновными лидерами и подстрекателями восстания, мы должны остерегаться того, как мы прислушиваемся к советам страсти. Ненависти нет места рядом со спокойным и ужасным достоинством правосудия. Человеческая жизнь по-прежнему очень священна; христианская снисходительность и терпение по-прежнему являются добродетелями. Что касается меня, я был бы удовлетворен, увидев, как вожди великой измены уходят из нашей среды бездомными, изгнанными, с клеймом Каина на лбу, неся с собой, куда бы они ни пошли, мстящего Врага совести. Мы не можем сейчас брать уроки в их школе варварства; мы не можем морить их голодом и пытаться, как они морили голодом и пытали наших солдат. Пусть живут. Возможно, это, в конце концов, самое страшное наказание. Ибо, где бы они ни скрывались, история их деяний будет преследовать их; они не могут обрести ни покоя, ни умиротворения, кроме как в том глубоком раскаянии, которое по милости Божьей возможно для всех.

У меня нет желания становиться между этими людьми и правосудием. В случае ареста они не могут претендовать на освобождение от уголовной ответственности. Но следует учитывать не только вопрос о заслугах; мы должны принимать во внимание нашу собственную репутацию христианского народа, пожелания наших лучших друзей за границей и гуманные инстинкты эпохи, которые запрещают всякую ненужную строгость. К счастью, мы не призваны советовать со своими страхами. Раввинские писатели говорят нам, что злые духи, которые однажды потерпели поражение в состязании с людьми, отныне теряют всякую способность причинять дальнейшее зло. Побежденные повстанцы находятся в точном положении этих еврейских демонов. Лишенные рабства, они подобны осам, потерявшим свои жала.

Что касается введенных в заблуждение масс Юга, разбитых и искалеченных остатков армий измены, безутешных жен, матерей и детей, оплакивающих дорогих людей, павших в тщетной и безнадежной борьбе, то мне кажется, что наш долг очень прост. Мы должны простить их прошлую измену, приветствовать и поощрять их возвращение к верности. Только трусы будут оскорблять и насмехаться над побежденными и беззащитными. Мы должны кормить и одевать обездоленных, наставлять невежественных и, терпеливо перенося горечь и предрассудки, которые, несомненно, на какое-то время сведут на нет наши усилия и превратно истолкуют наши мотивы, помогать им восстанавливать свои государства на фундаменте свободы. Нашим единственным врагом было рабство, а рабство умерло. Теперь у нас нет никаких разногласий с жителями Юга, у которых на самом деле больше причин, чем у нас, радоваться падению системы, которая препятствовала их материальному прогрессу, извратила их религию, отгородила их от симпатий мира и усеяла их землю могилами своих жертв.

Мы победители, причина всего этого зла и страданий устранена навсегда, и мы вполне можем позволить себе быть великодушными. Как лучше мы можем выразить нашу благодарность Богу за Его великую милость, чем делая добро тем, кто ненавидел нас, и проявляя сострадание к тем, кто жестоко использовал нас? Для всех нас приближается час, когда нашей единственной

опорой будет милость и прощение Бога. Давайте постараемся так чувствовать и действовать в наших отношениях с народом Юга, чтобы мы могли искренне повторять молитву нашего Господа: "Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим", благоговейно признавая, что Он действительно "уводил пленных в плен и принимал дары для людей; да, и для непокорных, чтобы Господь Бог обитал среди них".

ЧАРЛЬЗ САМНЕР И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ.

[1868.]

Мудрая сдержанность избранного президента в вопросе о его кабинете оставила свободу для спекуляций и предположений относительно его состава. В том, что он полностью осознает важность предмета и что он тщательно взвесит требования возможных кандидатов на предмет патриотических заслуг, способностей и пригодности для выполнения конкретных обязанностей, не может разумно сомневаться никто, кто изучил его характер и был свидетелем его осмотрительности, ясного понимания и мудрого применения средств для достижения цели в условиях огромной ответственности, возложенной на него в прошлой карьере.

Маловероятно, что выдающийся государственный деятель, возглавляющий сейчас Госдепартамент, при сложившихся обстоятельствах будет добиваться продолжения пребывания на своем посту. История воздаст должное его выдающимся заслугам в Сенате и кабинете министров в первые годы восстания, но тот факт, что он в какой-то степени разделял непопулярность нынешнего главного судьи, похоже, исключает возможность его сохранения в новом кабинете. Просматривая список наших общественных деятелей в поисках преемника, генерал Грант, вероятно, не будет смущен количеством людей, подходящих по характеру, культуре и опыту для такого важного поста. Газетная пресса, широко распространяющая догадки и предположения, насколько я видел, упомянула в этой связи всего три или четыре имени. Упоминались сенатор Фессенден от штата Мэн, экс-министр Мотли, генерал Дикс, экс-госсекретарь Стэнтон и Чарльз Самнер от Массачусетса.

Ни в коей мере не принижая своих предполагаемых конкурентов, названный джентльмен, несомненно, превосходно подходит для этого места. Он получил образование на протяжении всей жизни. Весь склад его ума, направление его учебы, привычки и опыт его общественной жизни, его глубокое знание международного права и дипломатической истории его собственной и других стран, его заслуженная репутация государственного деятеля и юриста по конституционным вопросам не только дома, но и везде, где в нашей стране сложились дружеские и коммерческие отношения, почетное отличие, которым он пользуется, поскольку занял ведущее место в великом конфликте между свободой и рабством, союзом и восстанием, - все это говорит о том, что он подходит для этого случая. Действительно, кажется, есть определенная логика в том, чтобы присвоить человеку, нанесшему самые тяжелые удары по расколу и рабству в национальном сенате, первое место под началом того, кто на местах сделал их отныне невозможными. Великий полководец и великий сенатор, объединившиеся в войне, не должны быть разлучены в мирное время.

Я знаю, что некоторые, даже в Республиканской партии, не смогли распознать в сенаторе Самнере действительно мудрую и практичную государственную мудрость, которую не может не проявить тщательный анализ его общественной деятельности. Необходимо лишь указать на это в открытых источниках о его сенаторской карьере. Мало кому выпадала честь представлять и отстаивать с исчерпывающим умением и скрупулезностью столько мер, имеющих признанную практическую важность для своих имранедиктинских избирателей, страны в целом и более широких интересов человечества и цивилизации. В каких неотложных делах он был уличен в недостатке? Какому законодательному акту общественного назначения за последние восемнадцать лет не хватало его поддержки? Все стороны должны признать, что он возглавляет Комитет по иностранным делам с ясностью видения, твердостью, умеренностью и готовым пониманием обязанностей своего времени и места. Берк пронизательно сказал, что "люди мудры, когда мало размышляют, и хороши, когда мало самоотречаются, в бизнесе любого времени, кроме своего собственного". Но Чарльз Самнер, ученый, любящий "спокойную атмосферу восхитительных занятий", показал себя настолько способным к тщательному пониманию и перевариванию событий, происходящих на его глазах, насколько способен выносить суждения о тех, что зафиксированы в истории. Намного опередив большинство своих современников, он увидел и провозгласил истинную доктрину реконструкции, скорейшее принятие которой оказало бы стране неоценимую услугу. Один из самых способных государственных деятелей и юристов Демократической партии проявил редкое великодушие, признав, что в этом вопросе сенатор-республиканец был прав, а он сам и его партия ошибались.

Республиканцы Массачусетса не будут предъявлять никаких капризных или назойливых требований к новому президенту. Они довольствуются тем, что оставляют выбор кабинета на его беспристрастное суждение. Но если, руководствуясь наилучшими интересами страны, он сочтет нужным уделить их выдающемуся согражданину первое место в ней, они не будут беспокоиться о том, каким образом будут выполняться служебные обязанности. Они будут чувствовать, что "инструменты находятся у того, кто может ими воспользоваться". Ничто так непосредственно не влияет на репутацию страны, как характер ее дипломатической переписки и ее иностранных представителей. В прошлом мы страдали от вопиющей бесхозяйственности за границей, и интеллигентные американцы слишком часто были вынуждены опускать головы от стыда, видя, как флаг их страны развевается над консульскими учреждениями никчемных, некомпетентных агентов. Не может быть никаких сомнений в том, что до тех пор, пока они будут вверены в руки сенатора Самнера, интересы, честь и достоинство нации будут в безопасности.

Через несколько недель Чарльз Саммер будет возвращен на свой четвертый срок в Сенат Соединенных Штатов почти единогласным голосованием обеих ветвей законодательного собрания Массачусетса. Ни с одной стороны не слышно возражений против его переизбрания. В законодательном органе нет республиканца, который мог бы быть избран, если бы ему фактически не пообещали поддержку. Более веского доказательства общепринятой оценки его способностей и честности, чем это, привести было невозможно. Разумеется, ярко выраженная индивидуальность его глубоких убеждений, серьезность, настойчивость и уверенность в справедливости своих выводов, естественно вытекающие из сознания того, что он привнес в свой честный поиск истины весь свет своих знаний и опыта, могли иногда приводить его к неприятным отношениям с некоторыми из его коллег; но никто, ни друг, ни враг, не ставил под сомнение его способности и патриотизм, или сомневался в его принципиальности. Он не поддавался никаким корыстным замыслам. В то время как многие другие воспользовались

возможностями своего официального положения, чтобы прямо или косвенно набить свои карманы или карманы своих родственников и слуг, к чести Массачусетса то, что ее представители в Сенате не только "избавились от взяток", но и вели себя так, что на них никогда не падало ни тени подозрения.

В этой связи, возможно, будет уместно заявить, что в случае смены Военного министерства могут быть рассмотрены претензии генерала Вильсона, чьим заслугам в комитете по военным вопросам страна глубоко обязана. В таком случае Массачусетс, если бы это было в его власти, не проводил бы дискриминации между своими сенаторами. Оба заслужили хорошее отношение к ней и к стране. Выражая таким образом вкратце свое мнение, я не забываю, что, в конце концов, выбор и ответственность лежат только на генерале Гранте. На этом я довольствуюсь тем, что оставляю их. Я очень далек от того, чтобы выдвигать какие-либо секторальные претензии. Пусть в стране установится мир после долгих раздоров, пусть ее добросовестность и финансовый кредит будут поддержаны, а все классы ее граждан повсюду будут защищены лично и имущественно, и для меня очень мало имеет значения, будет ли Массачусетс представлен в правлении Исполнительного совета или нет. Лично Чарльз Самнер ничего не выиграет, перейдя из Палаты представителей Сената в Государственный департамент. Место в американском кабинете ему нужно не больше, чем Джону Брайту в британском. Самые высокие амбиции вполне могли бы быть удовлетворены его нынешним положением, с которого, оглядываясь на почетный послужной список, он мог бы иметь право использовать язык высокой уверенности Мильтона в ответе Салмасию: "Я не из тех, кто опозорил красоту чувств уродством поведения или принципы свободного человека поступками раба, но, по милости Божьей, я сохранил свою жизнь незапятнанной".

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1872 ГОДА.

Следующее письмо было написано после получения запроса от комитета цветных избирателей о совете относительно их действий на президентских выборах 1872 года.

ЭЙМСБЕРИ, 9 и 3 месяца 1872 года.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, я только что получил ваше письмо от 29—го числа. спрашиваете моего мнения о вашем нынешнем долге как цветных избирателей при выборе между генералом Грантом и Горацием Грили на пост президента. Вы заявляете, что были сбиты с толку противоречивыми советами, данными вам такими друзьями вашего народа, как Чарльз Самнер, с одной стороны, и Уильям Л. Гаррисон и Уэнделл Филлипс, с другой; и вы просите меня, как человека, которого вам приятно считать "свободным от всяких предубеждений", добавить мой совет к их.

Я благодарю вас за очень любезное выражение вашего доверия и за то, что вы великодушно упомянули о моих усилиях служить делу свободы; но я должен признать, что был бы рад, если бы меня избавили от необходимости дополнять и без того слишком длинный список политических посланий. В прошлом я считал своим долгом принимать активное участие — часто очень неприятное для меня — в политических вопросах, имея своей первой целью избавление моей страны от преступления и проклятия рабства. Поскольку этот великий вопрос теперь решен навсегда, я был более чем готов передать в более молодые и сильные руки труды и почести партизанской службы. Огорченный и опечаленный горькими нехристианскими личностями

проводимой в настоящее время агитации, я до сих пор держался от нее в стороне, насколько это было возможно, не желая ни в малейшей степени санкционировать преступления и взаимные обвинения личных друзей, которых у меня есть все основания любить и уважать и в чьей честности я непоколебимо уверен. При нынешнем положении дел я не мог видеть, чтобы от меня как от аболициониста требовались какие-либо особые действия. Обе великие партии, до сих пор широко разделенные, поставили себя по существу на одну и ту же платформу. Республиканская партия, первоначально выступавшая только за недопущение распространения рабства, и чей самый выдающийся представитель, президент Линкольн, заявил о своей готовности спасти Союз без отмены рабства, по воле Провидения сыграла главную роль в полном свержении отвратительной системы; в то время как Демократическая партия, состоящая в основном из рабовладельцев и, даже на Севере, едва ли желающая спасти Союз за счет интересов рабов, от которых зависел ее успех, разбитая и искалеченная гражданской войной и ее результатами, в конце концов уступила неумолимой логике событий, которая привела к тому, что рабовладельцы отказались от рабства. отказался от позиции, которая больше не выдерживала критики, и предпринял "новый уход" с аболиционистом в качестве кандидата. Как друг долго угнетаемого цветного человека и ради мира и процветания страны, я радуюсь этому действию Демократической партии. Подспудные мотивы этого радикального изменения, несомненно, несколько смешаны и противоречивы: искренняя убежденность со стороны одних и партийная целесообразность и желание занять должность со стороны других; но само изменение реально и бесповоротно; наказанием за отступление было бы быстрое и безвозвратное крушение. С любой точки зрения новый порядок вещей желателен; и ничто так полно не иллюстрирует "темные пути и тщетные уловки" партийной политики, как попытка мнимых друзей Союза и равных прав для всех противодействовать этому, оказывая помощь и утешение возрождению худших черт старой партии в форме прямого демократического съезда.

Что касается представленных нам кандидатов, я не вижу веских причин, по которым цветные избиратели как таковые должны выступать против генерала Гранта, который, хотя и не был аболиционистом и даже не был членом Республиканской партии до своего выдвижения, добросовестно выполнял законы Конгресса от их имени. С другой стороны, я также не вижу никаких справедливых оснований для недоверия к такому человеку, как Горацій Грили, который так благородно проявил себя как защитник прав человека, независимо от расы или цвета кожи, и который с помощью своей прессы в течение тридцати лет воспитывал людей в принципах справедливости, умеренности и свободы. Оба этих человека по-разному заслужили слишком много от страны, чтобы без необходимости подвергаться жестокостям президентских выборов; и, что касается их личных интересов, несомненно, было бы лучше, если бы один отказался от второго срока несвойственных ему обязанностей, а другой продолжал изрекать мудрые слова в тени Чаппакуа. Но они выбрали иное; и я, со своей стороны, готов предоставить моим цветным согражданам непредвзято руководствоваться своим собственным суждением и инстинктами при выборе между ними. Демократическая партия работает в невыгодных условиях из-за прошлого, не рассчитанного на быстрый рост доверия; и неудивительно, что голоса эмансипированного класса, вероятно, будут в основном против нее. Но если, что, несомненно, произойдет, голоса будут в какой-то степени разделены между двумя кандидатами, это побудит политиков соперничающих партий относиться с уважением к этому новому элементу политической власти, исходя из личных интересов, если не из более высоких побуждений. Тот факт, что в это время обе партии приглашают цветных ораторов на свои платформы, и что на

Юге старые рабовладельцы и их бывшие рабы братаются на кокусах и барбекю и голосуют друг за друга на избирательных участках, полон значения. Если в Новой Англии те самые люди, которые вышвырнули Фредерика Дугласа из автомобилей и дилижансов, окружили его толпой и охотились на него, как на дикого зверя, теперь толпятся, чтобы пожать ему руку и подбодрить его, давайте не отчаиваться, увидев, что даже ку-клукс-кланы соблюдают приличия и сидят "в здравом уме", слушая своих бывших жертв. Цветной человек сегодня является хозяином своей судьбы. Никакая сила на земле не может лишить его прав американского гражданина. И именно в свете американского гражданства я решаю рассматривать своих цветных друзей как людей, имеющих общую заинтересованность в благосостоянии страны; смешанных со своими белыми согражданами, а не отделенных от них; не собранных вместе как отдельный класс, которым будут управлять другие, не зависящих от себя и неспособных к самоопределению. Благодаря таким людям, как Самнер и Уилсон, и их коллегам, почти все, что законодательство могло для них сделать, уже сделано. Теперь мы можем только помочь им помочь самим себе. Трудолюбие, экономия, воздержанность, самосовершенствование, образование для своих детей - все это, необходимое для их возвышения и прогресса, в значительной степени находится в их собственных руках.

Поэтому вы, мои друзья и сограждане, простите меня, если я откажусь взять на себя решение за вас вопроса о вашем политическом долге по отношению к кандидатам в президенты, — вопроса, который вы, вероятно, уже решили в своих умах. Если бы мне было очевидно, что ваши права и свободы действительно находятся под угрозой из-за успеха любого из кандидатов, ваше письмо не понадобилось бы для выражения моего мнения. За долгую борьбу, длившуюся почти сорок лет, я могу честно сказать, что ни соображения личных интересов, ни моя естественная любовь к миру и уединению, ни добрая воля других не заставили меня молчать, когда уместно было бы сказать слово в защиту прав человека. Я не так давно сотрудничал с классом, к которому вы принадлежите, без того, чтобы не проникнуться уважением к вашему уму и способности мудро судить о себе. Я с доверием приму ваше решение и с радостью соглашусь с ним.

Если в целом вы предпочитаете голосовать за переизбрание генерала Гранта, позвольте мне надеяться, что вы сделаете это, не присоединяясь к сторонникам в одиннадцатый час в осуждении и поношении такого старого и испытанного друга, как Чарльз Самнер, который так много сделал и пострадал ради вас. С другой стороны, если кто-то из вас решит проголосовать за Горация Грили, вам не нужно при этом забывать о своих великих обязательствах перед такими друзьями, как Уильям Ллойд Гаррисон, Уэнделл Филлипс и Лидия Мария Чайлд. Соглашайтесь или не соглашайтесь с ними, принимайте их советы или отвергайте их, но по-прежнему поддерживайте их и учите стороны, с которыми вы связаны, уважать ваши чувства к вашим благодетелям.

ПОРИЦАНИЕ САМНЕРА.

Письмо в Boston Daily Advertiser в связи с петицией об отмене резолюций, осуждающих сенатора Самнера за его предложение стереть с флагов Соединенных Штатов записи сражений гражданской войны.

Я прошу разрешения занять небольшое место в колонках "Рекламодателя", чтобы обратить внимание на обвинение, выдвинутое против заявителей за отмену решений последнего

дополнительного заседания , фактически осуждающих достопочтенного . Чарльз Самнер. Подразумевается, что действия этих петиционеров свидетельствуют о недостаточной оценке услуг солдат Союза, и что не осуждать Чарльза Самнера - значит осуждать добровольцев Массачусетса.

На самом деле, заявители не выражают никакого мнения относительно политики или целесообразности предложения сенатора. Одни могут считать это не только правильным само по себе, но и целесообразным и своевременным; другие - что это было нецелесообразно или преждевременно. Никто не сомневается, что рано или поздно то, что он предусматривает, должно быть сделано, если мы хотим сохранить единство народа. Что они чувствуют и на чем настаивают, так это то, что это предложение не подразумевает принижения достоинства солдат Массачусетса и Союза; что оно не вызывает и не заслуживает "безоговорочного осуждения народа" штата; и что оно не дает никаких оснований для законодательного вмешательства или порицания. Одного взгляда на имена петиционеров достаточно, чтобы опровергнуть намек на то, что они не обращают внимания на то самопожертвование и преданность, мраморные и гранитные памятники которым, усеивающие штат от Мерримака до Коннектикута, свидетельствуют о благодарности верного сердца Массачусетса.

Я еще не видел ни одного солдата, который считал бы себя обиженным или "оскорбленным" этим предложением. На самом деле солдаты никогда не просили такого порицания храброго и верного государственного деятеля, который был закадычным другом и доверенным лицом госсекретаря Стэнтона (великого военного министра, второго, если вообще был, после Карно) и Джона А. Эндрю, дорогого сердцу каждого солдата Массачусетса, и чья нежная забота и сочувствие достигали их везде, где они боролись или умирали за страну и свободу. Предложение сенатора Самнера, вместо того чтобы быть "оскорблением", было, по сути, высшим комплиментом, который можно было сделать храбрым людям; ибо оно подразумевало, что они не питали мстительной ненависти к поверженным врагам; что они были слишком горды любовью и благодарностью своих соотечественников, чтобы нуждаться в том, чтобы над их головами красовался герб их достижений; что они были столь же великодушны в мире и победах, сколь героичны и терпеливы в темных и сомнительных условиях войны. Как таковые они это понимают. Мне было бы жаль думать, что существовал хоть один сын Массачусетса, достаточно слабый, чтобы поверить, что его репутация и честь солдата нуждаются в подобном порицании Чарльза Самнера. Передо мной письма от людей в звании от младшего сержанта до генерала, которые смотрели смерти в лицо на каждом поле боя, где развевался флаг Массачусетса, и все они благодарят меня за мои усилия отменить это неуместное порицание и обещают мне свою сердечную поддержку. Они сердечно одобряют благородное письмо вице-президента Вильсона, в котором он предлагает свою подпись под петицией об отмене отвратительных резолюций; и если эти резолюции не будут отменены, это будет не вина массачусетских добровольцев, а скорее ошибочное рвение людей, более знакомых с порядком на собрании, чем с порядком в лагере.

Я не являюсь слепым сторонником Чарльза Самнера. Я часто расходился с ним во мнениях. Я глубоко сожалею о позиции, которую он считал своим долгом занять во время последней президентской кампании. Он чувствовал, что атмосфера вокруг него густая и зловонная от коррупции, взяточничества и жадности; он видел, что казначейство, подобно Сатурну, окружено беспринципными комбинациями и корпорациями; и следует скорее сожалеть, чем удивляться, если в своем негодовании он неистовствовал и что его удары иногда приходились

не по тому объекту. Но я не собирался выступать в роли его апологета. Двадцать лет его сенаторской жизни изобилуют памятниками о его верности истине, свободе и человечности, которые будут вечны, как наша история. Он не является участником этого движения, в котором мое имя было более заметным, чем я мог бы пожелать, и ни одно его слово не побудило меня к этому. С момента его создания и до настоящего времени он хранил молчание в своей комнате боли, ожидая, чтобы завещать, подобно завещателю драматурга,

"Скандалная слава, не тронутая"

За старую дочернюю истину Memory и Time".

Он вполне может позволить себе подождать, и нынешний вопрос, стоящий перед нашим законодательным собранием, имеет для него гораздо меньшее значение, чем для нас. Используя слова того, кто был рядом с ним в мрачные дни Закона о беглых рабах, Верховного судьи Соединенных Штатов, - "Время и более мудрая мысль оправдают выдающегося государственного деятеля, которому Массачусетс, страна и человечество столь многим обязаны, но штат вряд ли может позволить нанести ущерб своей собственной репутации, который нанесет такое осуждение такого человека".

ЭЙМСБЕРИ, 3-е число 8-го месяца 1873 года.

КОНВЕНЦИЯ О БОРЬБЕ С РАБСТВОМ 1833 ГОДА.

[1874.]

В серых сумерках холодного дня конца ноября сорок лет назад мой дорогой друг, проживавший в Бостоне, появился на старой ферме в Ист-Хаверхилле. Аболиционисты города Уильям Л. Гаррисон, Сэмюэл Э. Сьюэлл и другие поручили ему проинформировать меня о моем назначении делегатом на Съезд, который должен был состояться в Филадельфии для создания Американского общества борьбы с рабством, и настоятельно призвать меня к необходимости моего присутствия.

Однако потребовалось несколько слов убеждения. Я не привык путешествовать; моя жизнь прошла на уединенной ферме; и путешествие, в основном в почтовой карете, в то время было действительно трудным. Более того, против немногочисленных аболиционистов повсюду выступали, их личностям угрожали, а в некоторых случаях законодатели Юга назначали награду за их головы. Пенсильвания находилась на грани рабства, и требовалось небольшое усилие воображения, чтобы представить себе распад Конвента и жестокое обращение с его членами. Это последнее соображение, я не думаю, что имело для меня большое значение, хотя я был лучше подготовлен к серьезной опасности, чем к чему-либо вроде личного унижения. Я читал описание губернатора Трамбалла о том, как его героя Макфингала обмазывали дегтем и перьями, когда после нанесения расплавленной смолы на него вспарывали перину и трясли над ним, пока

- Не сын Майи с крыльями вместо ушей,
Такие перья украшают его лицо,
И шестикрылый ангел Мильтона не собирает

Такого избытка перьев",

и, признаюсь, я совершенно не желал подвергаться мученичеству, над которым мои лучшие друзья едва могли удержаться от смеха. Но призыв, подобный звуку горна Гаррисона, вряд ли мог остаться незамеченным тем, кто с рождения и воспитания твердо придерживался традиций того раннего аболиционизма, который под руководством Бенезета и Вулмана стер из Общества друзей все следы рабовладения. С пылким энтузиазмом молодого человека я посвятил себя движению, которое соответствовало моему разуму и совести, моей любви к родине и моему чувству долга перед Богом и моими ближними. Моим первым предприятием в качестве автора была публикация за мой собственный счет весной 1833 года брошюры под названием "Справедливость и целесообразность" о моральном и политическом зле рабства и долге эмансипации. При таких обстоятельствах я не мог колебаться и сразу же приготовился к своему путешествию. Было необходимо, чтобы я отправился в путь завтра, и все оставшееся время, с небольшим перерывом на сон, было потрачено на то, чтобы позаботиться о ферме и приусадебном участке во время моего отсутствия.

Итак, на следующее утро я сел в дилижанс до Бостона, остановившись в старинной гостинице, известной как таверна Восточной сцены; а на следующий день в компании Уильяма Ллойда Гаррисона я отправился в Нью-Йорк. В этом городе к нам присоединились другие делегаты, среди них Дэвид Терстон, конгрегационалистский священник из штата Мэн. По пути в Филадельфию мы воспользовались, в целях необходимой экономии, плацкартным транспортом и, как следствие, оказались среди грубых и веселых товарищей, язык которых отличался скорее силой, чем изысканностью. Наш достойный друг священник некоторое время терпел это в тягостном молчании, но наконец счел своим долгом произнести слова упрека и увещевания. Предводитель молодых гуляк выслушал его с нелепой наигранной серьезностью, поблагодарил за наставление и, выразив опасения, что экстраординарное усилие истощило его силы, пригласил выпить с ним. Отец Терстон спрятал опечаленное лицо в воротник плаща и благоразумно предоставил юных негодяев самим себе.

Добравшись до Филадельфии, мы сразу же направились в скромное жилище на Пятой улице, которое занимал Эван Льюис, простой, серьезный человек и пожизненный аболиционист, который был в значительной степени заинтересован в подготовке к Съезду. В одном отношении время нашего сбора казалось неблагоприятным. Общество друзей, на сотрудничество которого мы рассчитывали, совсем недавно было расколото одним из тех прискорбных разногласий, которые так часто знаменуют упадок практической праведности. Эпоха мученичества общества миновала, богатство и роскошь заняли место прежней простоты, в торговле и моде росло соответствие мировым принципам, а вместе с этим и соответствующее нежелание рисковать репутацией, пропагандируя непопулярные реформы. Бесплодные спекуляции и споры, с одной стороны, и тщетные попытки добиться единообразия мнений - с другой, в значительной степени упустили из виду тот факт, что целью Евангелия является любовь, а милосердие - его высшей добродетелью. После долгой и болезненной борьбы произошел разрыв; отколовшиеся фрагменты под названиями ортодоксии и хиксайта, столь похожие и в то же время столь разделенные по чувствам, столкнулись друг с другом как враждебные секты, и

"Ни один из них так и не нашел другого

Чтобы освободить опустошенное сердце от боли;

Они стояли в стороне, шрамы остались,
Как скалы, которые были разорваны на части
Мрачное море теперь течет между ними;
Но ни дождя, ни мороза, ни грома,
Могу полностью уничтожить, я надеюсь,
Следы того, что когда-то было".

Мы обнаружили около сорока участников, собравшихся в гостиной нашего друга Льюиса, и после некоторой общей беседы Льюиса Таппана попросили председательствовать на неофициальном заседании, подготовительном к открытию Съезда. Красивый, интеллектуального вида мужчина в расцвете сил откликнулся на приглашение и ясным, хорошо поставленным голосом, твердые тона которого внушали надежду и доверие, изложил цели нашего предварительного совета и цель, которая собрала нас вместе, в серьезных и хорошо подобранных словах. При организации Съезда было сочтено целесообразным заручиться, по возможности, услугами какого-нибудь выдающегося гражданина Филадельфии с высоким социальным положением для руководства его работой. Тщетно оглядываясь в поисках какого-нибудь титулованного гражданского лица или доктора богословия, мы были вынуждены признать, что внешне мы были всего лишь "слабым народом", остро нуждающимся в щите популярного имени. Комитет, членом которого я был, был назначен для поиска президента, соответствующего этому описанию. Мы посетили двух выдающихся джентльменов, известных как сторонники эмансипации и занимающих высокое социальное положение. Они приняли нас с достойной учтивостью старой школы, отклонили наше предложение в вежливых выражениях и отклонялись с холодной вежливостью, равной которой был только старший Уинкль по отношению к незадачливой депутации Пиквика и его невзрачным спутникам. Выходя из их дверей, мы не могли удержаться от улыбки друг другу в лицо при мысли о том небольшом стимуле, который наше предложение президентства давало людям их класса. Очевидно, наша компания была не из тех, с кем можно было бы маршировать по Ковентри.

На следующее утро мы отправились в здание Адельфи на Пятой улице, ниже Уолната, которое было зарезервировано для нашего использования. Оказалось, что присутствовали шестьдесят два делегата. Президентом был избран Берия Грин из Института Онейда (Нью-Йорк), мужчина со свежим лицом, волосами песочного цвета, довольно заурядной внешности, но имевший репутацию способного и красноречивого оратора. Он уже успел заявить о себе как о решительном и самоотверженном аболиционисте. Льюис Таппан и я заняли свои места рядом с ним в качестве секретарей на возвышении в западном конце зала.

Оглядывая собрание, я заметил, что оно в основном состояло из сравнительно молодых мужчин, некоторые в среднем возрасте, а некоторые и старше. Почти все они были одеты просто, стремясь скорее к комфорту, чем к элегантности. На многих обращенных ко мне лицах застыло выражение ожидания и сдерживаемого энтузиазма; у всех была серьезность, которую можно было ожидать от людей, занятых делом, сопряженным с трудностями и, возможно, опасностью. Прекрасный, интеллектуальный глава Гаррисона, преждевременно облысевший, бросался в глаза; солнечнолицый молодой человек рядом с ним, в котором, казалось, нашли выражение все заповеди блаженства, был Сэмюэл Дж. Мэй, в жилах которого текла лучшая кровь Сьюоллов и Квинси, — человек настолько исключительно чистый и великодушный,

настолько добродушный, нежный и любящий, что он мог быть верен истине и долгу, не наживая врага.

- Черт бы побрал, если бы посмотрел ему в лицо,
И поклялся, что не смог бы его переубедить.

Этот высокий, худощавый, смуглый мужчина с прямым орлиным лицом, на чьей несколько воинственной фигуре квакерский сюртук казался немного неуместным, был Линдли Коутс, известный во всей восточной Пенсильвании как непримиримый враг рабства; этим худощавым, энергичным человеком, живым в каждой черте и жесте, был Томас Шипли, который в течение тридцати лет был защитником свободного цветного населения Филадельфии, и чье имя благоговейно произносили шепотом в рабских хижинах Мэриленда как друга чернокожих, представителя класса, характерного для старого квакерства, которые, выполняя то, что они считали своим долгом, и следуя внутреннему Свету, направляемому ими, не знали страха и не боялись никаких жертв. Более храбрых людей мир еще не знал. Рядом с ним, отличаясь по вероисповеданию, но объединяясь с ним в делах любви и милосердия, сидел Томас Уитсон из Хикссайтской школы друзей, только что со своей фермы в графстве Ланкастер, одетый в самую простую домотканую одежду, его высокую фигуру венчала копна нечесаных волос, странный раскосый взгляд сильно контрастировал с ясностью и прямоотой его духовной проницательности. Элизур Райт, молодой профессор западного колледжа, потерявший свое место из-за смелой защиты свободы, с выражением крайней сосредоточенности, соответствующим интеллекту, острому, как дамасский клинок, внимательно наблюдал за происходящим сквозь очки, открывая рот только для того, чтобы обратиться непосредственно к делу. Нельзя было упускать из виду дородную фигуру доктора Бартоломью Фасселла, всеми любимого врача из той прекрасной страны изобилия и мира, которую Байард Тейлор описал в своей истории о Кеннете. Аболиционист сердцем и душой, его дом был известен как убежище беглых рабов, и ни один спортсмен никогда не вступал в погоню с таким рвением, как он, выполняя трудную и иногда опасную работу по оказанию помощи их побегу и сбиванию с толку преследователей. Самым молодым из присутствующих, по-моему, был Джеймс Миллер Макким, пресвитерианский священник из Колумбии, впоследствии один из наших самых эффективных работников. Джеймс Мотт, Э. Л. Капрон, Арнольд Баффам и Натан Уинслоу, люди, хорошо известные в антирабовладельческой агитации, были заметными участниками. Вермонт спустил со своих гор Орсона С. Мюррея, человека ужасно серьезного, с рвением, граничащим с фанатизмом, и который ничуть не смягчился из-за насилия толпы, которому он подвергся. Передо мной, вызывая приятные ассоциации со старой усадьбой в Мерримак-вэлли, сидел мой первый школьный учитель, Джошуа Коффин, образованный и достойный антиквар и историк из Ньюбери. Присутствовали несколько зрителей, в основном из хиксайтского подразделения Друзей, в широкополых шляпках, среди них Эстер Мур и Лукреция Мотт.

Были выбраны комитеты для разработки проекта конституции национального общества борьбы с рабством, назначения списка должностных лиц и подготовки декларации принципов, которую подпишут члены. Доктор А. Л. Кокс из Нью-Йорка, пока эти комитеты отсутствовали, прочитал кое-что из написанного мной панегирика Уильяму Ллойд Гаррисону; а Льюис Таппан и Амос А. Фелпс, конгрегационалистский священник из Бостона, впоследствии один из самых преданных тружеников этого дела, щедро похвалили рвение, мужество и преданность юного пионера. Президент, пригласив Джеймса Маккраммелла, одного из двух или трех цветных членов

Конвента, к креслу председателя, сделал несколько красноречивых замечаний в адрес тех редакторов, которые осмелились выступить в защиту эмансипации. В конце его речи поднялся молодой человек, чья внешность сразу привлекла мое внимание. Мне кажется, я никогда не видел более прекрасного лица и фигуры, и его манеры, слова и осанка соответствовали этому. "Кто он?" Я спросил одного из делегатов от Пенсильвании. "Роберт Первис из этого города, цветной человек", - был ответ. Он начал с того, что от всего сердца поблагодарил делегатов, которые собрались для освобождения его народа. Он говорил о Гаррисоне в терминах самого теплого панегирика, как о человеке, который тронул сердца нации, нарушил похожий на могилу сон церкви и заставил ее выслушать историю о несправедливостях раба. В заключение он заявил, что друзья цветных американцев не будут забыты. "Их память, - сказал он, - будут бережно хранить, когда пирамиды и монументы рассыплются в прах. Поток времени, сметающий прибежище лжи, несет защитников нашего дела к славному бессмертию".

Комитет по конституции представил свой доклад, который после обсуждения был принят. Он отрицал какое-либо право или намерение вмешиваться, иначе как путем убеждения и христианских обличений, в рабство в том виде, в каком оно существовало в штатах, но подтверждал обязанность Конгресса отменить его в округе Колумбия и территориях и положить конец внутренней работорговле. Затем был выбран список должностных лиц нового общества: Артур Таппан из Нью-Йорка, президент, и Элизур Райт-младший, Уильям Ллойд Гаррисон и А. Л. Кокс, секретари. Среди вице-президентов был доктор Лорд из Дартмутского колледжа, тогда открыто выступавший за эмансипацию, но впоследствии совершивший моральный кульбит, самоинверсию, которая с тех пор навсегда оставила его на голове, а не на ногах.

Он стал ярким защитником рабства как божественного института и обрушил горе на аболиционистов за вмешательство в волю и замысел Создателя. По мере того как дело свободы набирало обороты, сердце бедняги подводило его, и его надежда на церковь и государство становилась все слабее и слабее. Печальный пророк евангелия рабства, он свидетельствовал в невольных ушах неверующего поколения и, наконец, умер, отчаявшись в мире, который, казалось, решил, что Ханаан больше не должен быть проклят, а Онисим не должен быть отправлен обратно к Филимону.

Комитет по декларации принципов, членом которого я был, провел продолжительное заседание, обсуждая надлежащий объем и содержание документа. Но поскольку прогресс был достигнут незначительный, в конце концов было решено доверить этот вопрос подкомитету, состоящему из Уильяма Л. Гаррисона, С. Дж. Мэя и меня; и после краткой консультации и сравнения мнений друг друга составление важного документа было поручено бывшему джентльмену. Мы договорились встретиться с ним в его квартире в доме цветного друга рано утром следующего дня. Было еще темно, когда мы поднялись в его комнату, и все еще горела лампа, при свете которой он писал последнее предложение декларации. Мы внимательно прочитали его, внесли несколько словесных изменений и представили большому комитету, который единогласно согласился доложить о нем Конвенции.

Доклад был зачитан на Съезде доктором Этли, председателем комитета, и выслушан с глубочайшим интересом.

Начиная со ссылки на то время, пятьдесят семь лет назад, когда в том же городе Филадельфия "наши отцы— объявили миру о своей Декларации независимости, основанной на самоочевидных истинах равенства и прав человека, и призвали к оружию для ее защиты, в нем

говорилось о новом предприятии как о том, "без которого деятельность наших отцов была бы неполной", и как о превосходящем их по масштабу, торжественности и вероятным результатам в той же степени, "в какой моральная истина превосходит физическую силу". В нем говорилось о разнице между ними в предлагаемых средствах и целях, а также о пустяковых обидах наших отцов по сравнению с несправедливостями и страданиями рабов, которые он убедительно охарактеризовал как несравненные ни с какими другими на лице земли. В нем утверждалось, что нация обязана немедленно раскаяться, отпустить угнетенных на свободу и предоставить им все права и привилегии других; потому что, утверждалось в нем, ни один человек не имеет права поработать или обесчещивать своего брата; потому что свобода неотчуждаема; потому что в принципе нет разницы между рабовладением и человекоугодничеством, которое закон клеймит как пиратство; и потому что никакая продолжительность рабства не может лишить права человека на себя или сделать законы о рабстве чем-либо иным, кроме "дерзкой узурпации".

Он утверждал, что плантаторам, освобождающим рабов, не следует выплачивать никакой компенсации, потому что это было бы отказом от фундаментальных принципов; "рабство - это преступление и, следовательно, не предмет, подлежащий продаже"; потому что рабовладельцы являются не просто владельцами того, на что они претендуют; потому что освобождение уничтожило бы только номинальную, а не реальную собственность; и потому что компенсация, если она вообще будет предоставлена, должна быть предоставлена рабам.

В нем любая "схема экспатриации" объявлялась "обманчивой, жестокой и опасной". Он полностью признал право каждого штата принимать законы исключительно по вопросу рабства в своих пределах и признал, что Конгресс, согласно настоящему национальному договору, не имел права вмешиваться; хотя по-прежнему утверждал, что он обладает полномочиями и должен их осуществлять "для подавления внутренней работорговли между несколькими штатами" и "для отмены рабства в округе Колумбия и в тех частях нашей территории, которые Конституция передала под его исключительную юрисдикцию".

После четкого и решительного признания принципов, лежащих в основе предприятия, и скрупулезной защиты прав людей и государств в соответствии с Конституцией при его преследовании декларация завершалась следующими красноречивыми словами:—

Мы также утверждаем, что в настоящее время на народах свободных штатов лежат высочайшие обязательства по ликвидации рабства путем моральных и политических действий, как это предписано Конституцией Соединенных Штатов. Сейчас они живут под залог своей огромной физической силы, призванной закрепить тяжкие оковы тирании на конечностях миллионов людей в южных штатах; они могут быть призваны в любой момент для подавления всеобщего восстания рабов; они разрешают рабовладельцу голосовать за три пятых своих рабов как за собственность и, таким образом, позволяют ему увековечивать свое угнетение; они поддерживают постоянную армию на Юге для ее защиты; и они хватают раба, сбежавшего на их территорию, и отправляют его обратно на пытки разъяренным хозяином или жестоким погонщиком. Такое отношение к рабству преступно и полно опасности. Оно должно быть прекращено.

"Таковы наши взгляды и принципы, таковы наши проекты и меры. С полной уверенностью в непререкаемой справедливости Бога мы опираемся на Декларацию независимости и истины божественного откровения, как на вечную скалу.

"Мы организуем общества борьбы с рабством, если это возможно, в каждом городе и деревушке на нашей земле.

"Мы вышлем агентов, которые возвысят голос протеста, предупреждения, мольбы и порицания.

"Мы будем беспощадно и широко распространять антирабовладельческие трактаты и периодические издания.

"Мы привлечем кафедру и прессу к делу страждущих и немых.

"Мы будем стремиться к очищению церкви от всякого участия в вине рабства.

"Мы будем поощрять труд свободных людей по сравнению с трудом рабов, отдавая предпочтение их продукции; и

"Мы не пожалеем ни сил, ни средств, чтобы привести всю нацию к скорейшему покаянию.

"Мы верим в победу исключительно на Бога. Мы можем потерпеть личное поражение, но наши принципы - никогда. Истина, справедливость, разум, человечность должны и восторжествуют со славой. Войско уже идет на помощь Господу против сильных мира сего, и открывающаяся перед нами перспектива полна ободрения.

"Представляя эту декларацию на откровенное рассмотрение народа этой страны и друзей свободы во всем мире, мы настоящим ставим под ней свои подписи; обязуясь, что под руководством и с помощью Всемогущего Бога мы сделаем все, что в наших силах, в соответствии с этой декларацией наших принципов, чтобы свергнуть самую отвратительную систему рабства, которую когда-либо видели на земле, избавить нашу страну от ее самого смертоносного проклятия, стереть самое грязное пятно, лежащее на нашем национальном гербе, и обеспечить цветному населению нашей страны защиту от рабства". Соединенные Штаты сохраняют все права и привилегии, которые принадлежат им как мужчинам и как американцам, независимо от того, что может отразиться на нашей личности, наших интересах или нашей репутации, независимо от того, доживем ли мы до торжества справедливости, свободы и человечности или безвременно погибнем как мученики за это великое, великодушное и святое дело".

За чтением документа последовало обсуждение, длившееся несколько часов. Член Общества друзей выступил за его немедленное принятие. "Мы все, - сказал он, - дали на это свое согласие: каждое сердце здесь откликается на это. Учение друзей состоит в том, что к этим сильным и глубоким впечатлениям следует прислушиваться". Конвенция, тем не менее, сочла важным внимательно изучить декларацию, пункт за пунктом. Во время обсуждения один из зрителей попросил разрешения сказать несколько слов. Красивая и грациозная женщина в расцвете сил, с лицом под простой шляпкой, таким же утонченно интеллектуальным, как у мадам Ролан, внесла несколько мудрых и ценных предложений чистым, приятным голосом, очарование которого я никогда не забуду. Это была Лукреция Мотт из Филадельфии. Президент вежливо поблагодарил ее и призвал принять участие в обсуждении. Утром последнего дня нашей сессии декларация с несколькими устными поправками, тщательно отпечатанная на пергаменте, была представлена на рассмотрение Съезда. Сэмюэл Дж. Мэй поднялся, чтобы прочитать это в последний раз. Его приятный, убедительный голос дрогнул от силы эмоций, когда он повторил торжественные обещания, содержащиеся в заключительных абзацах. После

некоторого молчания Дэвид Терстон из штата Мэн поднялся, когда один из секретарей назвал его имя, и поставил свою подпись под документом. Один за другим поднимались на платформу, расписывались и молча удалялись. Все чувствовали глубокую ответственность этого события, тень и предвестие борьбы, длившейся всю жизнь, лежали на каждом лице.

На этом наша работа как Съезда была закончена. Президент Грин встал, чтобы выступить с заключительной речью. Обстоятельства, при которых это было произнесено, возможно, придали ей не свойственную ей впечатляющуюсть; но сейчас, когда я это вспоминаю, это кажется мне самой сильной и красноречивой речью, которую я когда-либо слушал. Он представил на рассмотрение проделанную работу, конституцию нового общества, декларацию чувств, а также единство и серьезность, которыми были отмечены эти мероприятия. Его заключительные слова никогда не забудутся теми, кто их слышал: —

"Братья, было приятно находиться здесь. В этой священной атмосфере я возродился и освежился. Это краткое интервью с лихвой вознаградило меня за все, что я когда-либо выстрадал. Здесь я встретил близкие по духу умы; я радовался сочувствию, восхитительному для души. Сердце бьется в такт сердцу, и святое дело приносить пользу оскорбленным и презиравшим оказалось самым благословенным занятием.

Но теперь мы должны удалиться от этих благоухающих влияний и вдохнуть другую атмосферу. Нас настигнет холодный иней. Поднимется буря, и волны преследований обрушатся на наши души. Давайте будем готовы к худшему. Давайте пристегнем себя к престолу Божьему, как стальными крюками. Если мы не будем цепляться за Него, наши имена в этом документе превратятся в пыль.

"Давайте не будем вызывать аплодисментов, не будем поддаваться духу тщеславного хвастовства. Давайте будем уверены, что наша единственная надежда в борьбе с костлявым чудовищем - в Руке, которая сильнее нашей. Давайте устремим свой взор на Бога и будем ходить в свете Его лика. Если наше дело справедливо — а мы знаем, что это так, — Его всемогущество гарантирует его триумф. Пусть это дело будет связано с самыми фибрами наших сердец. Пусть наши сердца прирастут к этому, чтобы ничто, кроме смерти, не могло разорвать эту связь".

Он умолк, а затем, среди тишины, нарушаемой только глубоким взволнованным вздохом собравшихся, возвысил свой голос в молитве ко Всемогущему Богу, полной рвения и чувства, умоляя Его благословить Съезд и его работу. И с торжественностью этой мольбы в наших сердцах мы пожали друг другу руки на прощание и отправились каждый к месту своего дежурства, не зная о том, что должно случиться с нами по отдельности, но с уверенностью, никогда не поколебленной оскорблениями и преследованиями, в несомненном триумфе нашего дела.

КАНЗАС

Прочитано в двадцать пятую годовщину основания штата Канзас.

МЕДВЕЖИЙ ЛАГЕРЬ, УЭСТ-ОССИПИ, Северная Каролина,
29 ноября 1879 года, восьмой месяц.

Дж. С. ЭМЕРИ, Р. МОРРОУ И К. В. СМИТУ, КОМИТЕТУ:

Я получил ваше приглашение на празднование двадцать пятой годовщины первого поселения в Канзасе. Мне было бы очень приятно посетить ваш штат по случаю такого особого интереса и познакомиться с его храбрыми и самоотверженными первопроходцами, но у меня нет здоровья и сил для путешествия. Очень уместно, что эта годовщина получила должное признание. Ни одно из братских вам государств не имеет такого послужного списка, как ваш, — столь полного опасностей и приключений, стойкости, самопожертвования и героической преданности свободе. Крещение кровью мучеников не только спасло государство от свободы, но и сделало возможной повсеместную отмену рабства. Барбер, Стилвелл, Колпецер и их сподвижники погибли не напрасно. На протяжении всей вашей долгой, упорной борьбы я с огромным интересом наблюдал за ходом событий в Канзасе. Я радовался и в то же время восхищался непоколебимым мужеством, которое не могла поколебать никакая опасность, непоколебимой выносливостью, которая превзошла жестокость ваших захватчиков-рабовладельцев, и той верностью праву и долгу, которую не могли поколебать ни соблазн сиюминутных личных интересов, ни военная сила правительства, придерживающегося рабовладельческого режима. Все мои соболезнования были на вашей стороне в этом суровом испытании вашей верности Богу и человечеству. И когда, в конце концов, вы завоевали мир, и последний из сбитых с толку пограничных негодяев покинул вашу территорию, я почувствовал, что судьба проклятого института предрешена и что его отмена - всего лишь вопрос времени. Я уверен, что государство с таким послужным списком будет верным своим благородным традициям и сделает все, что в его силах, чтобы помочь жертвам предрассудков и угнетения, которые, возможно, будут вынуждены искать убежища в пределах его границ. Я ни на минуту не усомнюсь в верности Канзаса ее основополагающему принципу. Боже, благослови и преуспей ее! Благодарю вас за любезные условия вашего приглашения, джентльмены, я действительно ваш друг.

УИЛЬЯМ ЛЛОЙД ГАРРИСОН.

Введение к книге Оливера Джонсона "Уильям Ллойд Гаррисон и его время".

[1879.]

Я не уверен, что любое мое слово может придать дополнительный интерес этому мемориалу Уильяма Ллойда Гаррисона, написанному пером одного из его первых и самых преданных друзей, чьей привилегией было разделять его доверие и его труды на протяжении почти полувека; но я не могу упустить предоставленную мне возможность кратко дополнить свое свидетельство данью памяти великого реформатора, дружбу с которым я разделял и с которым я был связан общим делом с юности до старости.

Мое знакомство с ним началось в детстве. Мой отец был подписчиком своей первой газеты "Свободная пресса", и гуманный тон его передовиц пробудил глубокий интерес к нашей

маленькой семье, который усилился после визита, который он нанес нам. Когда впоследствии он редактировал журнал "Таймс" в Беннингтоне, штат Вашингтон, я рискнул написать ему письмо с ободрением и сочувствием, убеждая его продолжать борьбу против рабства и заверяя его, что он может "совершать великие дела", бессознательное пророчество, которое исполнилось сверх мечты моего мальчишеского энтузиазма. Завязавшаяся таким образом дружба не прерывалась на протяжении полувека, подтверждая мою прежнюю уверенность в его рвении и преданности, а также в огромной интеллектуальной и моральной силе, которую он привнес в дело, с которым связано его имя.

В ходе долгой и упорной борьбы, в которую были вовлечены аболиционисты, и среди возникших новых и трудных вопросов и побочных проблем едва ли могло быть иначе, чем между ними возникли разногласия во мнениях и действиях. Лидер и его ученики не всегда могли видеть одинаково. Мой друг, автор этой книги, я думаю, в целом был полностью согласен с ним, в то время как я часто решительно не соглашался. Я считал своим долгом использовать свое гражданское право у урны для голосования во имя свободы, в то время как Гаррисон с такой же искренностью судил и советовал иное. Каждый действовал, руководствуясь чувством личного долга и ответственности, и наши личные отношения не были нарушены. Если временами великий антирабовладельческий лидер не отдавал должное мотивам тех, кто, искренне сочувствуя его ненависти к рабству, не соглашался с некоторыми его мнениями и методами, это было всего лишь простительным и не противоестественным результатом его целеустремленности и его самоидентификации с делом, которое он отстаивал; и, хотя в некоторых деталях он был вынужден не соглашаться с его суждениями о людях и мерах, огромная масса антиславянского народа признавала его моральное лидерство. Противоречия старой и новой организации, непротивления и политических действий могут теперь рассматриваться их участниками, которые все еще выживают, с философским спокойствием, которое следует за угасанием предрассудков и страстей. Мы были всего лишь подверженными ошибкам людьми, и, несомненно, часто ошибались в чувствах, речах и действиях. Наш опыт был всего лишь общим опытом реформаторов всех эпох.

"Никогда не попадай в смазанные канавки Custom"

Мир переходит на более высокий уровень,
Но сильно натирает и шлифует при трении
О гранитные чаши и кремнистые осколки.
Когда-нибудь Добродетели краснели, обнаруживая, что
Пороки носят свой значок сзади,
А Милосердие и Благотворительность ощущают огонь
В котором угасают грехи века".

Сейчас слишком поздно останавливаться на этих различиях. Я предпочитаю с чувством благодарности к Богу вспомнить о великом счастье работать в благородной компании, центральной фигурой которой был Гаррисон. Мне нравится думать о нем таким, каким он казался мне, когда на заре зрелости он сидел со мной на старом фермерском доме в Хаверхилле, обдумывая уже тогда планы благотворительности; или с радостной улыбкой приветствовал меня за своим скромным обедом из хлеба и молока в темной бостонской типографии; или каким я застал его серым декабрьским утром на маленьком чердаке у цветного человека в Филадельфии, заканчивающего свою ночную работу по составлению бессмертной

декларации чувств Американского общества борьбы с рабством; или каким я увидел его в тюрьме на Лаверетт-стрит. , после его почти чудесного спасения от толпы, игриво приглашая меня разделить с ним безопасное жилье, которое государство предоставило для него; и во всех разнообразных сценах и ситуациях, где мы вместе играли свою роль в великом стремлении к Свободе.

Можно с уверенностью ожидать вердикта потомков по его делу. Среди истинных реформаторов и благодетелей своей расы он занимает место, не уступающее никому другому. Личная жизнь многих, кто достойно сражался в битвах человечества, не была незапятнанной. Но его личная репутация, как и его общественная, не знала бесчестия. Ни тени подозрения не лежит на белой статуе жизни, достойной гирляндой которой должен быть альпийский цветок, символизирующий благородную чистоту.

ГОДОВЩИНА БОРЬБЫ С РАБСТВОМ.

Прочитано на праздновании полувекового юбилея Американского антирабовладельческого общества в Филадельфии 3 декабря 1883 года.

ОУК-НОЛЛ, ДЭНВЕРС, Массачусетс,
11-е 30-е ноября 1883 года.

Мне нет нужды говорить, с какой радостью я был бы с вами на праздновании полувековой годовщины Американского общества борьбы с рабством. К сожалению, я совершенно не в состоянии удовлетворить это желание и могу представить себя только письмом.

Оглядываясь назад на долгие полувековые годы, я с трудом могу представить себе условия, при которых был собран конвент 1833 года. Рабство было преобладающим. Как и Аполлион в "Прогрессе Пилигрима", он "простирался по всей ширине пути". Церковь и государство, пресса и кафедра, деловые интересы, литература и мода были распростерты у его ног. Наш съезд, за немногими исключениями, состоял из людей без влияния или положения, бедных и малоизвестных, сильных только в своих убеждениях и вере в справедливость своего дела. Сторонним наблюдателям наша попытка отменить злую работу двух столетий и обратить нацию к "великому отречению", связанному с эмансипацией, должно быть, показалась в высшей степени абсурдной. Наши голоса в такой атмосфере не находили отклика. Мы не могли ожидать ответа, кроме насмешливого смеха или метательных выстрелов толпы.

Но мы чувствовали, что сила истины на нашей стороне; мы были правы, а весь мир вокруг нас был неправ. У нас были вера, надежда и энтузиазм, и мы делали свою работу, ни в чем не сомневаясь, среди поколения, которое сначала презирало, а затем боялось и ненавидело нас. Что касается меня, то я никогда не переставал быть благодарным Божественному Провидению за привилегию принять участие в этой работе.

И вот уже более двадцати лет у нас свободная страна. Ни один раб не ступает по ее земле. Ожидаемые опасные последствия полной эмансипации не были ощутимы. Эмансипированный класс в целом поступил мудро и преуспел в обстоятельствах особой сложности. Хозяева поняли, что хлопок лучше выращивать свободным трудом, чем рабским, и теперь никто не желает

возвращения к рабовладению. Секционные предрассудки отступают, горечь гражданской войны медленно проходит. Мы начинаем чувствовать, что мы единый народ, у которого на самом деле нет сталкивающихся интересов, и никто так искренне не радуется растущему процветанию Юга, как старые аболиционисты, которые ненавидели рабство как проклятие как для хозяина, так и для рабыни.

В связи с этим памятным событием, отмечающим полувековую годовщину, меня одолевает множество мыслей; память вызывает в памяти исчезнувшие лица и голоса, давно умолкшие. Из тех, кто выступал вместе со мной на съезде пятьдесят лет назад, почти все перешли в другое состояние бытия. Мы, оставшиеся, должны вскоре последовать за ними; мы увидели исполнение нашего желания; мы пережили презрение и преследования; удлиняющиеся тени приглашают нас отдохнуть. Если, оглядываясь назад, мы чувствуем, что иногда допускали ошибки из-за нетерпеливого рвения в нашей борьбе с большим злом, мы испытываем удовлетворение от осознания того, что на нас повлияли не просто эгоистичные соображения. Слабый свет нашего заходящего солнца сияет над свободным, объединенным народом, и наша последняя молитва будет за их мир, процветание и счастье.

ОТВЕТ

ЗА ПРАЗДНОВАНИЕ МОЕГО ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЯ ЦВЕТНЫМИ ГРАЖДДАНАМИ ВАШИНГТОНА, округ КОЛУМБИЯ

Р. Х. ТЕРРЕЛЛУ И ДЖОРДЖУ У. УИЛЬЯМСУ, ЭСКВАЙРАМ.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, Среди огромного количества знаков интереса и доброй воли, которые поступили ко мне в день моего рождения, ни один не тронул меня так глубоко, как заседание великого собрания цветных граждан столицы страны, представителями которого вы являетесь. Резолюции этого собрания дошли до меня как голос миллионов моих соотечественников. Этот голос был немым в рабстве, когда более полувека назад я выступил со своей мольбой о свободе раба.

Оно не могло ответить мне с рисового болота и хлопкового поля, но теперь, хвала Господу, оно говорит с вашего великого собрания в Вашингтоне и из всех колледжей и школ, где обучается молодежь вашей расы. Тогда я едва ли ожидал, что люди, за которых я умолял, когда-нибудь узнают о моих усилиях в их защиту. Я не могу быть слишком благодарен Божественному Провидению за то, что дожил до того, чтобы услышать их благодарный ответ.

Я поражен быстрыми успехами, которых добился ваш народ после эмансипации, вашим трудолюбием, приобретением собственности и земли, вашим рвением к образованию, вашим уважающим себя, но безразличным отношением к тем, кто раньше называл себя вашими хозяевами, вашим жалким, но мужественным призывом к справедливому обращению и признанию. Я вижу во всем этом обещание того, что недалек тот момент, когда, как и представители белой расы, вы будете обладать свободными, неоспоримыми правами американского гражданства во всех частях Союза и вашей законной долей в почестях, а также защитой правительства.

На ваше письмо ответили бы раньше, если бы это было возможно. Я был буквально завален письмами и телеграммами, на которые из-за болезни я был в значительной степени не в состоянии ответить или даже прочитать.

Я выражаю вам, джентльмены, и людям, которых вы представляете, мою сердечную благодарность и заверяю, что, пока длится жизнь, вы будете считать меня, каким я был до сих пор, в более сложных обстоятельствах, вашим верным другом.

ОУК-НОЛЛ, ДЭНВЕРС, Массачусетс, 9 января 1888 года.